Словесница Искусств

ФИЛОСОФИЯ ОБРЯДА

Словесница Искусств

№ 19
2007

Культурно-просветительский журнал
Издается в Хабаровске с 1998 года
Выходит 2 раза в год

Лауреат конкурса среди провинциальных изданий, пишущих о культуре, проводимого АНО «Единство культуры и журналистики» совместно с Фондом Форда (1999)
Лауреат Всероссийского конкурса журналистов «Золотой Гонг-2001»
Лауреат Всероссийского конкурса журналистов «Лица российской провинции» (2004)

РЕДАКЦИЯ:

Главный редактор — Елена ГЛЕБОВА
Художественно-технический редактор — Галина ПЕРШИНА
Корреспондент — Светлана ФУРСОВА
Выпускающий редактор — Наталия РОДИНА

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Федосов Александр Вячеславович
председатель
(Министерство культуры Хабаровского края)
Акишкин Николай Сергеевич
(Хабаровское краевое отделение всероссийского творческого объединения «Союз художников России»)
Бутрина Галина Александровна
(Дальневосточная государственная научная библиотека)
Вараксина Лидия Александровна
(Государственный архив Хабаровского края)
Гонтмахер Петр Яковлевич
(Дальневосточный государственный гуманитарный университет)
Григорьева Татьяна Анатольевна
(Краевое научно-образовательное творческое объединение культуры)
Дубинина Нина Ивановна
(Дальневосточный государственный гуманитарный университет)
Мельникова Татьяна Владимировна
(Хабаровский краевой краеведческий музей им. Н.И. Гродекова)
Черепанова Светлана Юрьевна
(Хабаровский краевой благотворительный общественный фонд культуры)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ №ФС 15-0488 от 10 апреля 2007 г.
Выдано Управлением Росохранкультуры по Дальневосточному федеральному округу

Учредитель: Хабаровский краевой благотворительный общественный фонд культуры (680000, г. Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, 17).
Государственное учреждение культуры «Краевое научно-образовательное творческое объединение культуры» министерства культуры Хабаровского края (680000, г. Хабаровск, ул. Запарина, 88).
Издатель: Государственное учреждение культуры «Краевое научно-образовательное творческое объединение культуры» министерства культуры Хабаровского края

Адрес редакции:
680000, Хабаровск, ул. Фрунзе, 71
Тел. (4212) 32-73-42. E-mail: haki@mail.redcom.ru
Тираж 1000 экз.
Отпечатано в ООО «Омега-Пресс»
Тираж 1 000 экз.

На первой странице обложки:
Надежда Хрустова. Золотые звуки. Батик

Перепечатка без разрешения редакции запрещена.
При использовании материалов ссылка обязательна

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА РЕДАКТОРА
2 Елена Глебова. ***Подарки для матушки Пятницы***

ГЛАВНАЯ ТЕМА: ФИЛОСОФИЯ ОБРЯДА

4 Сергей Березницкий. ***Магия рождения***
10 Галина Титорева. ***Душа уходит в Були***
14 Татьяна Мельникова. ***Судьба и удача на лопатке животных***
17 Марина Осипова. ***Тату айнских женщин от богини солнца***
20 Галина Титорева, Светлана Гончарова. Без оленя нет эвена
26 Елена Глебова. ***Тайное поручение старому тису***

ГЛАВНАЯ ТЕМА: СЛАВЯНЕ

32 Наталья Соболевская. ***Трын-трава.*** *Заметки историка*
41 Наталья Милушова. ***Конек на счастье***
Традиции и быт уссурийских казаков
50 Юлия Аргудяева. ***В мир иной…*** *Похоронно-поминальные обряды восточных славян на юге Дальнего Востока*
56 Иван Шевнин. ***Старообрядческая лестовка – образ непрестанной молитвы***
61 Татьяна Мельникова. ***Суженый для славянской девушки, или Чем обряд богат***
64 Елена Грабко. ***Построить новый дом на камне***
Славянские традиции в Детском музее
67 Александр Шунейко. ***Сохранить себя***
Современный мир глазами старообрядцев

ЗНАКИ И СИМВОЛЫ НАШЕЙ ИСТОРИИ

АРХИВ
72 Нина Дубинина. ***«Прости, Анадырь, не поминай меня лихом и хоть иногда вспомни добром»***
ИССЛЕДОВАНИЕ
78 Анна Шавгарова. ***С мечтой о новой стране***
ВСПОМНИМ ИМЯ
80 Светлана Фурсова. ***Георгий УШАКОВ. Отодвинуть край света***
КОПИЛКА ПАМЯТИ
85 Валерий Яковлев. ***Роман с романсом – жестокий и прекрасный***
88 Вячеслав Соболевский. ***Жизнь стала музыкой, а музыка жизнью***

ЛИТЕРАТУРА

ПЕРВЫЕ ЛИЦА
94 Александр Колесов.
Атлантида русской эмиграции, поднятая из забвения
ЗАМЕТКИ ПУБЛИЦИСТА
96 Владимир Иванов-Ардашев. ***Сквозь редакторское сито***
ЛИНИЯ ЖИЗНИ
97 Анна Петрова. ***Нашедший лесные клады***
КНИГИ
100 Наталия Родина. ***Сквозь полосу отчуждения***
102 Евгения Савелова. ***Масонская символика в русской литературе***

ЕДИНОЕ ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ

ТЕАТР
104 Елена Глебова. ***Театральные «бутоны» в отсутствие садовников***
105 Светлана Фурсова. ***Ваш выход, премьера!***
НЕГРОМКИЕ СЛОВА
111 Елена Глебова. ***Искусство и добро не имеет границ***
ПЕРСОНА
116 Ольга Привалова. ***Романтический сюжет***
ВЗГЛЯД
120 Светлана Фурсова. ***Пылинка вечности на глиняном черепке***
РАРИТЕТЫ
124 Сергей Меховщиков. ***Суровый меч и кроткое перо***
131 Наталья Старун. ***Открывший эпоху русского пейзажа***
136 Анастасия Берковская. ***Образ живой, одушевленный, страстный***
ДЫХАНИЕ ЭПОХ
138 Сергей Меховщиков. ***«Прогулка» Дюрера и страхи Средневековья***
ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ РЯДОМ
142 Светлана Фурсова. ***Кусочек бирюзы в мозаике жизни***
ПЕРСОНА
147 Светлана Фурсова. ***Соло для саксофона***
СОБЫТИЕ
149 Макс Шаргородский.
Из жизни «Общества любителей Фотографии»
ФОТОГАЛЕРЕЯ
152 Иван Данилов. ***Туманы и стихи***

Уважаемые читатели!

Журнал «Словесница Искусств», который издается в Хабаровском крае уже девять лет, играет заметную роль в культурном и образовательном пространстве региона и по-прежнему является единственным изданием, посвященным темам искусства, культуры, истории и духовности. В разное время журнал становился лауреатом краевых и всероссийских конкурсов средств массовой информации, в том числе лауреатом премии губернатора Хабаровского края в области литературы и искусства.

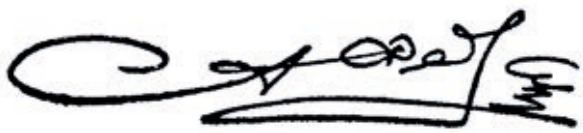
Год от года издание профессионально развивается, расширяется круг его авторов, среди которых ведущие историки, этнографы, искусствоведы, литераторы. Журнал вносит значительный вклад в поддержку краеведения, поскольку на его страницах публикуются редкие, а иногда и уникальные материалы о истории освоения Приамурья и Дальнего Востока, а также о людях, повлиявших на формирование и развитие культуры и искусства региона.

Журнал распространяется по всему Хабаровскому краю, частично по Дальнему Востоку и по России. Его читательская аудитория охватывает сегодня не только творческую интеллигенцию, но и молодежь, школьников. Таким образом, решается важная задача воспитания подрастающего поколения, формируется уважительное отношение к истории родной земли и традициям своего народа. И вот что еще важно: на страницах «Словесницы Искусств» представлено то, что мы называем вечным, непреходящим. Все это созвучно с Посланием Президента России Федеральному собранию Российской Федерации от 26 апреля 2007 года, в котором делается акцент на духовном единстве народа и объединяющих его моральных ценностях, являющихся таким же важным фактором развития, как политическая и экономическая стабильность.

Главная тема этого номера – «Философия обряда» – затрагивает, на мой взгляд, наиболее знаковые моменты духовной и материальной культуры славянских и северных народов, проживающих в Хабаровском крае и на Дальнем Востоке, возвращает нас к своим корням. И это еще один шаг к формированию позитивного пространства духовности и культуры.

С 2007 года в состав учредителей журнала «Словесница Искусств» вошло Краевое научно-образовательное творческое объединение культуры министерства культуры Хабаровского края. Тем самым журнал получил поддержку со стороны правительства края в лице министерства культуры, и это, несомненно, скажется на его дальнейшем качественном развитии.

Хочется пожелать коллективу редакции журнала творческих успехов и интересных издательских проектов.



А.В. ФЕДОСОВ,
министр культуры Хабаровского края

Подарки для матушки Пятницы

Наша жизнь от момента рождения и до последнего вздоха наполнена всевозможными обрядами, которые принято разделять на семейные и календарные. Внутри каждого из них – глубинная философия народа, столетиями формировавшего сложнейшую систему знаков, символов, правил, благодаря чему на земле всегда существовал определенный порядок. Возможно, именно это позволяло человеку строить диалог с природой и Творцом.

В.И. Даль трактует слово «обряд» как порядок, устройство в доме, обиход и приводит поговорку: «Что за хозяйка, коли у ней обряду нет». Или такое, достаточно устаревшее, понятие, как «обрядливый человек» – охочий до обрядов, педант. А ведь действительно, наши предки при совершении обрядов были максимально педантичны. Они понимали, что выпадение хотя бы одного знака из сложной обрядовой системы может привести к нарушению всеобщего порядка.

В основе древних обрядов, элементы которых мы наблюдаем и сегодня, прежде всего почтительное отношение к окружающему миру. К примеру, культ земли – матери и кормилицы. У славянских народов она воспринималась не иначе как женщина, которая в определенное время оплодотворяется, вынашивает плод и потом разрешается от бремени. Ни под каким предлогом нельзя было тревожить и копать землю до праздника Благовещения, а на Троицу запрещалось даже босиком по ней ходить. Считалось, что в этот день земля – именинница и должна отдохнуть от людей. Столь же трепетно относились к земле и дальневосточные этносы. Каждую весну приамурские шаманы совершали особый обряд очищения – словно бы наводили порядок после долгого зимнего сна. Посредники между земным и небесным мирами ходили по домам своих соплеменников, где их угощали ритуальным блюдом ***лала*** и привязывали на спинку шаманского халата лоскутки. И чем больше их, тем быстрее очищалась земля.

Поклонение водной стихии всегда было важнейшей чертой духовной культуры аборигенов. Задабривая духов – хозяев реки, они совершали обряды «кормления», пуская по волнам берестяные кораблики-чумашки с ритуальными кушаньями и особыми поручениями. Славяне тоже «кормили» воду, а точнее колодцы, угощали их хлебом-солью. Во время засухи сыпали туда мак, пшеницу и даже горох. Причем, если хотелось густого и частого дождя, выбирались мелкие зерна, а если, что называется, как из ведра – крупные.

На Руси всегда поклонялись священным источникам и колодцам. Их покровительницей христианский народ считал святую Параскеву Пятницу. Существует множество легенд о том, как на месте того или иного источника чудесным образом обретали икону этой православной святой, что считалось особым знаком. И тогда здесь непременно устанавливали крест или часовенку, люди приходили сюда за исцелением и обязательно приносили дары – полотенца, рубахи и даже мотки пряжи. Говорили: «Матушке Пятнице на передничек».

Конечно, многое из обрядовой культуры славян и северных народов утрачено, но какие-то важные вещи, независимо от нас, продолжают наполнять жизненное пространство, сохраняя тот самый порядок. «Первый блин – комом», – говорим мы, когда что-то вдруг не заладилось. А ведь прежде поговорка не имела негативного оттенка. Хозяйка стряпала блины, и самый первый относила в лес – для кама. Так в древности называли медведя – священного первопредка. Культ этого животного встречается у приамурских этносов. И хотя такой важнейший обряд, как медвежий праздник, можно теперь отыскать лишь на страницах этнографической литературы, современные мастера до сих пор создают ритуальные предметы с изображением медведя – прародителя многих северных родов.

Центральная тема нынешнего выпуска журнала «Словесница Искусств» – «Философия обряда», в которой мы постарались показать наиболее важные моменты духовной жизни коренных малочисленных народов Севера и славян-переселенцев. Проникая в глубины обрядов, на первый взгляд таких разных и практически несопоставимых, вдруг заново открываешь для себя простую, но очень важную истину – все на этой земле устроено по единому порядку. И не стоит его нарушать.

Елена ГЛЕБОВА

Бельды А.И. 1929 – 1983. Портрет старика. Х., м. 1978. Картинная галерея им. А.М. Федотова (Хабаровск)

Философия обряда
КОРЕННЫЕ НАРОДЫ СЕВЕРА

Фентисов Е. М. **«Семья».** ДВХМ (Хабаровск)

Магия рождения

Сергей БЕРЕЗНИЦКИЙ,
доктор исторических наук, заместитель директора по науке Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН

Владивосток

Отдельные аспекты традиционных родильных верований и ритуалов коренных народов Амура и Сахалина рассматривали в своих трудах И.А. Лопатин, Е.А. Гаер, В.В. Подмаскин, Т.Ю. Сем, С.Н. Скоринов, А.В. Смоляк, А.Ф. Старцев, Ч.М. Таксами и др.

Комплекс родильной обрядности можно подразделить на три основных этапа. 1. Предродовые запреты и ритуалы. 2. Родильные ритуалы. 3. Послеродовые ритуалы.

Как и у многих народов мира, процессы деторождения были важными для традиционного амурского общества, которое беспокоилось о своем воспроизводстве. Поэтому в первую очередь такая забота касалась беременной женщины и выражалась в двух ракурсах: рациональном и магическом. В своей основе они были схожи у всех нижнеамурских этносов, отдельные ритуалы имеют универсальный характер, так как распространены практически у всех народов мира. Однако в некоторых моментах можно было отметить как особенности, так и взаимовлияния, связанные с этнокультурными контактами.

Беременную женщину старались освободить от тяжелой работы по хозяйству, запрещали ей волноваться, переохлаждаться, совершать резкие движения. Не менее важное значение имели магические приемы защиты роженицы и ребенка от воздействия злых духов: запрещалось заранее шить одежду для ожидаемого ребенка, так как об этом могли узнать злые духи и погубить его. Лишь после рождения младенца мать могла сшить заранее приготовленные заготовки детской одежды. Изображение родового дерева с птичками – душами будущих детей на свадебных халатах, считалось благожелательным знаком для матери. Каждая свадьба в традиционном обществе народов региона предполагала богатое потомство, особенно мужского пола. Беременной женщине запрещалось шить в последние месяцы и резать материю – это могло привести к выкидышу; нельзя было покупать детскую одежду, игрушки, нужно было не говорить о грядущем событии.

В обществе беременную старались оградить от возможного воздействия духов, даже добрых, и души умершего человека. Ногликские нивхи запрещали беременной женщине подходить к могиле утопленника (Архив ИИАЭНДВ. Д. 416). По верованиям поронайских нивхов, беременной нельзя было принимать участие в ритуалах, и особенно в похоронном ритуале, даже если умирали родители. Беременной запрещалось смотреть в сторону площадки для устройства медвежьего праздника, так как это плохо скажется не только на родах, но и на промысловой удаче охотников всего рода. Следили за тем, чтобы беременная не переходила дорогу тому, кто идет угощать духов, иначе они накажут ее тяжелыми родами. В целом указанные запреты для роженицы общаться с духами умерших, приближаться к кладбищу и т. п. основаны на древних мировоззренческих категориях, имеющих важную функцию в культурах народов мира.

В традиционной культуре эвенков беременной было запрещено употреблять в пищу медвежье мясо. Запрет основывался на веровании о том, что ребенок родится таким же вредным, как медведь. Это особое отношение эвенков к медведю, по сравнению с верованиями других народов Амура, для которых медведь – священное животное, а для эвенков – вредный хищник, пожирающий оленей.

С одной амгуньской эвенкийкой, нарушившей в период беременности магический запрет, произошел такой случай. Она засмеялась, глядя, как ее кот играется с заячьей шкуркой и дерет когтями ушки. Когда у нее родился младенец, то одного уха у него не было совсем, другое было искалеченным (Архив ИИАЭНДВ, Д. 585). Таким образом мать своим смехом совершила грех, и духи, по словам эвенков, наказали ее.

Различные запреты распространялась не только на роженицу, но и на ее семью, и особенно мужа. Валовские эвенки и ульта считали, что если при разделке туши животного муж порежет себе палец, то ребенок родится без пальца, если сломает кость животного, то могут поломаться кости и у ребенка, ребенок может родиться калекой или психически неполноценным, которых в традиционной культуре убивали. В традиционном обществе мужу беременной запрещалось на последних неделях беременности забивать гвозди и точить ножи, чтобы роженица не изошла кровью. С одной из эвенкиек произошел при родах в 1950-х гг. казусный случай. Ее муж – директор местной школы – беспокоился за здоровье жены и будущего ребенка, стал развязывать веревки и открывать замки. Роды шли тяжело. Тогда он открыл замок на школе. Ребенок благополучно родился, и счастье родителей омрачил лишь факт того, что открытую школу обворовали (Архив ИИАЭНДВ. Д. 585).

Следует отметить отличия охранительных приемов разных нижнеамурских этносов. Так, в обществе нанайцев, нивхов и ульчей перед родами было запрещено использо-

вать ловушки давящего типа, закрывать замки, привязывать сети и вообще делать что-либо основанное на завязывании узлов. Нарушение этого запрета плохо скажется на предстоящих родах (Гаер, 1991). Хунгарийские орочи применяли противоположные приемы – ловили зверей ловушками, а стрелять из ружья запрещали, чтобы громкий звук выстрела не напугал роженицу.

С рациональными и магическими причинами заботы об удачном исходе охотничьего промысла был связан обычай рожать в отдельном помещении. По широко распространенному в охотничьих обществах запрету женщинам запрещалось приближаться к орудиям промысла, чтобы не отпугнуть удачу. У коренных народов региона этот запрет особенно соблюдался для беременной женщины, так как запах околоплодных вод мог отпугнуть зверя, и охотник остался бы без добычи. В культуре удэгейцев при рождении ребенка его пуповину перерезали обожженной на огне стрелой на выдру или соболя и перевязывали конопляными нитками. После ритуала стрелу настораживали в самострел, и она всегда попадала в зверя (Архив ПЦРГО-ОИАК. Д. 27). Таким образом, рождение ребенка становилось особым случаем, позволяющим нарушить древний промысловый запрет. В основном же в традиционном обществе народов региона роженицу на время отселяли из общего жилища в отдельное помещение. У удэгейцев муж строил отдельный балаган, заготавливал дрова и оставлял роженицу одну. При родах ей помогали мать или бабушка, которые изготавливали и колыбель для ребенка. В случае тяжелых родов, если ребенок долго не появлялся на свет, удэгейцы считали, что роженица имела половое общение с мужчиной запрещенного класса. Тогда из гнилого дерева делали его фигуру, и старая женщина плевала ей в лицо жеваной икрой, называя при этом имя и род виновного мужчины, фигуру рубили топором и выбрасывали. При особо тяжелых родах удэгейцы звали на помощь шамана, который для облегчения родов перевязывал роженице живот ремнем (Архив ПЦРГО-ОИАК. Д. 27). Когда роженица умирала с неродившимся плодом внутри, удэгейцы разрезали ей живот, плод вынимали и хоронили в земле. Это делалось для того, чтобы душа ребенка не вернулась к божеству, хозяйке детских душ ***Тагу Мама*** и не внедрилась в следующую женщину, погубив и ее. Информация о ***Тагу Мама*** освещает древние верования удэгейцев, связанные с ее мужем, демиургом и мифическим хозяином растений ***Чинихэ***, душой которого была вечнозеленая ветка омелы (Архив ПЦРГО-ОИАК. Д. 27). Возможно, что именно вечнозеленость этого растения, способность приживаться на других деревьях послужили причиной для такого верования. Таким образом, этот аспект верований удэгейцев имеет древний характер, сходный с воззрениями других этносов в области верований и ритуалов жизненного цикла.

Если у женщины часто умирали новорожденные, то нанайцы совершали охранительный магический ритуал и очередного мертвого младенца разрезали на части и разбрасывали на развилке тропинок. Тем самым люди нарушали целостность тела с тем, чтобы оно уже никогда не возродилось, так как считалось, что тело является причиной смерти души (Липский, 1966).

В традиционном обществе родители с нежностью относились к младенцам, мыли новорожденного теплой водой и укладывали в зыбку с мехом кабарги. Когда ребенка впервые вносили в общее помещение из родильного шалаша, то его обязательно «очищали» над огнем очага (Архив ПЦРГО-ОИАК. Д. 11; Д. 27). Подобный ритуал совершали и амурские эвенки.

У удэгейцев и орочей зафиксирована противоречивая информация об отношении к незаконнорожденным детям. В одних случаях зачатого вне брака или от кровосмесительного брака ребенка заворачивали в тряпки и уносили в лес, так как его рождение считалось великим грехом. Угроза для социума состояла в неизвестности, с какими женщинами такому человеку разрешаются половые связи, кто должен за него мстить во время кровной мести, кто должен его хоронить, и в целом ребенок оказывался без защиты родовых духов. Детоубийство в раннем возрасте не считалось грехом и преступлением, так как душа еще не окончательно вселилась в тело ребенка (Архив ПЦРГО-ОИАК. Д. 11; Д. 6). Поэтому старухи относили в лес только тело, душа же могла вернуться обратно в соответствующую часть Вселенной и повторить детородный процесс. В других материалах В.К. Арсеньев категорически утверждает, что случаев убийства новорожденных не бывает (Архив ПЦРГО-ОИАК. Д. 27). В традиционном обществе амурских этносов можно отметить общее представление по отношению к роженице, которая некоторое время после родов считалась «нечистой»; ей запрещалось употреблять в пищу дичь и совокупляться с мужем (ПФА РАН. Д. 85). Послед обычно закапывали в тайге, чтобы не нашли собаки, иначе ребенок мог сильно заболеть. Также общим для всех народов региона было верование о том, что родившийся в «рубашке» ребенок считается счастливым не только для себя, но и для всего общества. Сахалинские эвенки и ульта хранили «рубашку» в укромном месте; орочи и нивхи считали, что родившийся в «рубашке» ребенок «непростой» – он обязательно станет хорошим охотником, и, возможно, даже шаманом.

Эвенкийки послед вешали на дерево или закапывали в восточную сторону бугра, чтобы место хорошо освещалось солнцем и не нашли собаки, иначе ребенок будет болеть. Рождение в «рубашке» считалось хорошим знаком для всего общества.

Самыми неполными в родильном комплексе народов региона, являются материалы, связанные с культом близнецов. Скорее всего, это связано с древностью этих верований и ритуалов. Типичными сюжетами о близнецах наполнен фольклор практически всех народов мира (Фетисова, 1998). В качестве общих методологических принципов в отношении культа близнецов можно выделить несколько основных аспектов. Рождение близнецов считается сверхнормальным явлением в жизни всего социума и связывается со сверхъестественными существами, чаще всего духами животных-предков. Эти духи могут относиться к категориям и добрых, и вредоносных, чем впоследствии и определяется статус близнецов и их влияние на сородичей.

У орочей, удэгейцев и ульчей рождение близнецов считалось хорошим событием для всего коллектива. Уже сам факт того, что добрые духи вступили в половой контакт с женщиной рода, был хорошим предзнаменованием. Сородичи приходили в ее дом и приносили подарки для нее и рожденных близнецов (Березницкий 1999). Считалось, что близнецы будут помогать сородичам во всех хороших делах и прежде всего в промыслах. По мнению кольчёмских ульчей, самих близнецов ждала несчастливая

жизнь, потому что они всегда были на виду у сородичей, были не как все, им приходилось соответствовать мнению коллектива – никогда не нарушать обычаев, вести праведную жизнь. Нивхи и ульта наиболее известных близнецов почитали после смерти и угощали из ритуальной посуды (Архив МАЭ РАН, Д. 41).

По мнению иманских удэгейцев, близнецы рождались от доброго духа, но мать близнецов после их рождения долго не жила – раз она избранница духов, то она либо умрет от болезни, либо повесится. Однако это считалось уходом в особый мир по приглашению возлюбившего ее духа, от которого она и зачала близнецов (Архив ИИАЭДВ. Д. 434).

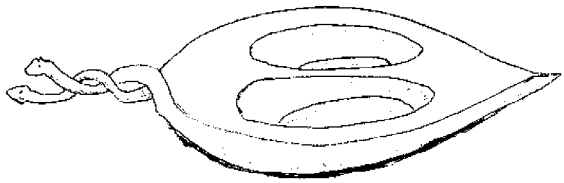
Эвенки считали рождение близнецов нехорошим событием: нередко при рождении разнополых близнецов девочка признавалась нагулянной. Чаще всего ее отдавали соседям. Эти верования и ритуалы амурских эвенков отличаются от воззрений основного этнического массива коренных народов Нижнего Амура и Сахалина, по которым рождение близнецов было хорошим признаком для всего социума.

Некоторые территориальные групп нанайцев и нивхов считали рождение близнецов хорошим событием, а некоторые плохим. Некрасовские нивхи расценивали рождение близнецов как хорошее событие для всего социума. Считалось, что чаще всего женщина зачинает близнецов от медведя (реже от тигра), пока ее муж на промысле. Инициатором выступает дух, который «влюбляется» в женщину и склоняет ее к совокуплению. При этом женщина впадает в особое состояние, напоминающее сон. В традиционной культуре ногликские нивхи раньше считали священными не только детей близнецов, но и рожденного после девочек-близняшек мальчика. Если рождались близнецы – мальчик и девочка, то тогда нивхи считали, что мальчик «привел» с собой свою будущую жену, и когда они подрастали, то обязательно должны были пожениться – инцестом этот брак не считался. То есть налицо один из древнейших механизмов социальных отношений, позволяющий вступать в брак даже кровным родственникам. Особое отношение к матери близнецов иногда достигало такой степени, что ей прощались многие грехи, даже умерщвление своих детей.

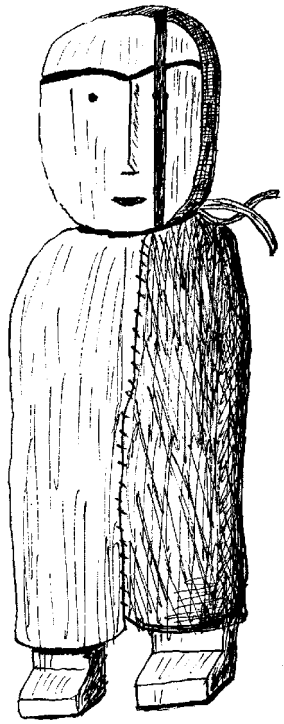
По мнению некоторых поронайских нивхов, близнецы назывались ***милкигян*** – то есть «чертовы дети», которые будут приносить вред сородичам. Однако, несмотря на это, в дом их матери нужно приходить с подарками и почитать близнецов до их смерти. По верованиям нивхов, считалось, что если обычный человек обидит близнеца, то в лучшем случае у него сломается палец.

Опасность близнецов могла проявляться тогда, когда ритуальную скульптуру мог найти нежелательный человек. Подобный случай освещается в нивхском предании.

> «Когда матери исполнилось сорок лет, она сама сделала из лиственницы небольшую куколку – свое воплощение близнеца. Сделала тайком из закопала тайком в землю возле озера Щучка недалеко от Некрасовки. Спрятала, чтобы никто не видел. И каждый год в начале лета она ходила тайком к этому месту и угощала куколку, то есть свое воплощение. Угощала она куколку тем блюдом, которого ей вдруг сильно захотелось попробовать. Угостит куколку и снова закопает ее в землю. Самое главное, чтобы никто не нашел эту куколку. Если кто-то найдет эту куколку, то сможет сделать все, что угодно, с тем человеком, который закопал куколку. Тот человек может даже умереть.

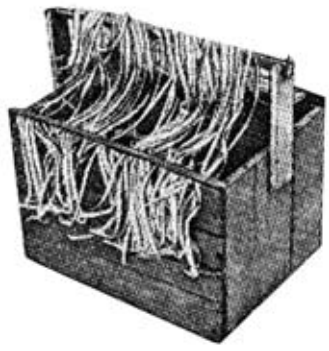


Нивхская ритуальная посуда для кормления близнецов. Рисунок Б.А. Куфтина (Куфтин № 41. Л. 68). Копия С.В. Березницкого



Ультинский амулет ***адау*** для благополучия близнецов. Длина 23 см. СОКМ. Рисунок С.В. Березницкого

Ультинский амулет ***кальдями*** для хорошего сна ребенка. Длина 18 см. СОКМ. Рисунок С.В. Березницкого.



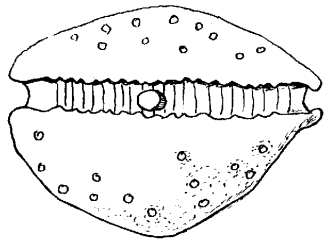
Шаманское вместилище духов близнечного комплекса. Шаман М.А. Онинка. Гур, 1963 г. (Смоляк, 1991. С. 71)

Ведь в куколке воплощена душа человека. Человек живет себе в деревне со своей главной душой, а эта душа живет в куколке. Я об этом сама узнала только перед смертью матери. Однажды она сильно заболела и сказала мне, что скоро умрет – кто-то нашел ее куколку, ее душу. А в том месте как раз дорогу стали делать, и, наверное, кто-то нашел куколку. Мать сразу почувствовала. И потом скоро умерла» (О.Б. Кован. Некрасовка, 1998 г.).

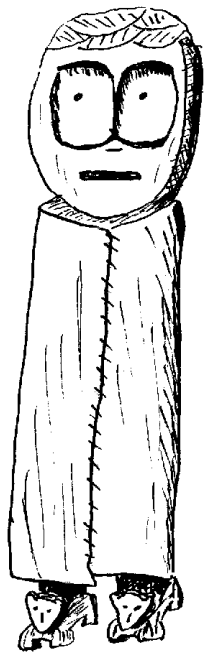
Данная история содержит представление о душе, которое практически идентично верованиям орочей о внешней душе, которая может находиться вне тела человека, и из-за нее также может погибнуть хозяин. Этот пример еще раз подтверждает универсальность воззрений близнечного культа.

Как правило, амурские шаманы не принимали участия в близнечных ритуалах как специалисты. Однако иногда образы близнецов использовались в шаманских песнопениях и среди атрибутов (Смоляк, 1991). Некоторые сооружения близнечного культа нивхов и ульчей сходны по внешнему виду и способу расположения ритуальных стружек (Архив МАЭ РАН. Д. 41). Таким образом, в большинстве случаев рождение близнецов в традиционной культуре коренных народов региона считалось хорошим признаком и связывалось с деятельностью добрых духов.

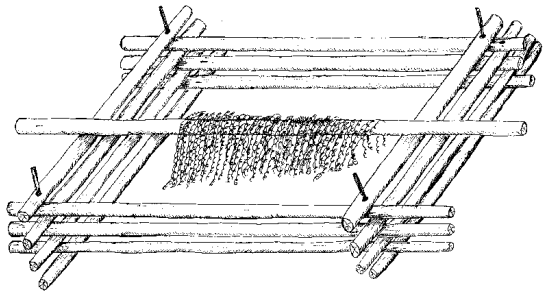
Общими в своей основе у амурских этносов были ритуалы защиты ребенка от злых духов при помощи различных амулетов. Это были части тела животных и птиц: зубы и когти, кончики носа выдры, рыси, медведя, соболя и других животных, которые подвешивали над колыбелью; нанайцы, отличающиеся ярко выраженной рыболовецкой отраслью своего комплексного хозяйства, подвешивали над колыбелью фигурку хозяина рыб ***калгаму*** (Иванов, 1977). Очевидно, использование амулетов из когтей и т. п. было связано с тем, что душа животного находится в кончике носа, шерсти, когтях, и в качестве доброго духа встает на пути злых духов. Скорее всего, это уже более позднее верование, так как функции охранительных амулетов со временем менялись: сначала при помощи амулетов защищались от животного именного того вида, из частей тела которого он и был изготовлен, затем амулет защищал от всех хищников, и, наконец, защита осуществлялась не от животных, а от злых духов (Зеленин, 1936). Удэгейцы и орочи верили, что в костях животных находится их душа. Наиболее древним является представление о том, что амулет может передать часть качеств животного ребенку. Над колыбелью мальчика подвешивали талисманы из костей, так как считалось, что когда он вырастет, то сможет добывать зверей, кости которых висели над его колыбелью. Кроме того, кости рыси делают его цепким, кости соболя – проворным, кости выдры – ловким рыбаком, кости барсука научат находить себе пропитание. Удэгейцы считали, что после рождения ребенка ***Тагу Мама*** посылает его отцу этих животных на промысле для изготовления талисманов. Когти рыси нашивали и на одежду детей, чтобы они стали хорошими мастерами: девочки – вышивальщицами, мальчики – резчиками. Рысь считалась благородным животным, когтей и клыков которого боялись злые духи (Архив ПЦРГО-ОИАК. Д. 10; Д. 27). Ульчи для защиты ребенка от злых духов подвешивали к верхней части колыбели фигурку вороны из бересты, зубы и когти медведя и собаки, деревянную фигурку великана. Изображения животных использовали для жертвоприношений различным



Нанайский лечебный амулет из морской ракушки для лечения горла. Амулет со сквозным отверстием для шнурка. СОКМ. Рисунок С.В. Березницкого



Ультинский амулет ***кироу*** от помешательства. Ногами стоит на фигурках медвежат. Длина 11,5 см. СОКМ. Рисунок С.В. Березницкого



Нивхский ритуальный амбар для хранения атрибутов близнечного культа. Рисунок Б.А. Куфтина (Куфтин № 41. Л. 68). Копия С.В. Березницкого

духам-хозяевам и божествам, с которыми связывали удачный результат родов. Якуты после рождения ребенка устраивали обряд благодарения богине деторождения ***Айсыт*** и сжигали ей в жертву берестяные фигурки лося, лошади и собаки (Иванов, 1971). Женщины смазывали себе лицо, волосы и руки маслом и громким хохотом старались привлечь внимание богини, чтобы она способствовала обильному деторождению (Окладников 1955; Алексеев 1975).

По мнению нивхов, выбирать имя для ребенка родителям помогали добрые духи, которые являются матери ребенка во сне и предлагают варианты. Для обеспечения хороших родов и здорового потомства нивхинки носили на шее талисман из собачьего зуба. На третий день после ро-

дов нивхи прокалывали мочки ушей новорожденной девочке и вдевали в отверстие ниточку из крапивы для того, чтобы дырочка не зарастала. Нужно было опередить злого духа и не дать ему возможности отметить девочку для себя. Для защиты ребенка от злых духов нивхи вешали над детской колыбелью амулет из древесных стружек, сушеную голову и хвост зайца, засовывали под подушку кроильный нож или ножницы.

Орочи использовали для защиты деревянные фигурки в виде птицы ***гаруа*** (Архив МАЭ РАН. Д. 124). Ряд однокоренных и сходных терминов (***гарудаи, гарэ, гара, гару***) народов Дальнего Востока, Северо-Восточного Китая и Индии показывает, что это слово означает филина, лебедя, мифическую птицу феникс (Сравнительный словарь, 1975). Тем самым родители хотели передать ребенку лучшие качества этой птицы, так как сущность ***гаруа*** сходна с образом птицы феникс, являющейся символом обновления и вечной жизни. Орочская традиция защиты детей школьного возраста при помощи деревянных амулетов была зафиксирована В.В. Подмаскиным в 1970-х гг. (Архив ИИАЭ ДВО РАН. Д. 107).

Для того чтобы защитить ребенка от злых духов, орочи и ульчи называли его в разные периоды развития разными терминами, по названию животных или птиц, давали смешные, обидные и даже непристойные имена (Смоляк, 1962). Сходные ритуалы раньше совершали нанайцы, негидальцы и нивхи. Сахалинские нанайцы изготавливали лечебные амулеты из морских ракушек, ульта изготавливали поликомпозиционную скульптуру для излечения помешательства ребенка в виде антропоморфной фигурки на двух медвежатах.

Нередко люди надеялись на амулеты больше, чем на помощь квалифицированных врачей. Валовские ульта вспоминают, как их в детстве лечила бабушка магическими приемами с помощью амулетов из дерева, веток или замши. Наиболее сильным считался амулет, изготовленный из горла лебедя. Нередко для лечения детей применяли оленят, чтобы магическим способом перенести на них заболевание ребенка.

> «Моя бабушка Татьяна Даниловна Осипова 1873 года рождения была очень опытной врачевательницей. Однажды бабушка и меня вылечила. Я однажды упала с высоты и сильно ударилась. Меня парализовало так сильно, что даже ходить не могла. Просто сидела на подушках. Меня лечил фельдшер, но ничего не помогало. И тогда за меня взялась бабушка. Она повесила мне на шею замшевые **сэвэки**, а рядом привязала маленького олененка **сондо**. Постепенно моя болезнь перешла на оленека. Олененок заболел, а я выздоровела. А потом и олененок тоже выздоровел» (Валовская уйльта И.Я. Федяева, 1998 г.).

Лишь под влиянием русской культуры коренные народы стали устраивать небольшой семейный праздник по поводу рождения ребенка. Для праздничного стола стараются приготовить этнические блюда.

Таким образом, можно отметить сходные для всех коренных народов Нижнего Амура и Сахалина верования, обычаи и ритуалы, направленные на сохранение жизни роженице и новорожденному. Несмотря на некоторые особенности у отдельных народов, в целом представления и ритуалы являются единым комплексом. Более того, его можно отнести к специфическому нижнеамурскому комплексу.

Архивные материалы и литература:

Арсеньев, В. К. Путевой дневник 2. 1907 г. / В. К. Арсеньев // Арх. ПЦРГО-ОИАК. Ф. В. К. Арсеньева, оп. 1, д. 6.

Арсеньев, В. К. Путевой дневник 1. 1908–1909 гг. / В. К. Арсеньев // Арх. ПЦРГО-ОИАК. Ф.

В. К. Арсеньева, оп. 1, д. 10.

Арсеньев, В. К. Путевой дневник 2. Юбилейная экспедиция 1908–1909 гг. в память присоединения Приамурского края к России в 1860 г. / В. К. Арсеньев // Арх. ПЦРГО-ОИАК. Ф. В. К. Арсеньева, оп. 1, д. 11.

Арсеньев, В. К. Путевой дневник 1. 1914–1925 гг. / В. К. Арсеньев // Арх. ПЦРГО-ОИАК. Ф. В. К. Арсеньева, оп. 1, д. 27.

Березницкий, С. В. Этнографические исследования 1998–2005 гг. / С. В. Березницкий // Арх. ИИАЭНДВ. Ф. 1, оп. 2, д. 416. – 711 л.; д. 434. – 116 л.; д. 585. – 847 л.

Васильев, Б. А. 5 дней среди орочей : очерк, 1928–1929 гг. / Б. А. Васильев // Арх. МАЭ РАН. Ф. 12, оп. 1, д. 124. – 15 л.

Куфтин, Б. А. О материальной культуре, шаманизме гиляков. Побережье Охотского моря, Татарского пролива, о. Сахалин / Б. А. Куфтин // Арх. МАЭ РАН. 1927–1928 г. Ф. 12, оп. 1, д. 41. – 85 л.

Подмаскин, В. В. Материалы по духовной культуре удэгейцев и орочей. 1977 г. / В. В. Подмаскин // Арх. ИИАЭ ДВО РАН. Ф. 6, оп. 1, д. 107. – 176 л.

Штернберг, Л. Я. Материалы по этнографии орочей / Л. Я. Штернберг // ПФА РАН. Ф. 282, оп.1, д. 85. – 385 л.

Алексеев, Н. А. Традиционные религиозные верования якутов в XIX – начале XX в. / Н. А. Алексеев. – Новосибирск : Наука, 1975. – 200 с.

Березницкий, С. В. Мифология и верования орочей / С. В. Березницкий. – СПб. : Петерб. востоковедение, 1999. – 208 с.

Гаер, Е. А. Традиционная бытовая обрядность нанайцев в конце XIX – начале

Иванов, С. В. Старинный якутский обряд, связанный с рождением ребенка / С. В. Иванов

// Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX – начале XX века : XX в. / Е. А. Гаер. – М. : Мысль, 1991. – 128 с.

Зеленин, Д. К. Культ онгонов в Сибири. Пережитки тотемизма в идеологии сибирских народов / Д. К. Зеленин. – М. ; Л. : АН СССР, 1936. – 436 с.сборник / МАЭ РАН ; отв. ред. Л. П. Потапов. – Л., 1971. – Т. 27. – С. 142–150.

Иванов, С. В. О детских амулетах нанайцев / С. В. Иванов // Памятники культуры народов Сибири и Севера (вторая половина XIX – начало XX в.) : сборник / МАЭ РАН. – Л, 1977. – Т. 33. – С. 80–89.

Липский, А. Н. К вопросу об использовании этнографии для интерпретации археологических материалов / А. Н. Липский // Совет. этнография. – 1966. – № 1. – С. 105–118.

Лопатин, И. А. Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские : опыт этногр. исслед. / И. А. Лопатин // Записки … / ОИАК ВОПО РГО. – Владивосток : ОИАК ВОПО РГО, 1922. – Т. 17. – 370 с.

Окладников, А. П. История Якутской АССР. Якутия до присоединения к русскому государству / А. П. Окладников. – М. ; Л. : АН СССР, 1955. – 428 с.

Подмаскин, В. В. Духовная культура удэгейцев XIX–XX вв. : ист-этногр. очерки / В. В. Подмаскин. – Владивосток : Изд. Дальневост. ун-та, 1991. – 160 с.

Сем, Т. Ю. Семантика образов первоисточника жизни у тунгусоязычных народов юга Дальнего Востока конца XIX – начала XX века и их средневековые параллели / Т. Ю. Сем // Реконструкция древних верований: источники, метод, цель : тез. докл. науч. конф., 2–6 апр. 1990 г. / ЛО ИА АН СССР и ГМИР. – Л., 1990. – С. 114–117.

Сем, Т. Ю. Семантика образов первоисточника жизни у тунгусоязычных народов юга Дальнего Востока конца XIX – начала XX века и их средневековые параллели / Т. Ю. Сем // Реконструкция древних верований: источники, метод, цель : сб. науч. тр. / отв. ред. В. А. Хршановский. – Л., 1991. – С. 179–192.

Скоринов, С. Н. Мифология и обрядовая культура нивхов : ист.-культурол. очерки / С. Н. Скоринов. – Хабаровск : Дальневост. гос. науч. б-ка, 2004. – 416 с.

Смоляк, А. В. Магические обряды сохранения жизни детей у народов Нижнего Амура / А. В. Смоляк // Сибирский этнографический сборник : очерки по истории, хоз-ву и быту народов Севера. – М., 1962. – Вып. 4. – С. 267–275.

Смоляк, А. В. Шаман: личность, функции, мировоззрение (Народы Нижнего Амура) / А. В. Смоляк. – М. : Наука, 1991. – 279 с.

Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков : материалы к этимологическому словарю / отв. ред. В. И. Цинциус. – Л. : Наука, 1975. – Т. I. – 672 с.

Старцев, А. Ф. Создание семьи и воспитание детей у удэгейцев (по материалам В. К. Арсеньева) / А. Ф. Старцев // Семья и семейный быт в восточных регионах России : сб. науч. тр. / отв. ред. Ю. В. Аргудяева. – Владивосток, 1997. – С. 108–124.

Таксами, Ч. М. Представления о природе и человеке у нивхов // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX – начало XX в.) / Ч. М. Таксами ; отв. ред. И. С. Вдовин. – Л., 1976. – С. 203–217.

Фетисова, Л. Е. Разновидности близнечного мифа у народов Дальнего Востока России / Л. Е. Фетисова // Историко-культурные связи между коренным населением Тихоокеанского побережья северо-западной Америки и северо-восточной Азии : к 100-летию Джезуповской Северо-Тихоокеанской экспедиции : материалы междунар. науч. конф., Владивосток, 1–5 апр. 1998 г. / ИИАЭ ДВО РАН ; под ред. А. Р. Артемьева. – Владивосток, 1998. – С. 278–284.

Список сокращений:

ВОПО РГО – Владивостокское отделение Приамурского отдела Русского географического общества.

ГМИР – Государственный музей истории религий.

ИИАЭНДВ – Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока.

ПФА РАН – Петербургский филиал Архива РАН.

ПЦРГО-ОИАК – Приморский центр Русского географического общества – общество изучения Амурского края.

СОКМ – Сахалинский областной краеведческий музей.

Шаманка Индяка Дяксул. Село Савинское, Ульчский район

Душа уходит в Були

Галина ТИТОРЕВА,
заведующая отделом этнографии Хабаровского краевого краеведческого музея им. Н.И. Гродекова
Хабаровск

Традиционная обрядовая культура народов Нижнего Амура не перестает волновать исследователей уже много десятилетий. Факты сохранения отдельных ее элементов и даже полных комплексов мы обнаруживаем в национальных селах и сегодня. Последние полевые сборы отдела этнографии Хабаровского краевого краеведческого музея им. Н.И. Гродекова в селах Ульчского района (Кольчём, Дуди, Ухта, Булава, Богородское) позволили зафиксировать уникальную информацию, связанную с похоронно-поминальными обрядами ульчей.

Смысл обрядов связан с верой ульчей в автономное существование души человека даже после смерти его тела. И все обрядовые действия направлены на удовлетворение ее желаний и потребностей и являются проявлением заботы о любимом члене семьи и после его ухода. Кроме этого, обиженная душа, находясь до окончательного ухода в Були – мир мертвых – на Земле, представляет опасность для живых членов семьи. Поэтому обряды, связанные с погребением и поминовением усопшего, выполнялись и выполняются сегодня очень строго. Может быть, поэтому похоронные обряды оказались более устойчивыми и сохранными по сравнению с другими семейными обрядами (свадебными, промысловыми, родильными). Многие традиции, зафиксированные исследователями конца XIX–XX веков, бытуют и в наши дни почти без изменений.

Характер, форма захоронения и последующие поминальные обряды зависели от причины смерти, возраста умершего, его социального статуса. До начала XX века захоронения ульчей были наземными, т. е. тела умерших, в гробах или завернутые в бересту, оставляли в специальных срубах не закапывая. Детей до года, как и у других народов Приамурья, хоронили на деревьях (в дуплах, на ветках, на помостах). Срубы, как в дальнейшем и кладбища, были родовыми и располагались недалеко от селения вниз по течению реки. Сегодня родовые кладбища сохраняются только в далеких небольших селах, например в Кольчёме. В ныне несуществующем селе Койма, по сведениям его жителей, было четыре родовых кладбища и одно русское. В настоящее время похоронный обряд сохраняет традиционный сценарий, если хоронят старого человека или организуют процедуру пожилые родственники. Представители молодого поколения хоронят «по-русски», но и в этих случаях старые ритуалы частично сохраняются и мирно сочетаются с новыми, привнесенными.

Кладбище с. Кольчём Ульчского района. Музыкальное бревно возле могилы близнецов

Традиционно сразу после смерти дом умершего обвязывают тонкой веревкой на высоте выше дверного проема. Это способ сохранения семьи. После выноса тела веревку обрывают и выбрасывают в сторону захода солнца.

Гроб имел форму прямоугольного ящика большого размера, поскольку в него должно было поместиться значительное количество предметов, сопровождавших умершего человека, и закрывался на три засова. Руки покойнику укладывали вдоль тела. Независимо от времени года одевали его, как правило, в зимнюю одежду, «а то ночью будет приходить и жаловаться, что мерзнет». Мужчин вместо обычного пояса подвязывали мелкой цепью, на которую крепили сумочку с кресалом и трутом, а женщин – поясом, плетенным из хлопчатобумажных нитей. Нижнюю одежду шили вручную сразу после смерти человека. В некоторых случаях погребальным костюмом для женщин служил свадебный наряд.

Связь умершего с живыми осуществлялась через длинную нить, один конец которой привязывали к пуговице, пришитой на макушке шапки, другой вытягивали из могилы на поверхность земли. А.В. Смоляк отмечает, что в старые времена нить привязывали к косе умершего, но после изменения прически стали привязывать к головному убору. На лобную часть шапки пришивали небольшой нефритовый диск – «фонарь», освещающий путь умершему. На одежде покойного разрезают карманы, чтобы не спрятал и не унес с собой души детей. Всем умершим мужчинам протыкают мочку уха и вдевают серьгу. Через это отверстие они «пьют» воду. У женщин уши были проколоты при жизни.

В гроб стелили ритуальную «постель», сшитую специально по размеру гроба: матрас с аппликацией в центре, одеяло, подушку. Кроме этого постилали парные отрезы разной ткани по 1,5 м длиной: один на матрас, под

Кладбище с. Кольчём Ульчского района. Ветвь с нитью, уходящей в могилу, – «телефон», намогильная скульптура

Кладбище с. Кольчём Ульчского района. Поминальный костер

Кладбище с. Кольчём Ульчского района. Могила утопленника, возле нее лодка, принадлежавшая ему при жизни

тело, другой – сверху. Состоятельные семьи укладывали по 15–20 пар ткани. Из них по дороге в подземный мир Були покойник делал балаган на остановках. Лицо умершему закрывали пластиной из ткани, подбитой мехом (чаще белой тонкой овчиной). Мог использоваться мех соболя или лисы, но запрещался мех крупных таежных животных, медведя и морских зверей. Раньше мехом закрывали колени и подкладывали под локти покойника. «Путь в Були тяжелый, иногда душе умершего приходится ползти». На грудь клали кусок китайского шелка. По сообщению Ф.Ч. Ходжера, похоронившего в 1949 году своего отца, Ходжера Чурингу, ему под спину подложили три серебряные монеты, между пальцами проложили щепки, чтобы «чужую душу не забрал».

И в наши дни ульчи кладут в гроб «все, что есть», вещи, которыми человек пользовался при жизни и которые могут пригодиться ему в загробной жизни. Женщинам – предметы рукоделия: сложенные в мешочек ножницы, нитки, иголки; мужчинам – топор, лук, копье, нож, сделанные в уменьшенном виде, палку для езды на нартах в собачьей упряжке. А также котелок, деньги, очки, если пользовался ими при жизни, крупу, зелень, муку и др.

Родственникам необходимо совершить ряд обрядов, оберегающих жизнь и здоровье членов семьи. Перед выносом тела все дети умершего человека, особенно не достигшие двадцати лет, по очереди берутся за нить, привязанную к руке покойного, и, не оглядываясь, выбегают из комнаты. В это время старейший рода разрывает нить ударом палки, обрывая таким образом связь умершего человека с живыми и защищая детей от возможного вреда духа покойного родственника.

Когда похоронная процессия уходит на кладбище, два человека, один – из рода умершего, другой – посторонний, подметают пол в доме вениками из тальниковых веток. Первый метет к порогу, второй – от порога к середине комнаты. Затем собранный мусор выбрасывают в сторону захода солнца.

В селе Кольчём мы побывали на родовом кладбище рода Дятала, где были похоронены близнецы. Обряды, связанные с захоронением близнецов и их матери, значительно отличаются от обычных. Раньше их хоронили отдельно, в стороне от основного родового кладбища, в наземном срубе, сидя, в гробу кубической формы или сколоченном по форме сидящего тела. Все одежды шились только белого цвета, их запрещалось орнаментировать. Тело обкладывали стружками, их привязывали на руки, ноги и шею.

При жизни к близнецам и женщине, их родившей, относились очень бережно. Детей не разрешалось ругать и даже сказать в их адрес грубое слово: «Обидится – умрет сразу». Жизнь в семье у близких людей близнецов была нелегкой и сопровождалась многочисленными запретами и ограничениями. В частности, им запрещалось есть копченые продукты. У матери близнецов нельзя было брать серебряные или металлические предметы, например, украшения, «чтобы не заразиться». Никто не хотел рожать двойняшек, «мучиться».

Считалось, что у близнецов «медвежья душа», «близнецы медведям родственники». Видимо, поэтому поза покойника повторяет положение сидящего медведя. Во время родов мужчины молятся медведю, чтобы они прошли успешно. Женщинам обращаться к медведю запрещалось. Во время похорон близнецов рядом с могилой и сегодня устанавливается музыкальное бревно, на котором палками выстукивают ритм все пришедшие на кладбище. Подобный музыкально-ритуальный предмет мы увидели и на кладбище в селе Кольчём. Такое бревно ульчи использовали только на медвежьем празднике. И это служит еще одним подтверждением тесной связи культа медведя с культом близнецов.

До сих пор особые обряды выполняются при захоронении людей, умерших не своей смертью, в частности утопленников. Найденное тело в настоящее время хоронят на краю кладбища, отдельно ото всех, ближе к воде. Раньше захоронение оставляли на берегу, там, где нашли тело, или в лугах, затопляемых водой. В предполагаемом месте трагедии родственники некоторое время плавали на лодках и сильно кричали. Женщинам находиться здесь категорически запрещалось: «Плохо им будет, и покойнику не нравится». Если тело не находят, то вместо него хоронят куклу, изготовленную из дерева или прутьев багульника, одетую в костюм утонувшего.

Хоронили утопленника в белых одеждах. «У них в загробном мире все белое. И души умерших попадают в Белое море». На могиле, по четырем ее углам, ставили стружки, ими обкладывали и тело. Аллея из таких же веток со стружками соединяла могилу с водой. По этому коридору душа уходит в воду. Последние поминки по утонувшему совершались на несколько дней раньше положенного срока, чтобы запутать злых духов. Семья утопленника до последних поминок соблюдала многочисленные запреты. Во время ледохода весной и осенью родственники

по-прежнему отправляют на льдине «посылку» покойнику: пшено, черемшу, ягоду, сигареты. посылки утонувшему сыну. Поскольку душу, а иногда и тело человека, забрал хозяин воды ***Тэму***, то эти продукты служили более угощением ему, чем умершему. Выбрав жертвой человека этого рода, ***Тэму***, в свою очередь, в дальнейшем обеспечивает всех живых родственников-мужчин хорошим уловом. Таким образом, поминки по утопленнику совмещались с обрядом жертвоприношения и поклонения духу-хозяину воды. Однако люди никогда не брали вещи утопленника, боясь, что это несчастье может перейти на живых. До сих пор на ульчских могилах утопленников оставляют их лодки.

Обряд поминовения усопшего, кроме дня похорон, совершался ульчами в течение одного года на исходе каждого лунного месяца, «на ущерб луны». Только детей поминали единожды, в день похорон, и больше к месту захоронения не приходили. Поминают умершего на кладбище, где разводят костер, угощают духа покойника, кушают сами. Общение с душой покойного происходит через устройство, которое сегодня ульчи называют «телефоном». Оно представляет собой ветку дерева, укрепленную в изголовье могилы. К ней привязана нить, второй конец которой протянут в гроб и привязан к пуговице на макушке головного убора умершего. В основание этой ветки наливают воду и водку для покойника жестом от себя, на ветку вешают черемшу, ягоды в берестяной чумашке. Очень важно, чтобы ветка – «телефон» достояла до последних поминок. Иногда ветка приживалась, укоренялась и продолжала расти. Это было хорошим знаком. Рядом с веткой вкапывалась фигурная дощечка сантиметров 20 высотой. В сквозное отверстие на ней вставляли зажженную трубку или папиросу: давали покойнику покурить. Подобные намогильные сооружения нам довелось видеть в 2005 году на кладбищах сел Кольчём, Ухта, в том числе и на свежих захоронениях.

Сразу после смерти человека родственники собирают в стареньком чемодане или ящике вещи для умершего: нижнее белье, платье, носки, брюки, а также понемногу разные крупы, соль, сахар, юколу, спички и пр. Чемодан несли на кладбище в день поминок, там приоткрывали. Рядом обязательно ставили намоченную в воде сухую черемшу, запах которой особенно привлекал душу покойного, и по нему она находила принесенное угощение. Каждый месяц продукты в чемодане менялись, а старые сжигались на поминальном костре. Такой костер разжигался рядом с могилой на западной стороне в день похорон и ежемесячных поминок, в него бросали приготовленное угощение. На последних поминках в годовщину смерти на костер ставили большую берестяную чашу, наполненную различными продуктами, сверху бросали одежду покойного и чемодан ***атуа***. Эта чаша мыслилась как лодка, перевозящая дары людей в мир мертвых. После этих поминок родственники никогда больше не приходили на могилу. С восточной стороны могилы в заключение поминок разжигали «костер живых». Он не обязательно должен был иметь большое пламя, достаточно, чтобы только задымил.

Запрещалось приносить на кладбище и употреблять мясо крупных лесных животных (сохатого, изюбря), калуги и осетра, составляющих основу традиционного рациона ульчей: «Это ведь наша жизнь». Разрешалось готовить все обычные блюда, в том числе любую морскую рыбу.

Отличительной особенностью поминальных обрядов ульчей является содержание до последних поминок собаки или медведя, в которых помещается душа умершего человека. Такую собаку-заместителя держала Ч.Т. Дечули, похоронив свою мать, Соню Дуван. По словам Чимы Тимофеевны, собака жила в доме, спала на кровати мамы, ела за столом вместе с членами семьи, ее любили и баловали. Однако характер у таких собак всегда был агрессивным и злым. После последних поминок Чима Тимофеевна отдала собаку дальним родственникам матери. Если умершего человека очень любили, то последние поминки откладывали на 2–3 года. Собака или медведь все это время жили в семье. В старые времена содержать медведя как хранителя души умершего могли себе позволить, как правило, состоятельные семьи. Бедняки держали собак. В некоторых случаях, подержав некоторое время собаку, ее меняли на медведя. Последние поминки в семье, содержавшей медведя, совпадали по форме с медвежьим праздником, что свидетельствует о ярко выраженной тотемистической его основе и связи с культом предков.

Материалы научных этнографических экспедиций подтверждают устойчивость большинства традиционных погребальных обрядов ульчей и сохранение их в современной обрядовой культуре. Пожалуй, ни один из амурских народов не сохранил их в столь чистом, исконном виде. Нами зафиксированы детали, подробности ритуальных событий, не отраженные в литературных источниках. Ценность этой информации в том, что традиционные обряды хранят в своей основе глубокие, древние мировоззренческие представления и верования народа, которые возможно реконструировать, разгадав семантичесий код этой жизненно важной для этноса информации.

Информанты:

1. Дечули Чима Тимофеевна 1923 г. р., с. Булава Ульчского района.

2. Дяксул Дина Сергеевна 1937 г. р., с. Кольчём Ульчского района.

3. Еюка Татьяна Михайловна 1920 г. р., с. Булава Ульчского района.

4. Черуль Петр Сондорович 1934 г. р., с. Монгол Ульчского района.

5. Ольчи Леонид Константинович 1953 г. р., с. Дуди Ульчского района.

6. Ходжер Нина Константиновна 1927 г. р., с. Булава Ульчского района.

7. Хатхил Альбина Алексеевна 1932 г. р., с. Кольчём Ульчского района.

8. Ходжер Федор Константинович 1930–2005 гг., с. Ухта Ульчского района.

9. Ходжер Анатолий Федорович 1965 г. р., г. Тамбов.

Литература:

1. Березницкий, С. В. Этнические компоненты верований и ритуалов коренных народов амуро-сахалинского региона / С. В. Березницкий. – Владивосток : Дальнаука, 2003. – 486 с.

2. Гаер, Е. А. Древние бытовые обряды нанайцев / Е. А. Гаер. – Хабаровск : Кн. изд-во, 1991. – 144 с.

3. Гаер, Е. А. Погребальные обряды народов Нижнего Амура / Е. А. Гаер // Вопросы истории и культуры народов Дальнего Востока. – Владивосток, 1974. – Вып. 2. – С. 125–139.

4. Золотарев, А. М. Родовой строй и религия ульчей / А. М. Золотарев. – Хабаровск, 1939. – 205 с.

5. Медведев, В. Е. Культура амурских чжурчженей в конце X–XI веках (по материалам грунтовых могильников) : автореф. дис. … ист. наук / В. Е. Медведев. – Новосибирск, 1975. – 23 с.

6. Смоляк, А. В. Погребальные и поминальные обряды у народов Нижнего Амура и проблемы преодоления религиозных пережитков / А. В. Смоляк // Вопросы преодоления пережитков прошлого и становление новых обычаев и традиций. – Улан-Удэ, 1968. – Вып. 1. – С. 157–164.

7. Смоляк, А. В. Похоронная обрядность. Ульчи / А. В. Смоляк // Семейная обрядность народов Сибири. – М., 1980. – С. 182–187.

Эвенкийский охотник. Фото П.П. Шимкевича. 1894.
Из фотоальбома «Между Байкалом и Тихим океаном». Берлин. 1989

Судьба и удача на лопатке животных

Татьяна МЕЛЬНИКОВА,
кандидат исторических наук, главный хранитель Хабаровского краевого краеведческого музея им. Н.И. Гродекова
Хабаровск

Обряд гадания на лопаточной кости животных зародился в глубокой древности. В одном из жилищ ушаковских стоянок (Камчатка) была обнаружена гадательная лопаточная кость бизона, возраст которой 10–11 тысяч лет (История Дальнего Востока СССР. 1989: 30).

Археологические материалы стоянок китайской позднеолитической культуры Луншань (примерно 2 000–1 500 лет до н. э.) свидетельствуют, что гадательные обряды на костях животных были известны в Китае еще в эпоху неолита. В иньском Китае (середина II тысячелетия – 1027 г. до н. э.) они стали центральным звеном всей системы ритуалов той эпохи и служили поискам ответов на вопросы, интересовавшие заказчика гадания. В изложении Л.С. Васильева, техника гадания в государстве Инь-Чжоу заключалась приблизительно в следующем: «На лопаточной кости животного (обычно барана) или на панцире черепахи гадатель в строго определенном для данного случая порядке наносил несколько углублений. Затем на кости или панцире выцарапывалась надпись, содержавшая вопрос. Вопрос обычно формулировался таким образом, чтобы можно было получить однозначный ответ (да, нет, согласен, не согласен). Затем с помощью специально нагретой бронзовой палочки углубления на кости прижигались. По трещинам на обратной стороне гадатель (иногда им был сам правитель ***ван***) узнавал, точнее, интерпретировал результат гадания» (Васильев. 2001: 34, 52, 66).

Пять тысяч лет назад жители японских островов гадали по черепам и мозгам кабанов, черепа при этом выкладывали в ряд. В период Дзёмон (примерно 2 000 лет назад) гадание на панцире черепахи перешло с евразийского материка на острова японского архипелага. Во время гадания панцирь нагревали, после чего плевали на него. В III веке н. э. жители Японии еще продолжали гадать на костях животных и панцирях черепах. Они клали их на огонь и по образовавшимся трещинам определяли удачу или неудачу, счастье или несчастье. Чукчи и нивхи гадали по трещинам на лопаточных костях оленя и тюленя (Кобаяси Т. Формы многообразия и сосуществования с природой в Восточной Азии; Конрад. 1980:11). В фондах Хабаровского краевого краеведческого музея им. Н.И. Гродекова с дореволюционного периода хранится лопаточная кость оленя, использовавшаяся чукчами для гадания (ХКМ КП 11721, фото 1).

Обычай гадать на лопаточных костях животных сохранился у коренных народов Хабаровского края – эвенов и эвенков до настоящего времени.

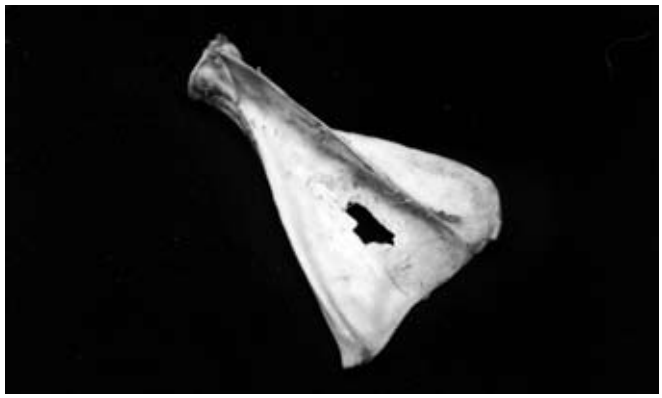
Старики эвенки Тугуро-Чумиканского района Хабаровского края говорили: «*Заяц все знает*». Лопаточную кость убитого зайца накаляли над огнем костра, потом плевали на нее. На кости появлялись трещины. По ним гадали. Эвенки считали: какое животное увидел в хитросплетении трещинок, его и добудешь на охоте. По свидетельству эвенка П.И. Шестакова, старики правильно отгадывали результаты предстоящей охоты. Сам информант тоже пробовал гадать по лопаточной кости зайца, сошлось один-два раза. О своих неудачах он сказал: «*Нет навыка*» (Полевые материалы автора (далее ПМА). 1993 г., от Шестакова П.И., с. Неран). Мать Е.А. Диодоровой тоже гадала по лопаточной кости зайца: нагревала на огне, плевала и смотрела на появившиеся трещины, читала по ним: «*Они отгадывали сами. Я не знаю*» (ПМА. 2003 г., от Диодоровой Е.А. (отец – якут, мать – эвенкийка), г. Хабаровск).

Эвенки также гадали на лопаточных костях ***кэндэкэ*** кабарги муку (***муку кэндэкэн***), нагревая их над костром. В 1993 г. автор статьи собрала в Тугуро-Чумиканском районе лопаточную кость кабарги муку кэндэкэн, на которой гадал о перспективах охоты молодой эвенк Яков Гаврилов (1950–1991 (?)) в начале 1990-х годов (ХКМ КП 9950/16, фото 2).

Эвенк П.Н. Сабрский из Аяно-Майского района сам гадать на лопаточной кости животного не умеет, но видел, как гадали старики: «*Наши старики обычно гадали на лосиной лопатке. Для этого, когда убивали лося, отрезали только кость лопатки животного, по суставу, осторожно, чтобы кость не повредить. Любую можно лопатку использовать, правую, левую, все равно. Срезали мясо с нее. Мяса оставляли сантиметра два. Разжигали костер, дрова брали хорошие, лиственницу обязательно. Лопатку подсаливали, закрепляли на палочке над углями прогоревшего костра. Запекшееся мясо съедали, кость вычищали добела ножом (нож – орган пищеварения в тайге) и дальше на жар, тоже на палочке грели, пока не потрескается. Сначала кость темнела, потом трескалась. Старый человек смотрел сквозь потрескавшуюся лопаточную кость на солнце. Вечером обычно гадали. Солнце на закате. Хорошо видно русло реки. Горы – как карта. Рассказывал, куда надо идти дальше, когда мясо закончится, где еще лося должны охотники встретить. Старый человек гадает, молодежь слушает. Иногда совпадали предсказания. Смотря как пожарят. Тоже опыт нужен. У молодежи уверенность появляется, [гадали], чтобы подбодрить охотника. Весь день он на лыжах, хочется вернуться, уверенность появляется после рассказа*» (ПМА. 2004 г., пос. Тополево).

Эвенк И.Н. Соловьев, кочевавший в районе между Селемджой и Верхней Буреей, сообщил Н.А. Липской 3 апреля 1929 года, что переднюю лопаточную кость мелких животных (оленя, кабарги, козули, зайца) буреинские эвенки называли ***далу***,

Лопаточная кость оленя для гадания. Чукчи. 2-я половина XIX века
Фото А.В. Храмцова



Лопаточная кость кабарги для гадания ***муку кэндэкэн***. Эвенки. Начало 1990-х. Фото А.В. Храмцова

в отличие от общего названия лопаточной кости всех живых существ – ***кэндэкэ***. ***Далу***, по свидетельству И.Н. Соловьева, «*держали в огне, кость растрескивалась, тогда старики, держа ее около огня, ворожили по получившимся на кости линиям*». Сам процесс гадания на кости далу именовался ***далума*** («*гадал на* ***далу***») (ГАХК, Ф.Р-696, оп.1, д.175, л.21. Иван Никифорович Соловьев происходил из рода Эжэн, родился на Тырме).

В языке эвенов Охотского района Хабаровского края гадание называется ***бирикэн***, лопаточная кость животного – ***исаки***. Выражение «*я гадаю на лопатке*» звучит по-эвенски так: ***бирикэчтэм исакич*** (ПМА. 2003 г., от Афанасьевой У.В., с. Вятское).

По представлениям эвенов Томпо и Оймякона, образование крестообразной трещины на лопаточной кости оленя при сжигании предвещает крупную охотничью удачу или смерть гадальщика (Николаев 1964: 200). Эвены Охотского района Хабаровского края считали свидетельством близкой смерти гадальщика образование дыры в гадальной кости вскоре после начала нагревания ее над углями костра. Чаще всего они гадали на лопаточной кости дикого барана. У.В. Афанасьева рассказывала, что во время последнего гадания ее мужа в кости вывалился фрагмент, муж швырнул кость в костер, на вопрос жены не ответил и ушел. Вскоре Г. Афанасьев умер от рака (ПМА. 2003 г., от Афанасьевой У.В.).

Практика гадания на лопаточных костях животных существовала и у нанайцев, хотя до настоящего времени она сохранилась фрагментарно даже в воспоминаниях информантов. Сын знаменитого нанайского охотника, охотившийся вместе с отцом и братьями, знаток нанайской культуры К.М. Бельды ответил на мой вопрос о гадании на лопаточной кости какого-либо животного следующим образом: «*Не гадали на лопаточных костях животных. Впервые об этом слышу*» (ПМА. 2004 г., от Бельды К.М.). Так же ответили и другие информанты (Бельды М.З., Бельды Н. Ф., Киле Н.С., Гейкер В.Ч., Бельды Е.Ч., Киле А.С. и др.), лишь Ю.Д. Самар сообщила: «*Да, гадали на лопаточных костях сохатых. Их тщательно очищали от мяса, и не выбрасывали, как остальные кости*». Однако, как гадали ее соплеменники, информант не видела (ПМА. 2004 г., от Самар Ю.Д., г. Хабаровск). Ю.Д. Самар родилась в с. Бичи Комсомольского района Хабаровского края в 1938 году, она является представительницей горинских нанайцев, в культуре которых наблюдается мощный эвенкийский след). Л.Ф. Самар слышала в детстве нанайскую сказку о двух братьях: умном и дурачке. Дурачок однажды потерялся. Умный брат искал-искал его и нашел на берегу реки. Тот сидел и гадал на лопаточной кости сохатого (ПМА. 2004 г., от Самар Л.Ф.).

Кроме этого у нанайцев бытовало гадание на косточках рыбы касатки, носившее шуточный характер.

Нанайские девочки гадали о перспективах замужества на косточках головы касатки или щуки. Они подбрасывали к потолку обглоданную косточку. Если она приклеивалась, то это означало, что девочка выйдет замуж. С.Н. Оненко вспоминала, что они гадали на косточках касатки, уже переехав в дом русской постройки. Чтобы добросить их до потолка («*в русском доме потолки выше*»), они с сестрами вставали на кушетку (ПМА. 2000 г., от Оненко С.Н., с. Сикачи-Алян). По словам Е.И. Мурзиной, в ее семье шутя гадали на шейной косточке щуки в виде крючка с прилипающим выступом. В беседе информант подчеркнула, что гадали не специально, а при случае, когда ели щуку. Освободив эту косточку от мяса рыбы, подбрасывали ее к потолку с вопросом: «Когда (называли имя человека, на которого гадали) выйдет замуж (или женится)?» Если косточка прилипала, считалось, что загаданный человек выйдет замуж (женится) в этом году (ПМА. 2003 г., от Мурзиной Е.И., с. Сикачи-Алян). Л.Ф. Самар о свадебном гадании на косточках рыбы говорила «играли». В детстве она с подружками «играла» на косточках щук, которые подкидывали к потолку. Чья косточка быстрее прилипнет, та девочка раньше выйдет замуж (ПМА. 2000 г., от Самар Л.Ф., с. Кондон). С.Д. Самар рассказывала о гадании на косточке щуки ***гучэн*** («липучая с одной стороны») следующее: «*Кушать будем, подбрасывать начинаем. Если прилипнет, замуж выйдешь. Все гадали сидя, с силой подбрасывали. У кого прилипнет, у кого нет*» (ПМА. 2000 г., от Самар С.Д., с. Кондон).

Приведенные здесь сведения подтверждают сохранение у некоторых северных этносов Хабаровского края гадательных практик, сформировавшихся еще в неолитический период, однако требуются дополнительные полевые исследования в плане выявления (или невыявления) их у коренных народов юга Дальнего Востока России. Только на основе более глубокого изучения этого аспекта культуры можно будет делать выводы о степени и причинах их сохранения до настоящего времени.

Литература:

1. Васильев, Л. С. Культы, религии, традиции в Китае / Л. С. Васильев ; Рос. акад. наук, Ин-т востоковедения. – М. : Вост. лит., 2001. – 487 с.
2. История Дальнего Востока СССР с древнейших времен до XVII века / Ж. В. Андреева [и др.]. – М. : Наука, 1989. – 375 с. : ил.
3. Кобаяси, Т. Формы многообразия и сосуществования с природой в Восточной Азии / Т. Кобаяси // Материалы семинара «Формирование многообразия и гармоничного сосуществования с природой в Восточной Азии» в рамках фестиваля «Японско-российские культурные связи в XXI столетии» (9–10.08.2003 г., г. Хабаровск). – [Б. м.], 2003.
4. Конрад, Н. И. Очерк истории культуры средневековой Японии, VII-XVI века / Н. И. Конрад. – М. : Искусство, 1980. – 144 с. : ил.
5. Николаев, С. И. Эвены и эвенки юго-восточной Якутии / С. И. Николаев. – Якутск, 1964. – 202 с.
6. Трофимов, Е. Е. Сказки золотого оленя : эвен. мифы, предания, легенды / Е. Е. Трофимов. – Хабаровск : РИОТИП, 1998. – 300 с. : ил.

Тату айнских женщин от богини солнца

Девушка с тату на лице
Фото из книги «Ainu History And Culture», the Ainu Museum, с. 25

Марина ОСИПОВА
Хабаровск

Первые путешественники, первооткрыватели острова Сахалин, начиная со всем известных Ж.Ф. Лаперуза и И.Ф. Крузенштерна, стремились, прежде всего, познакомиться с жителями, его населявшими. И мнение как русских морских офицеров И.Ф. Крузенштерна и Г.И. Невельского, так и моряков-французов о внешнем облике айнов – аборигенов острова, полностью совпадало. Что касается внешности мужчин, то здесь в описании преобладали эпитеты «красивый», «мужественный», иная картина открывается читателям, когда речь заходила о женщинах. Они были и «дурны» собой, и «безобразны», и «хуже мужчин наружностью», несмотря на то, что «имели прекрасные черные глаза». Причиной всему татуировка на лице и руках женщин, непривычная глазу европейца.

Но совсем иное отношение к татуировке было у айнов. Тату была важной составляющей красоты айнки. Еще и сегодня ученые спорят об истоках ее происхождения и том смысле, который она несла. Одни из них связывали ее с возрастно-половыми инициациями, которые указывали на совершеннолетие девушки и готовность к браку. Другие рассматривали ее как своеобразное украшение, третьи настаивали на том, что татуировка являлась знаком принадлежности айнок к своему роду. Л.И. Шренк, российский этнограф-исследователь Дальнего Востока, высказал предположение, что человек начал украшать свое тело из потребности смягчить впечатление наготы. Японский исследователь Мари Кодама, специалист по декоративному искусству айнов, считает, что криволинейный узор в уникальных тату на руках служил защитой женщине от злых духов.

Традиционно татуировка наносилась на губы, кисти рук и руки, иногда на брови и лоб женщины. Исследователи Сахалина в XIX веке видели татуировку в основном на губах и руках айнок. Обычая татуировать брови и лоб у сахалинских айнок замечено не было. Не существовало и определенных правил относительно возраста девочки, когда можно было начинать наносить тату, все зависело от региона проживания. У М.М. Добротворского, который в течение долгого времени работал врачом на острове, мы находим, что «…начиная с 10 лет» на лицо девочки наносят тату, причем операцию повторяли от одного до четырех раз в год, и чем моложе была девочка, тем это проделывали чаще.

Операция была очень болезненной. Обычно ее проводили женщины по материнской линии, бабушки или тети, или сама мать девушки. Эмико Онуки-Тирни вспоминала, что нанесение тату было очень важным и ответственным делом и женщины северо-западного побережья Сахалина, у которых практика тату не была достаточно развита, часто прибегали к помощи опытной женщины с восточного побережья.

ОСИПОВА Марина Викторовна, старший преподаватель факультета восточных языков Дальневосточного государственного гуманитарного университета.

Родилась в г. Комсомольске-на-Амуре, после окончания факультета иностранных языков Хабаровского государственного педагогического института работала в школе учителем иностранных языков в п. Солнечном. Защитила кандидатскую диссертацию по специальности «Этнография, этнология и антропология». Сфера интересов – материальная и духовная культура коренных народов Дальнего Востока, в частности айнов острова Сахалин.

Айнские женщины за сбором съедобных растений (клубней лилии).
Фото из книги «Айну-но рекиси-то бунка», изд-во «Содошя», 2004 г., т. 2, с.144

Татуировка, наносимая на кисти рук и предплечья
Фото из книги «Айну-но рекиси-то бунка», изд-во «Содошя», 2004 г., т.2, с.96

Татуировка – синуе накладывалась над верхней губой по центру, под нижней губой, затем на кожу верхней и нижней губы. Она наносилась следующим образом: на кожу, где предполагался узор, наносились маленькие разрезы ножом с обсидиановым лезвием, затем в кожу втиралась масляная сажа со дна котлов для выпаривания жира сельди. Он полировался, и под ним зажигалась свежая кора березы, которая давала черный густой дым. Считалось, что в угле коры березы содержатся вещества, способствующие прекращению кровотечения. Айнки втирали образующуюся сажу в надрезы на коже. Для обеззараживания ран готовился специальный антисептический состав из сока полыни. Губы после этой операции сильно распухали, и айнка не могла принимать твердую пищу в течение нескольких дней. Операция проводилась обязательно возле костра, но не возле домашнего очага. Э. Онуки-Тирни высказала предположение, что сажа ассоциировалась с женственностью, так как она являлась результатом деятельности самого важного женского божества огня – старухи Фучи.

Узоры тату были разные, их точное значение до сих пор неизвестно. Татуировка вокруг рта часто напоминала мужские усы, на руках же наносился геометрический узор. Существует несколько айнских преданий, объясняющих значение тату, так, например, согласно одной легенде узор тату подарила айнским женщинам рыба мальма, которая имеет на своей коже голубоватые пятна, напоминающие знаки татуировки. По другой версии наносить на кожу узоры айнов научили женщины-коропокгуру, населявшие Сахалин в древности. В третьей рассказывается о том, что богиня солнца посоветовала больной айнке спустить немного дурной крови, в результате такой операции больная выздоровела.

Помимо того, что татуировка была символом женской красоты и социального статуса, она была наполнена и религиозным смыслом. Если девушка умирала в раннем возрасте, не имея татуировки, то считалось, что после смерти она будет брошена в подземное царство, и демоны будут делать ей надрезы по всему телу. Чтобы умершая могла избежать подобной участи, женщины селения рисовали сажей на ее теле узоры, которые должны были отпугнуть злых духов. Кроме того, как ***икуниси***[1] у мужчин, татуировка женщин также была призвана защищать рот женщины от вредоносных сил. Кроме этого женщинам без татуировки запрещалось принимать участие в медвежьем празднике – главном у айнов. Но не только айнки наносили на кожу лица и рук тату, этот обычай существовал и у других народов Тихоокеанского побережья – эскимосов, алеутов, чукчей и др.

Японские власти, начиная с эпохи Эдо, пытались запретить тату, распоряжение сёгуната гласило, что можно оставить татуировку тем, у кого она уже сделана, но было строго воспрещено наносить тату новорожденным. Следующий запрет последовал за первым в 1871 году, «those born after this day are strictly prohibited from being tatooed»[2] . Эти запреты имели своей целью ассимилировать айнов, изжить их исконные культурные традиции. В результате этих действий обычай наносить тату полностью исчез уже к середине прошлого столетия, навсегда закрыв одну из страниц древнейшей культуры.

Литература:

1. Буссе, Н. В. Остров Сахалин и экспедиция 1853–54 гг. Дневник 25 августа 1853 г. – 19 мая 1854 г. Ответ Ф. Буссе, Невельскому и Рудановскому / Н. В. Буссе. – СПб., 1872. – С. 70; Крузенштерн, И. Ф. Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на кораблях «Надежда» и «Нева» / И. Ф. Крузенштерн. – Владивосток, 1976. – С. 203; Лаперуз, Ж. Ф. Путешествие Лаперуза в Южном и Северном Тихом океане / Ж. Ф. Лаперуз // Краеведческий бюллетень СОКМ. – 1995. – № 1. – С. 26; Рудановский, Н. В. «Поездки мои по острову Сахалину я делал осенью и зимою …» : отчеты лейтенанта Н. В. Рудановского, 1853–1854 гг. / Н. В. Рудановский // Вестник Сахалинского музея. – 2003. – № 10. – С. 163.

2. Шренк, Л. И. Об инородцах Амурского края. В 3 т. Т. 2 : Этнографическая часть. Первая половина: главные условия и явления внешнего быта / Л. Шренк. – СПб., 1899. – С.112.; Kodama, M. Garment and Ornament / M. Kodama // Ainu: Spirit of a Northern People / Arctic Studies Center, National Museum of Natural History, Smithonian Institution, University of Washington Press. – New York, 1999. – P. 325.

3. Добротворский, М. М. Айнско-русский словарь / М. М. Добротворский. – Казань, 1875. – С. 34.

4. Арутюнов, С. А. Древнейший народ Японии : судьбы племени айнов / С. А. Арутюнов, В. Г. Щебеньков. – М., 1992. – С. 196.

5. Онуки-Тирни, Э. Айны Северо-западного побережья Сахалина / Э. Онуки-Тирни // Краеведческий бюллетень СОКМ. – 1996. – № 2. – С. 96.

6. Леви-Строс, К. Первобытное мышление / К. Леви-Строс. – М., 1994. – С. 76. – (Мыслители XX века).

7. Арутюнов, С. А. Картины давно минувшего / С. А. Арутюнов // Восточная коллекция. – 2004. – Весна, № 1 (16). – С. 15.

8. Smith, George S. Tattooing Found on a 1600 Year Old Frozen, Mummified Body From St. Lawrence Island, Alaska / George S Smith, Michael R. Zimmerman // Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. – Новосибирск, 1975. – С. 192–193.

[1] Особая ритуальная палочка – икуниси, при помощи которой во время молитвы мужчина разбрызгивал саке в направлении четырех сторон света, делясь напитком с богами.

[2] «Тем, кто родился после этого дня, строго запрещается наносить татуировку» (пер. с англ. М.В. Осиповой)

Без оленя нет эвена

Галина ТИТОРЕВА, Светлана ГОНЧАРОВА
Хабаровск
Фото авторов

Осенью 2006 года сотрудники Хабаровского краевого краеведческого музея им. Н.И. Гродекова Светлана Гончарова и Галина Титорева при финансовой поддержке отдела по делам коренных малочисленных народов Севера министерства природных ресурсов Хабаровского края совершили научную этнографическую экспедицию в Охотский район, в места локального проживания эвенов.

В этом материале их впечатления о мире современных аборигенов, в котором седая древность переплелась со знаками сегодняшнего дня.

Вертолет, поднявшись в небо, открыл фантастическую картину: рядом с иллюминатором проплывали вершины величественных гор, на глазах меняющих свою окраску: от нежно-желтого цвета ягеля, до сурово-фиолетового, обделенного солнечным светом. В бесконечно далеком горизонте только небо и горы. Но даже с такой высоты по ярко-зеленому растительному настилу видна петляющая транспортная колея. Оказалось, это древние нартовые дороги, по которым сотни лет ездили и сейчас ездят коренные жители этих мест – эвены. Удивительный народ, живущий с нами на одной земле, но в ином жизненном измерении. Все, что нам довелось увидеть, проехав по кочевьям оленеводов Приохотья, вызывало смешанные чувства изумления, восторга, горечи и сожаления. Сожаления о том, что мы не можем по-

мочь им сохранить гармонию бытия, хоть помощь эта проста и не очень затратна. Им всего-то и надо конкретное дело, которое они любят и знают, которым тысячи лет занимались их предки и, вероятно, будут заниматься их дети. А дети и правда мечтают вернуться в бригады, пасти оленей, заботиться о них, просыпаться в чуме на оленьих шкурах, расстеленных на еловых ветках, источающих смолянистый запах, пить «живую» воду из горного ручья, звенящего хрустальными льдинками, и так же, как их родители, серьезно говорить: «Природа – наш Бог».

В Охотском районе два центра – поселки Арка и Иня, вокруг которых располагаются оленеводческие базы Кетанда, Номанкур, Черпулай (на Арке) и Нядбаки и Усчан (на Ине) с прикрепленными к ним бригадами, кочующими со стадами оленей. Когда-то на базах работали магазин, фельдшерский пункт, начальная школа и даже церковь. Сегодня это заброшенные населенные пункты: несколько хозяйственных и жилых построек и кладбище. Вертолет, которым мы перемещаемся по оленеводческим фермам, забирает школьников из бригад, где они проводили лето у родителей, в интернаты Охотска и Арки на учебу. Но никакие блага цивилизации, ждущие их «на большой земле», не радуют детей, и они горько плачут все время пути.

Для этнографов Охотский район – благодатнейшее место научных исследований. Здесь сохраняются в неизменном виде древние традиции хозяйственных промыслов, семейного быта и отношений, религиозных верований. Изолированность от внешнего мира делает внутренний мир эвенов наполненным смыслами, сотканными из мелочей, деталей, очень ценных для этноса, но не всегда понятных чужеродцу. «Сколько у вас детей, дедушка?» – спрашиваем у Ильи Кириковича Бабцева, старичка, бодро шагающего по ягодному полю к вертолету на базе Усчан. Совершенно серьезно он отвечает: «Не знаю точно. Человек тридцать». Он махнул рукой на людей, суетящихся у вертолета – взрослых и детей: «Вот это все мои». Оказывается, спрашивать об этом нельзя, это может повредить здоровью детей.

Продолжая общение с жителями базы, располагаемся на ковре из голубичных кустов, срываем сладкие ягоды и заводим неторопливую беседу о сложностях кочевого образа жизни. Нам кажется, что он труден, но вот дед Илья так не считает. Нормальная обычная жизнь. Он с недоумением отвечает на наш воп-

Оленеводческая база Нядбаки

Илья Кирикович Бабцев

Марфа Федотовна Зыбина.
Оленеводческая база Усчан

Поселок Арка

Стоянка оленеводов

Ловушка для рыбы

рос, как они ориентируются на местности, передвигаясь пешком и на оленях на территории, равной по площади паре европейских государств. Просто он видит карту своей земли, как нарисованную на бумаге, со всеми перевалами, ручьями, приметными камнями и деревьями; он знает каждый кусочек этой территории, даже если и не ходил по ней. Расстояние в пути он измеряет количеством ночевок и никогда не задумывается, откуда и когда появилось это знание.

Илья Кирикович показывает ловушку для рыбы около четырех метров длиной, которую он сплел из тальниковых прутьев года три назад. Такими же пользовались его прадеды и до сих пор ловят рыбу его сыновья. Рациональное и красивое сооружение. Как жаль, что привезти его в музей невозможно…

Живя в природе, эвены выработали свои правила, законы сосуществования с ней. Чтобы обезопасить себя от мести убитого хищника, волка или, в особенности, медведя, охотник строит для его останков ***биркэн*** – постамент, на котором хоронит кости, голову животного, ориентируя их на восход солнца. При этом волку закрывают повязкой глаза и привязывают лапу к шее. Медведь для эвенов – животное священное, в обращении с ним предусмотрены многочисленные запреты, касающиеся чаще всего женщин, и свод обрядовых действий, направленных на получение прощения у животного за смерть и обеспечение в дальнейшем его доброжелательности к охотнику. Разделывая тушу, мужчины издают звуки, имитирующие крики ворон, приговаривая: «Не обижайся на нас, это не мы тебя убили, а вороны». Отверстия глаз на шкуре зашивают, вставив в шов полоски красной ткани, в зубах зажимают веточку, заостренную с обеих сторон, «чтобы не ругался и не ходил за тобой». Ведь душа убитого медведя перейдет другому, вновь рожденному, и он может преследовать человека, убившего его. Голову медведя отворачивают от стойбища, и от дороги, которой мужчины будут возвращаться домой. Женщины к обработке мяса и шкуры медведя не допускаются. Но если им все же пришлось это делать, то на запястье они обязательно привяжут колокольчик, «чтобы душа медведя подумала, что это не женщина, а олень». В этом прослеживается очевидная связь с древними тотемистическими представлениями, отраженными в мифологии эвенов, согласно которым они произошли от брака медведя и женщины.

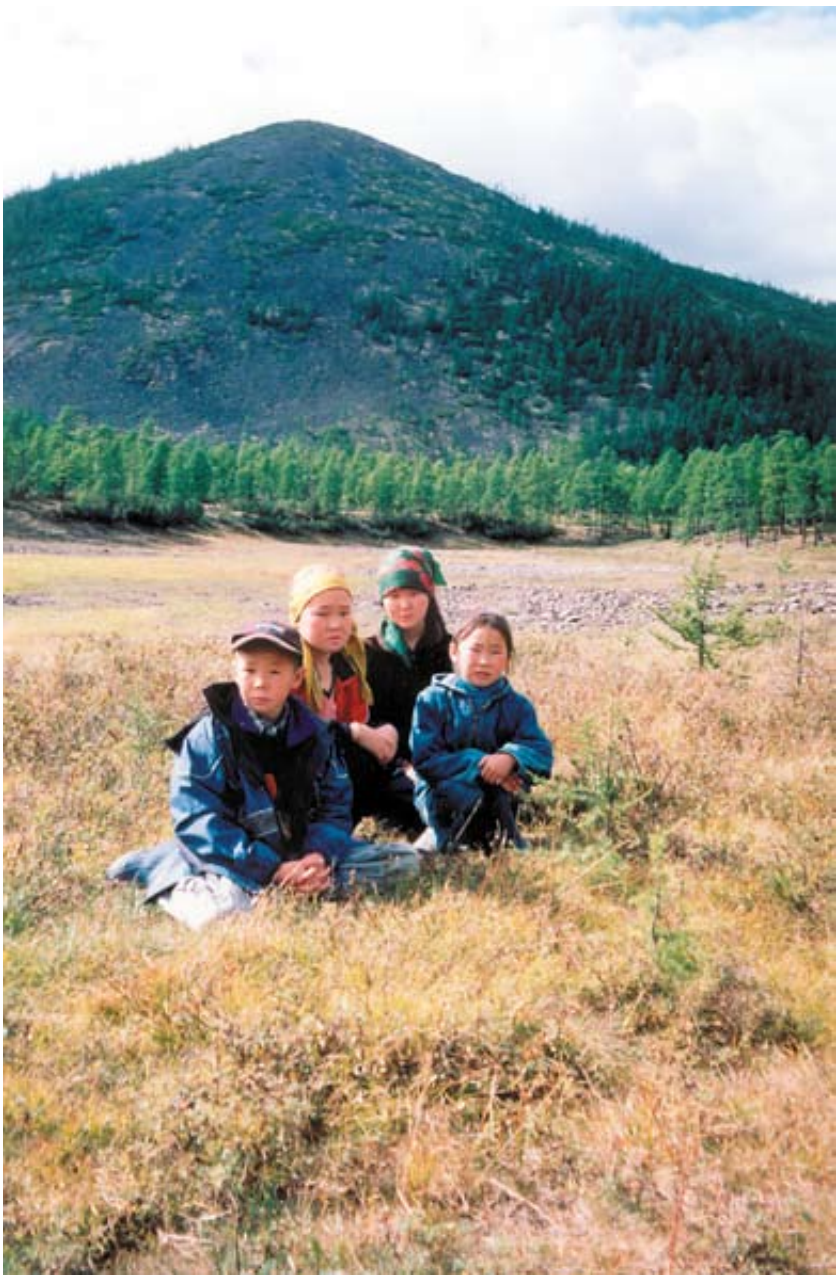
Одушевляя природные объекты, эвены, чья жизнь проходит в пути, на пере-

валах обязательно обращаются к духу горы с просьбой удачного путешествия и в знак уважения привязывают на лиственницу ленточки разноцветной ткани, оставляют угощение.

До недавнего времени в культовой практике эвенов наряду с православием сохранялись три самые древние формы религиозных представлений – тотемизм, анимизм, фетишизм. Эвены – один из трех приамурских народов, принявших христианство и искренне совершавших православные обряды. Даже в небольших поселках на оленеводческих базах вплоть до 1940–50-х годов существовали православные церкви, из Охотска регулярно приезжал священник, а все пожилые люди и сейчас имеют иконы и кресты. Но это не мешает эвенам одновременно придерживаться шаманизма, почитать языческих духов и верить в чудодейственную силу фетиша, которым служат разные необычные предметы или их части. Таким амулетом удачи могла служить шкурка зверя необычной окраски, камень редкой формы, кость животного и т. п. Институт шаманизма существовал у эвенов Приохотья до середины 1990-х годов. Память о шаманах по-прежнему хранится в народе, возможно, последователи их практикуют и сегодня. Известны случаи, когда для совершения обряда иконы смазывались кровью оленя. Так в сознании и повседневной жизни народа переплелись две религии, адаптировав наиболее важные идеи каждой из них.

Завесой тайны оказалась закрытой для нас тема семейных реликвий, сохраняющихся в семьях оленеводов. Это достояние хранится в укромном месте чума, никому не показывается, даже детям, до момента передачи следующему хранителю. Их возят с собой на специальном олене – он называется ***хэвэк*** – при любых обстоятельствах: уезжая ненадолго, в гости или перекочевывая на место новой стоянки. Традиционно в состав семейных реликвий входит небольшой деревянный стол без ножек для еды, серебряные украшения, трубка, иконы, кресты и другие предметы.

Но ничего дороже оленя для эвенов не существует. Он основной продукт питания, он дает материал для одежды и строительства жилища, он главный герой всех произведений народного искусства. Одним словом, источник благосостояния семьи и личного счастья каждого человека. Вся жизнь эвена вращается вокруг оленя. Он знает о нем абсолютно все: анатомию, характер, жизненный цикл, возрастные особенности. И очень любит



Дети оленеводов

Семья оленеводов. База Усчан

Коптильня. Оленеводческая база Усчан

это безобидное, трогательное животное. Каждому новорожденному ребенку в семье дарят оленя. Чаще всего важенку, будущие телята которой тоже будут принадлежать ребенку. К моменту взросления у него накопится свое маленькое стадо, необходимое для начала самостоятельной жизни. Все эвены имеют так называемого «любимого оленя» – ***хэвэка***, который лечит, если хозяин заболеет, забирает его тяжелые мысли и переживания, помогает в трудные моменты жизни. Этот олень освобождается от всех работ, и если хозяин умирает, то его отправляют в загробный мир вместе с умершим. Рога, копыта, колокольчик, иногда все кости ***хэвэка*** хоронят на ***биркэне***, который устанавливают в стороне от могилы в день первой годовщины со дня смерти человека.

Похоронные обряды эвенов сохраняют древние архаичные черты. Еще совсем недавно захоронения были воздушными, когда покойника, завернутого в бересту, кору лиственницы или ровдугу, подвешивали на дереве или укладывали на специальном помосте. Сейчас хоронят по христианским правилам, в которые вплетаются элементы древних традиций.

Одевают умершего человека в костюм из ровдуги, не нагружая его бисерной вышивкой: «чтобы легко было идти» в потусторонний мир. На всех предметах одежды делают крестообразные разрезы в невидимых местах. В гроб кладут семь мешочков с продуктами (соль, сахар, крупы, чай и т. п.), а также чашку, чайник, посох. Все предметы маленького размера и обязательно дырявые, т. к. считается, что в мире мертвых все наоборот, и ломаные предметы станут целыми. Вещи, которыми пользовался человек при жизни, никто не брал, но и разбрасывать их нельзя: «будет на том свете искать». Недалеко от могилы устанавливают невысокий сруб, в который укладывают двух или трех оленей (в зависимости от пола умершего), один из которых, головной вьючный, будет служить человеку в ином мире так же, как и в земном. На могиле разводят поминальный костер, где сжигают принесенные угощения и одежду. Ими он будет пользоваться в следующей жизни. Поминают покойного три года, после этого срока считается, что «душа его ушла далеко, и не стоит ей мешать». Удивительно, где бы ни жили старики-эвены, они стараются вернуться на базу, чтобы быть похороненными на своей земле.

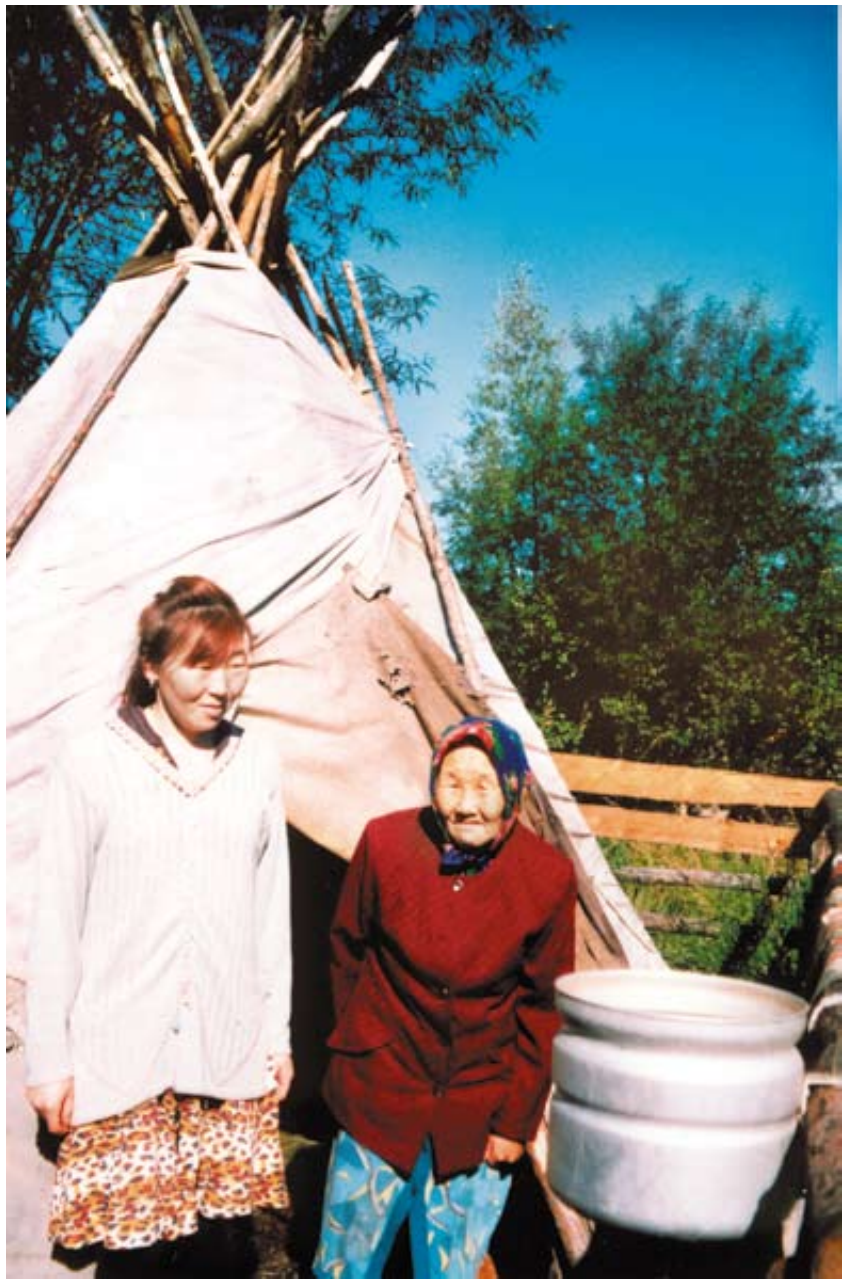
Сегодня оленеводство в Охотском районе находится в сложном положении. Крупные благополучные колхозы-

миллионеры в 1990-е годы прекратили существование, стада в десятки тысяч голов сократились до 4–5 тысяч и были переданы оленеводам в счет долга по заработной плате. Но эвены не прекратили свой исконный промысел, они по-прежнему пасут оленей, мечтают увеличить их поголовье, с завистью глядя в сторону Якутии, где забота об отрасли имеет государственную поддержку. Среди них находятся смелые, энергичные люди, которые пытаются переломить ситуацию, возродить хозяйство оленеводов. Мы были очень рады знакомству с замечательным человеком, умным и трудолюбивым – Андреем Громовым, возглавляющим единственную в Хабаровском крае национальную общину оленеводов «Виточан». Его бригада из шести человек обслуживает почти три тысячи оленей, ни на час не оставляя их без внимания: перегоняет на новые пастбища, охраняет и день и ночь от волков – главных врагов оленей, контролирует отел и выхаживает телят, спасает стадо от оводов и многое другое. «А в Якутии, на территории которой мы пасем свое стадо, – рассказывает нам Андрей, – девять оленеводов пасут всего 100 оленей».

Основные проблемы в общине те же, что и в других бригадах: нет возможности вывезти мясо оленя для сбыта, нет ядохимикатов для борьбы с волками, которых нынче развелось огромное количество, нет лицензии на промышленный вылов рыбы, который бы позволил на некоторое время приостановить забой своих оленей и таким образом повысить их численность. Но пока оленеводы предоставлены сами себе. Они горько шутят: «Как жили в XIX веке, так и теперь живем. Вернулись на сто лет назад». Недавно Андрей Громов приезжал в Хабаровск, обошел кабинеты всех ведомств, от которых зависит судьба его общины. Везде обещали помочь. Очень хочется верить, что все наладится. Ведь речь идет не столько о возрождении одного из древних хозяйственных промыслов, сколько о будущем всего народа, о сохранении уникальной самобытной культуры. «Нет оленя – нет эвена», – говорят охотские аборигены, и в этом нет преувеличения.

…Вертолет, сделав прощальный круг над землей оленеводов-кочевников, последний раз открыл нам не только фантастическую картину вечной красоты природы, но и величие человека Севера, жизнеутверждающую силу традиций, соединяющих прошлое, настоящее и будущее.

Традиционная рыбалка. Поселок Арка



Акулина Герасимовна Андреева с внучкой. Поселок Арка

Тайное поручение старому тису

Елена ГЛЕБОВА
Хабаровск
Фото автора

Лазовский государственный природный заповедник им. Л.Г. Капланова, который расположен в Приморье, называют одним из самых уникальных уголков Земли. Творец своей невидимой рукой создал эту удивительную шкатулку, наполнив ее редчайшими представителями животного и растительного мира, а потом вложил главную драгоценность – Остров Петрова.

Его называют Островом надежды, местом, где человек может получить ответ на самые важные для себя вопросы. Он омывается изумрудом и бирюзой соленых волн Японского моря, укрывается густым шатром из тисов и лип и хранит многие тайны древних империй. Всех, кто приезжает сюда, Остров ведет к своей вершине сквозь тисовую рощу. Ты делаешь шаг и попадаешь в другое измерение, где ничто не нарушает тишины и покоя, где мощные ветви тисов, совсем как руки воинов, охраняют хрупкий мир, а золотые нити солнца высвечивают темно-зеленую хвою и наполненные сладким соком красные ягоды. Тисовая роща, созданная 800 или даже 1000 лет назад (ученые именно так определяют возраст этих вечнозеленых реликтов) – ворота Острова, где живут легенды, предания, мистические поверья. Теперь в магическую книгу Острова Петрова вписана еще одна история, которая напрямую связана с современными верованиями аборигенов Приамурья.

Телефонный звонок из Приморья. Голос Сергея Хохрякова, заместителя директора Лазовского заповедника и моего хорошего знакомого. Не так давно он открыл для меня Остров, показал его тайные тропы, рассказал множество интересных вещей и дал потрясающую возможность в полном одиночестве побыть в природном храме, прислушаться к его дыханию. Для себя я называю Сергея хранителем Острова Петрова. Их линии жизни настолько переплелись почти за двадцать пять лет, что рассматривать их в отрыве друг от друга просто нереально.

Итак, в редакции звонит телефон. Сергей Хохряков обрисовывает ситуацию, и в голосе его слышится растерянность. Дело в том, что сотрудники заповедника, «закрывая» Остров на зимний сезон и делая последний обход, заметили на одной из ветвей тиса, склонившейся к тропе, деревянного сэвэна, подвешенного на кожаном ремешке. Самый обычный амулет в виде человеческой фигурки с обозначенными «женскими» признаками. Странным было только одно: на шею сэвэна надето золотое обручальное кольцо, судя по размеру – мужское. Царапинки и потертости на металле указывали на то, что кольцо носили, и, быть может, не один год. И вот что еще интересно: на деревянном амулете стояло авторское клеймо одного из самых известных мастеров Приамурья.

Остров Петрова. Лазовский заповедник, Приморский край

Сэвэна сняли с тиса и отнесли в музей заповедника (это чтобы в следующем сезоне кто-нибудь из туристов не взял его себе на память) и теперь ломали голову, что с ним делать. Сергей спрашивал моего совета, и я начала «собирать информацию» у знающих людей. Разговаривала с жителями национальных сел Хабаровского края, расспрашивала этнографов, и вот какая в итоге сложилась картинка.

Сэвэн, оставленный кем-то на тисовой ветке, не случайность. Человек, приехавший на Остров Петрова (быть может, не любознательным туристом, а именно как паломник в священное место), молился богам и в качестве приношения оставил амулет и золотое кольцо. Можно предположить, что обряд был связан с семейными отношениями, и, скорее всего, не слишком удачными. Совершая этот ритуал, человек обращается к древнейшему дереву – тису, который, как известно, у многих народов мира символизировал траур и печаль. Оставленное обручальное кольцо – тоже особый знак. Как заметила одна из моих собеседниц, с которой я поделилась этой историей, символами семейного счастья так просто не разбрасываются. Значит, человек хотел отсечь какую-то часть своей судьбы и оставить ее тысячелетнему дереву.

У дальневосточных этносов с деревьями отношения особые. Для них они считались вместилищем душ хозяев того или иного места, своего рода посредниками между миром человека и богов, важнейшую роль играли и в шаманизме. А венцом всего было мировое Древо – абсолютно четкая и ясная модель мироздания.

Все мои консультанты по «тисовой истории» впервые столкнулись с подобным. Прежде всего потому, что обручальное кольцо на сэвэне – явно «из другой оперы». У дальневосточных народов, в частности нанайцев, ульчей, нивхов, не было подобных атрибутов, они пришли к ним уже в современное время, как и славянские элементы свадебных, похоронных обрядов и т. д. Случай на Острове Петрова – яркий пример того, как древние аборигенные обряды трансформируются с учетом сегодняшней реальности, дополняются новыми штрихами, но по сути своей остаются неизменными. Все, с кем мне довелось говорить, сошлись в одном: сакральный ритуал совершен, механизм общения с богами запущен, и потому сэвэна нужно обязательно вернуть на то место, где оставил его незнакомец. А иначе беды обрушатся на головы сотрудников заповедника, да и самому молящемуся будет несладко.

Все это я рассказала Сергею Хохрякову. Когда миновала зима, и Остров Петрова вновь «открыли», ребята первым делом отвезли туда окольцованный амулет и бросили в глубокое дупло старого тиса. Теперь он действительно навеки спрятал чью-то боль и, будем надеяться, исполнил тайное поручение.

Народы Приамурья знают наверняка, что не стоит брать какие-либо предметы, подвешенные или положенные на деревьях. Не для человека это предназначено. И потому мудрый охотник, заметив среди листвы или сплетенных ветвей что-либо (а это могут быть часы, деньги или другие ценности) пройдет мимо. Иногда старики относят в тайгу старых сэвэнов или мио (своего рода икона на ткани у аборигенов Севера), когда понимают, что больше некому будет заботиться об этих сакральных вещах и хранить их. И в таких случаях также нельзя прикасаться к оставленным предметам. Коренные народы Приамурья это знают. А вот ребятишкам из нанайской деревни Сикачи-Алян, видно, никто не объяснил. Несколько лет назад нашли они в лесу какие-то яркие лоскутки с иероглифами на деревьях, взяли с собой и даже придумали какие-то игры. А спустя некоторое время детвора стала вдруг болеть. Когда взрослые разобрались в чем дело, быстро вернули святыни в прежнее место, и неприятности миновали.

Известно, что деревянные идолы, которые изготавливались, как правило, по указанию шамана для конкретной цели (решение с его помощью сложной жизненной ситуации, исцеление от болезни и др.), всегда считались вещами неприкосновенными. Аборигены верили и верят до сих пор, что некоторые сэвэны – «живые», и потому не стоит вызывать их гнев. Идолов хранили на чердаках, а иногда уносили подальше в лес. Если были на то указания шамана, переселившегося в лесное жилища сэвэна периодически «кормили». Жительница поселка Пуир Николаевского района Хабаровского края рассказывала, что в детстве бабушка давала ей поручение сбегать в лес и отнести еду деревянному божку. Девочка особо не вдавалась в детали, но бабушкину просьбу исправно выполняла. Какова его дальнейшая судьба, она не знает: с уходом бабушки традиция прервалась.

А вот учитель истории из Найхина Нанайского района Хабаровского края специально отправился в тайгу на поиски «живого» сэвэна. Дело в том, что его дед был одним из проводников Арсеньева, много рассказывал о прошлой жизни с ее мистическими элементами, и в частности о том, как местный шаман совершал свои обряды и где спрятал своего верного деревянного «слугу». Найхинский учитель, человек довольно молодой и активный, решил отыскать тайное место. Сколько уж ему пришлось бродить по тайге, неизвестно, но старого сэвэна он нашел. Хотел определить ценную находку в школьный музей, но директор, опасаясь гнева потревоженных духов, наотрез отказался. По тем же соображениям не взяли идола и в другой этнографический музей и посоветовали вернуть его на прежнее место.

В музейных экспозициях, посвященных аборигенной культуре, центральное место занимает ритуальная скульптура и шаманская атрибутика. Нынешние хранители этих коллекций, особенно в национальных селах, относятся к таким предметам с особым почтением. К примеру, директор этнографического музея села Булава Ульчского района Хабаровского края Юрий Кусайли периодически проводит обряд «кормления» сэвэнов и всегда предупреждает посетителей, что руками их лучше не трогать. Не только потому, что в музеях так заведено, а ради собственной безопасности. К слову, некоторые булавинские бабушки вообще стараются не заходить в музей. Видимо, не хотят попадаться на глаза «живым» сэвэнам.

Многим, конечно же, знакома прекрасная коллекция ритуальной скульптуры Хабаровского краевого краеведческого музея им. Н.И. Гродекова, собранная на заре XX века самим Владимиром Клавдиевичем Арсеньевым. Меня всегда интересовало, как музейщики опекают эти экспонаты. Выяснилось, что сэвэны не лишены особого внимания, правда, инициатива исходит от представителей коренных малочисленных народов Приамурья. А конкретно от Зинаиды Николаевны Бельды, жительницы села Троицкого Нанайского района Хабаровского края, которая хорошо знает и соблюдает традиции предков. Она все взяла в свои руки и время от времени совершает в зале этнографии обряд «кормления»: готовит для сэвэнов особое угощение, наливает в специальный сосуд немного водки, произносит соответствующие заклинания. Сотрудники музея при этом обязательно присутствуют, и это правильно – ведь они находятся под одной крышей с магическими «единицами хранения», и потому лучше сохранять с ними дружеские отношения.

Нужно сказать, что обряд жертвоприношения у современных аборигенов сохранился, несмотря на поменявшуюся в корне жизнь, и считается естественной частью их бытия. Приезжает житель Булавы на мыс Аури – одно из культовых мест на Амуре, и сразу же кладет украдкой под какой-нибудь кустик или деревце пачку сигарет. Это чтобы хозяин местности не осерчал на непрошеного гостя. До сих пор приносят дары и к сикачи-алянским петроглифам. Особо почитаем «космический лось» на огромном валуне, у которого просят здоровья и удачи, каменный ансамбль недалеко от деревни Сикачи-Алян, где в центре расположена магическая «бабушка», а также сопка Дракон в нанайской деревне Кондон.

В особых случаях в качестве жертвоприношения богам используют курицу. Одна нанайская мастерица рассказывала, что однажды взяла бересту для своих изделий «не в том» месте (она предполагает, что потревожила чьи-то родовые деревья) и практически сразу серьезно заболела. Когда ее состояние достигло критической точки, она купила живую курицу, отправилась вместе с мужем в лес, и там, окропив березы кровью (курице отсекли голову), попросила прощения. Болезни как не бывало.

Но такие крайние меры достаточно редки. Сегодня чаще поступают по-другому: покупают замороженную птицу, готовят ее, а потом кладут возле какого-нибудь сакрального предмета – того же сэвэна или мио. До недавнего времени в селе Лидога Нанайского района Хабаровского края во время осеннего забоя свиньи отваривали ее голову и ставили в особом месте перед семейными святынями. Когда еще была жива бабушка Кода – местная шаманка, обязательно звали ее, и она совершала особый ритуал: обращалась к богам, благодарила за ниспосланные блага и на будущее просила их милости.

Практически везде сохранилась традиция угощать духов – «чектырить» (так, во всяком случае, говорят ульчи): прежде чем осушить чарку, нужно побрызгать по трем сторонам. Причем делают это мужчины или пожилые женщины. Охотник у ночного костра в лесу обязательно плеснет водки в огонь, рыбак, отправляясь за уловом, нальет немного спиртного в реку, а то и сигареты бросит. Но обряды эти сегодня совершают не только

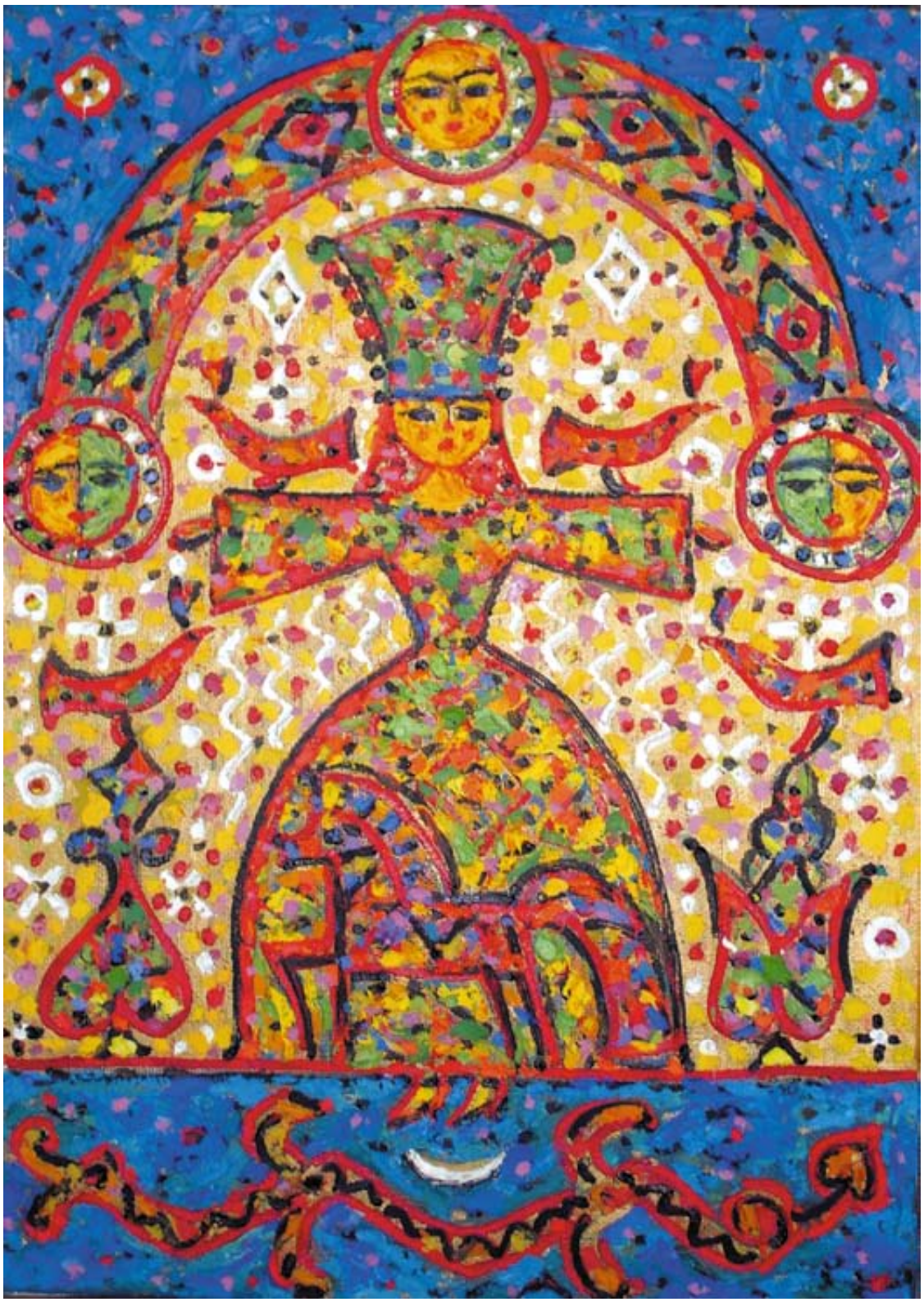
аборигены. Живущие рядом славяне или другие народы, благо наш регион многонациональный, производят те же действия и верят, что теперь уж ничто не помешает удаче.

Еще несколько десятилетий назад для удачной рыбалки на берегу реки мастерили «ворота». Для этого делали стружки, привязывали их к палочкам, втыкали в берег, а потом через них пускали по воде берестяные сосуды – «чумашки» – с дарами (чаще всего с национальными блюдами). Считалось, что чем быстрее они потонут, тем удачнее будет промысел. После того, как хозяин реки отведал угощение, стружки заносили в дом и сжигали. Сегодня подобный обряд совершают редко, но вот ритуальная стружка продолжает «работать» на благо людей. Прежде она была шаманским атрибутом во время камлания, обрядов очищения или исцеления. Сейчас, когда старое поколение шаманов практически ушло, люди пытаются пользоваться ей сами. Если кто-то заболел в той же Булаве, обращаются к мастеру с просьбой изготовить «лекарство» – золотистые завитки из тальника. Потом нужно поводить ими по телу занедужившего человека, и все хвори уйдут. Точнее, злые духи, из-за которых приключилась болезнь, запутаются в ней. После совершения обряда стружку, конечно же, сжигают.

Да, шаманы, находящиеся между людьми и высшими сферами, уходят. Многие тревожатся: кто теперь станет заступаться за народы Приамурья, кто проводит души умерших в загробный мир? Что ж, приходится строить собственный диалог. Нередко мне приходилось слышать от молодых аборигенов такую фразу: «Нужно помолиться богам». Каким конкретно, они не объясняли, видимо, имея в виду обобщенный образ небесных заступников. К тому же современное поколение коренных малочисленных народов нынче принимает Православие, но невидимые и очень прочные нити продолжают соединять в общем-то несоединимые вещи.

Мне никогда не забыть жуткого шторма, в который попала наша моторка на пути из нивхского поселка Пуир в Озерпах. Около двух часов нас швыряло по взбесившемуся Амуру, холодные волны обрушивались сверху, и в какой-то момент казалось, что мы перевернемся. В лодке с нами находилась жительница Николаевска-на-Амуре, ульчанка, женщина образованная и, как позднее выяснилось, крещеная. В самый критический момент нашего плавания она достала из кармана припасенную заранее горсть риса и бросила в воду – чтобы хозяин реки подобрел немного. А потом призналась, что молилась одновременно всем богам – и северным, и Иисусу Христу. Мы благополучно добрались до берега, и в тот момент это было настоящим чудом...

…Отдельные традиции уходят, что-то прочно впечатывается в народную память назло цивилизации, какие-то обряды приобретают новые черты, сохраняя при этом главный смысл. И это уже ни от кого не зависит. Но каждую весну, когда по Амуру идет искрящаяся на солнце шуга, Нина Константиновна Ходжер, одна из самых старейших женщин в Булаве, пускает по воде берестяные чумашки с ритуальной пищей. Таким образом она поминает погибших когда-то в речных волнах мужа и сына и просит удачного года для всех жителей Приамурья. И мне почему-то кажется, что пройдут годы, десятилетия, но весенней порой кто-нибудь обязательно отправит в таинственное плавание кораблики-послания. И у них тоже будут особые поручения.



Александр Рябчук. Берегиня. Бумага, смешанная техника

Философия обряда
СЛАВЯНЕ

с. Казакевичево, ул. Новожилова

Наталья СОБОЛЕВСКАЯ,
кандидат исторических наук,
доцент Тихоокеанского
государственного технического
университета
Хабаровск

Трын-трава

Заметки историка о традициях, обрядах, мифах прошлого и настоящего дальневосточников

Ах! – где те острова,
Где растет трын-трава...
Густо

Где Ягода-злодей
Не гоняет людей
К стенке…
Анна Ахматова
(Из забытого). 1920-е годы

Место, где прежде располагалась мельница

Возвращение

В июне и сентябре 2006 года состоялись организованные мною поездки студентов института архитектуры и строительства Тихоокеанского технического университета в село Казакевичево Хабаровского края. Историко-архитектурные исследования в Казакевичево были связаны с учебными задачами курса историко-культурного регионоведения, дипломным проектированием туристического комплекса.

Природа в этом месте еще не утратила своего естества: воздух прозрачен, пропах травами, вместо городского шума – музыка текущего ручья с птичьими голосами. Великолепен исторический ландшафт – с небольшой сопочки на западе просматривались китайское левобережье многоводной здесь Амурской протоки, остров Уссурийский с недавно построенной часовней Святого Воина Виктора, на востоке возвышались отроги Хехцира.

В 1858 году здесь побывал с топографической экспедицией молодой географ Михаил

Археологическая находка на берегу реки – фигурка медведя (4–3-е тыс. до н. э.)

Иванович Венюков. Вот его обозрение этой части Уссури: «Мы отправились из Уссурийского поста… утром 1 июня (1858 года. – Прим. автора) и скоро прошли горы, находящиеся на правом берегу Уссури и известные под именем хребта Хехцира (Хухчир – Хургин)… Спуски с хребта везде круты и одеты лесом, который состоит из ильма, грецкого ореха, дуба, березы черной и белой, осины, пробкового дерева, ясеня, черемухи и отчасти кедра. Поросли леса состоят большей частью из явно цветных растений, между которыми можно заметить виноград и жасмины…За Хехциром начинаются по обеим сторонам Уссури очень низкие равнины, однообразно покрытые злаками и небольшими перелесками из дуба, вяза, осин, и разных ив. Вся почти прибрежная местность, верст на 50 по Уссури затопляется в большие воды, которые здесь бывают в июле, то есть в самой средине лета. Она поэтому мало способна для заселения. Зато ее многочисленные озера и болота содержат огромное количество дичи…Обилие рыбы в нижних частях Уссури изумительно...»[1].

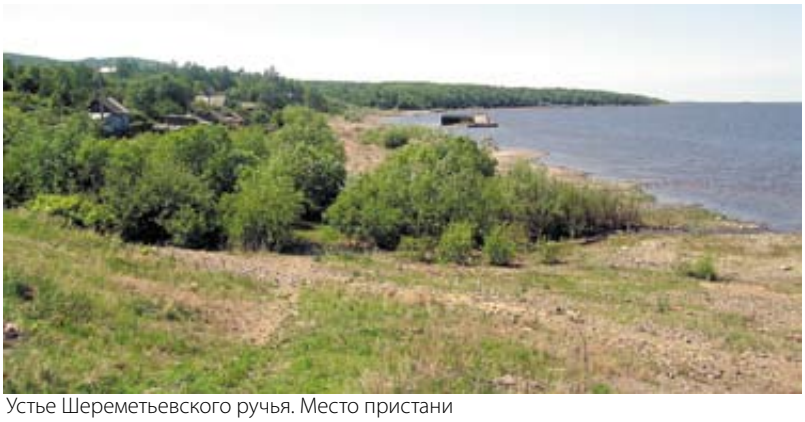
Место оказалось удивительным – здесь жил человек еще в эпоху мезолита, несколько десятков тысяч лет назад. По берегу реки есть выходы культурных слоев более позднего времени – неолита, раннего металла, средневековых поселений! В первый приезд нам повезло: на прибрежном песке мы нашли неолитическую стилизованную фигурку медведя из туфа. Все археологические и исторические находки находятся в старом сельском клубе, что мы с большим интересом и рассмотрели с помощью краеведа Натальи Федоровны Милушовой.

Правда, деревянные реликвии более позднего времени – казачьи усадьбы начала прошлого века – у студентов-архитекторов уже не вызывали такого интереса. Сохранилось всего несколько деревянных домов казаков начала XX века. Не было энтузиазма у студентов в изучении этих домов и позже. У молодых горожан само село вызывало скуку.

Место «выхода» двух культурных слоев – эпохи раннего железного века и средневекового поселения

Мост через Шереметьевский ручей

Улица перед Домом культуры. Вид на Хехцир



Устье Шереметьевского ручья. Место пристани

Площадь, где пересекаются у берега улицы Новожилова и Карамзинова

Старый дом по ул. Новожилова, 10

Поклонный крест на месте последней церкви

Историческая справка

В последние десятилетия XX века возникли проблемы в развитии сельских поселений на юге Дальнего Востока. Сократилось население, изменилось социально-экономическое положение жителей современных сел. Особенно эта ситуация отразилась на жизнедеятельности старинных сел, расположенных в приграничных зонах по берегам Амура и Уссури.

А ведь еще с XVII века приамурские берега обживали казаки-землепроходцы и крестьяне-земледельцы. С середины 1660-х годов центром русских поселений на Амуре стал Албазин – один из первых казачьих острогов (поставлен в 1652 году). Первая русская крепость неоднократно разрушались маньчжуро-китайцами, а затем вновь отстраивалась русскими. В этот период наблюдается трансляция лишь отдельных элементов традиционной восточнославянской культуры, первоначальных хозяйственных приемов.

Российский пограничный знак
на берегу Амурской протоки

Семьи казаков. Архив ХККМ

Приамурье было оставлено по Нерчинскому договору 1689 года. Возвращение этих земель России относится ко второй половине XIX века и связано с заключением ряда российско-китайских договоров, в первую очередь Айгунского (1858 г.) и Пекинского (1860 г.). В колонизации Амура второй половины XIX века принимали активное участие казаки из Забайкалья, Кубанской области и области Войска Донского, из которых формировались Амурское и Уссурийское казачьи войска[2].

Современные села Казакевичево, Лончаково, Васильевка, Покровка находятся на правом берегу нижнего течения реки Уссури и Амурской протоки, недалеко от Хабаровска. Демографическую статистику станицы Казакевичевой и обследованных нами казачьих поселений в прошлом представляет следующая таблица[3]:

	1868 г.	1884 г.
Ст. Казакевичева 1857 г.	74 двора, 363 жителя	279 жителей
Пос. Корсакова 1857 г.	28 дворов, 200жителей	116 жителей
Пос. Лончакова 1859 г.	55 дворов, 283 жителя	356 жителей
Пос. Васильевка 1862 г.	18 дворов, 137жителей	156 жителей
Ст. Покровская 1862 г.	13 дворов, 87 жителей	45 жителей

Все обследованные бывшие казачьи поселения относятся к приречному долинному типу. Поселения, протянувшиеся вдоль берега Уссури, имеют линейный тип застройки.

Рассмотрим историю села Казакевичево. Летом 1857 года на реке Уссури был заложен Усть-Уссурийский сторожевой пост, станица Казакевичева – так было названо позже (в

Пристань на реке Уссури. Архив ХККМ

Казачьи сборы. 1900. Архив ХККМ

Водяная мельница на притоке Уссури. Фонды ХККМ (копия)

Станица Казакевичева. Архив ХКМ

1858 г.) это небольшое селение в честь первого военного губернатора Приморской области. Казаки несли пограничную службу, отбывали почтовую повинность, заготавливали дрова для пароходов, занимались земледелием и всякими промыслами – извозом, гоньбой, охотой, рыболовством…

Церковь в станице Кумарской. 2-я половина XIX в. Фонды ХКМ (копия)

Казачья школа в с. Покровка. Архив ХКМ

В 1862 году на Уссури проживало до 6 000 казаков-переселенцев в 26 станицах. Центром являлась станица Казакевичева. Необходимо заметить, что соседним с ним вниз по течению было нанайское селение Турмэ.[4]

Первоначально селение имело две улицы – Нижнюю и Верхнюю, большое значение для всей жизни поселка имела широкая береговая полоса – набережная с пристанью, складами; заготовленным лесом, дровами, строительным камнем для хабаровских построек. Позже возникли новые улицы, образовались кварталы; с начала XX века в поселок стали подселяться белорусские и украинские крестьяне, мещане… Казакевичские жители имели несколько заимок и хуторов как на правом берегу, так и на островах, прежде всего на Большом Уссурийском.

Источниками водоснабжения в станице являлись горные ручьи – Шереметьевский, Рязанова, Каменщикова, были и колодцы. На Шереметьевском ручье работала водяная мельница, действовали несколько конных; имелась кузница, кирпичный заводик (на территории поселения отмечались выходы подходящих для производства глин). Магазин держал местный казак, лавки – китайские торговцы. До 1917 года в Казакевичева находились: таможня, станичное казачье правление, одноклассное начальное училище казачьего ведомства, фельдшерский пункт, ветеринарный пункт и войсковая ветеринарная лаборатория, казармы, конюшни. Православные храмы и часовни действовали здесь с основания поселения – часовни на Нижней улице и на сельском кладбище, церкви Николая Чудотворца и Во Имя Казанской Иконы Богоматери. В 1915–1916 годах была выстроена новая Усть-Уссурийская Казанская церковь (сгорела в 1921 году).[5]

В 1914 году началась Первая мировая война, казачество воевало за царя, православие и Отечество. В 1917 году казачество как сословие было упразднено. О трагических страницах 1918–1922 годов написано много. Это были революционные годы, годы братоубийственной Гражданской войны. С 1922 года поселок Казакевичский стал советским. Были

отменены все ритуалы и обряды казачьего братства, запрещена старая религия.

Авторские комментарии

В народе в таком случае говорят: «Бес попутал!» Бес был из мифа о Великой Революции. Закончился старый миф о Великой Православной России, многим (но не всем) нравился новый миф о Великом Трудовом Братстве.

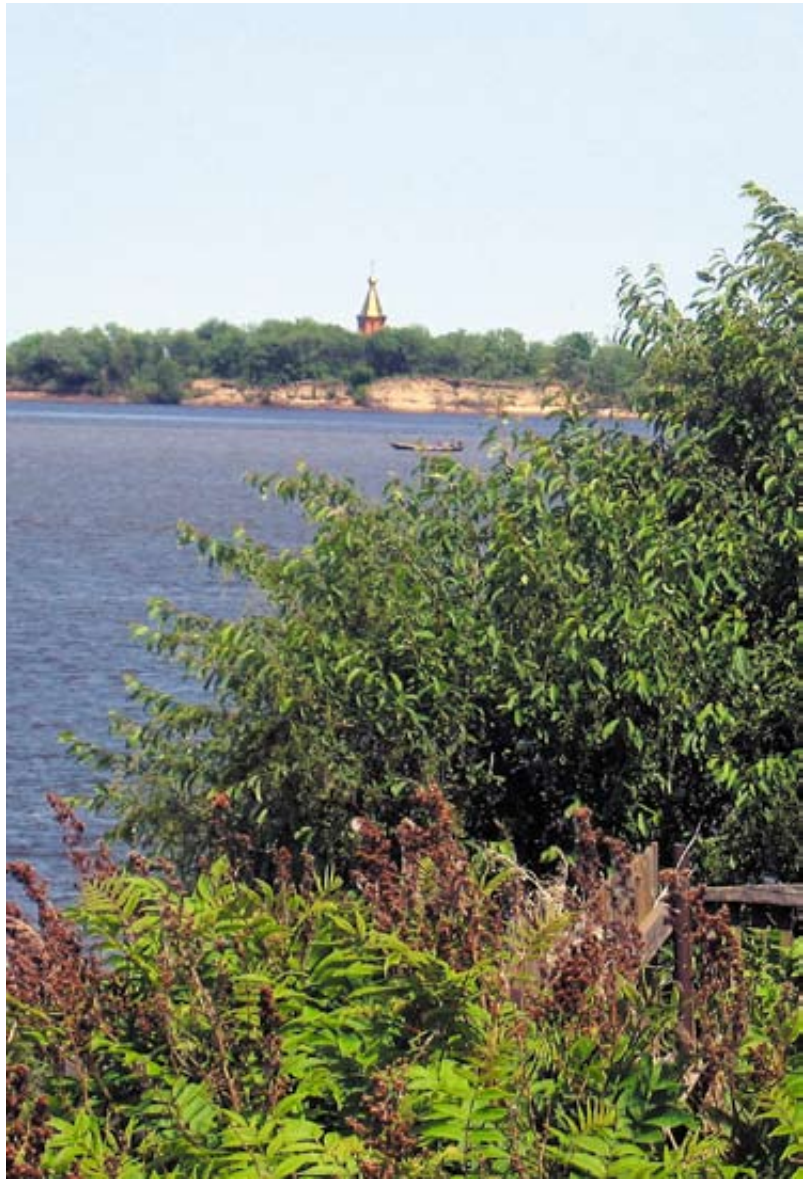
В селе была создана сельскохозяйственная артель «Смычка», в 1931 году – колхоз «Красный пограничник». В 1930-е годы многие казаки были раскулачены, подверглись репрессиям. Ведь это сословие, которое представляло в свое время реальную вооруженную угрозу новой власти, и НКВД этого никогда не забывал. Жители села старались не вспоминать о своих казачьих корнях: сожгли фотографии с бравыми казаками – участниками Первой мировой войны, уничтожили документы – все, что могло свидетельствовать о казачьем происхождении. Появились бараки для спецпереселенцев, они валили лес, добывали камень в бывших каменоломнях Рифа.

В 1940-е годы потомственные казаки погибали на фронтах Великой Отечественной войны, в 1950–60-е – трудились на колхозных полях, ловили рыбу и кормили не только селян, но и город. По-видимому, 1980–90-е годы прошлого века были переломными в судьбах многих сельских жителей. Это был исход в города, распад дальневосточного села.

Авторские комментарии

Теперь, в начале XXI века, стало понятно: трагические десятилетия – это не только когда сразу расстреливают. Это когда не дают жить в согласии с представлением о человеческом предназначении, когда тяжелый сельский труд не для своего благополучия и благополучия своей семьи. Сейчас это дальневосточное село почти «не дышит» – все заросло и забыто. Остались старики, молодежь уходит или пьет. Усадебные земельные участки продаются «в аренду» для строительства дач. Село превращается в зону отдыха состоятельных хабаровчан, чье спокойствие обеспечивает пограничный режим. Только вот кормят теперь российские дальневосточные города китайские фермеры, не забывшие извечных трудовых традиций великой земледельческой цивилизации.

P.S. Строки Анны Ахматовой о траве забвения помогли понять в какой-то мере причину нашего стремления к «беспамятству».



Вид на остров Уссурийский

Школа в селе Казакевичево

Результаты исследований

В прошлом в селе Казакевичево самые добротные дома были у Шереметьева, Чабыкина, Рифа, Пешкова, Трухиных, Сыромятникова. Из всех казачьих жилых построек сохранилось до настоящего времени лишь несколько: ул. Новожилова,10; ул. Карамзинова,10, 34, 37, да и то перестроенные; хозяйственные постройки (кроме погреба на бывшей усадьбе Сычева) не сохранились вовсе. Это четырехстенки, пятистенки с сенями, дома-связи. Вход со двора, через дощатые сени, веранду, где обязательно находилось место кладовой. Срубная изба состояла из кухни с русской печью и плитой, и горницей. Внутреннее пространство разделялось легкими перегородками, не доходящими до потолка.[6]

В планировке домов отсутствует терраска, обязательная для построек амурских казаков[7].

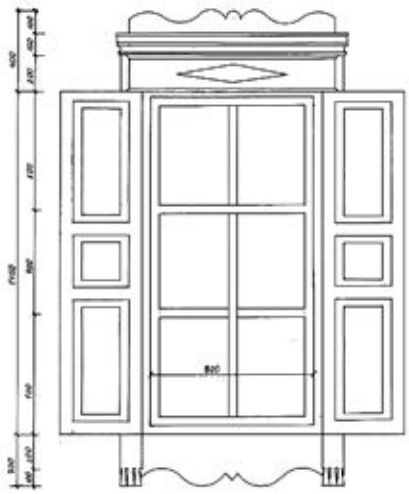
Еще в 1983 году мною в селе Покровка были обследованы усадьбы старожилов И.К. Кабаченко, Н.В. Шимохиной, Е.С. Кореневой; в селе Васильевка – усадьба Сиваковых; в селе Лончаково – усадьбы Е.М. Литвинцевой, Г.С. Угрюмовой, А.М., Д.П. и М.Н. Кузнецовых, Г.В. Лончакова. На основании полевых историко-этнографических исследований можно выделить прежде всего наличие среднерусских строительных традиций, характерных, по-видимому, и для забайкальского казачьего строительства. Это невысокое срубное жилище высотой в 10–12 венцов с подклетом в 2–3 венца, фундаментом из кирпичей и камней по периметру, северо-среднерусским типом внутренней планировки (печь находилась у боковой стены, челом к противоположной стене). На усадьбе деревянные хозяйственные постройки: амбар, сарай (возможна конюшня), погреб, летняя кухня располагались свободно, огород отделялся изгородью.

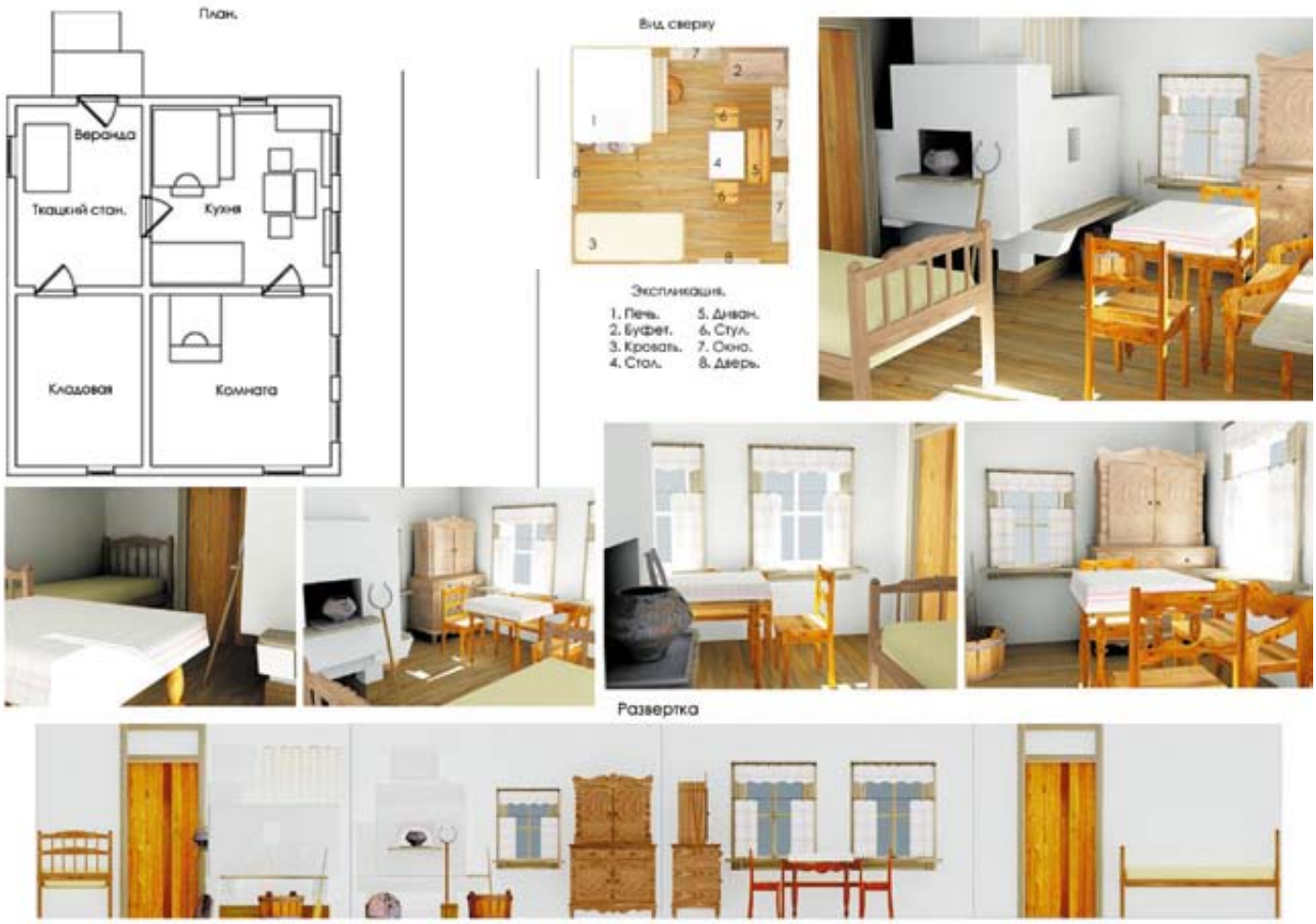
К среднерусским традициям можно отнести и наличие архитектурного декора. Пропильной резьбой казаки украшали в основном наличники, карнизы и причелины. Орнамент геометрический и растительный, довольно сдержанный.

На застройку казачьей станицы повлияли строительные традиции подселившихся сюда в начале XX века украинских и белорусских крестьян-переселенцев. Южнорусские строительные традиции отмечаются во внутренней и иногда наружной отделке дома (обмазка глиной и побелка), в расположении длинной стороной параллельно улице, в наличии у части жилищ четырехскатных крыш. Открытая свободная застройка двора с такими хозяйственными постройками, как стайка, летняя кухня, также связана с традициями южнорусской и украинской усадьбы.

Зафиксированные особенности традиционных сельских построек – это основа для творческого использования историко-культурного наследия, народных традиций в современном сельском проектировании.

Обмеры дома
по ул. Карамзинова, 34





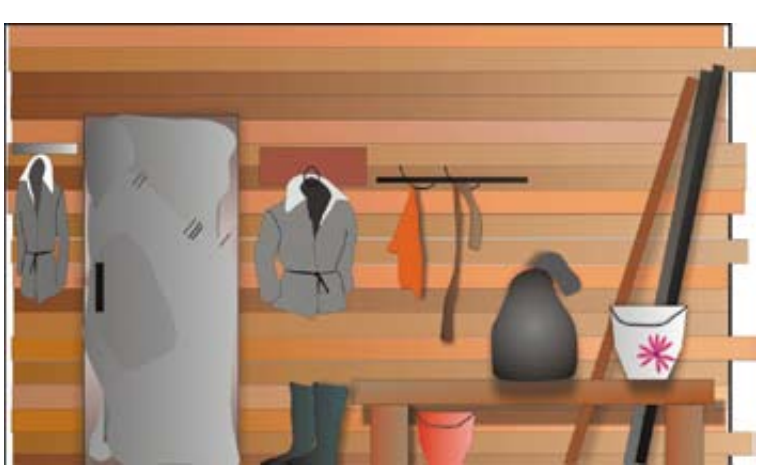
Реконструкция интерьеров казачьего дома.
Работы студентов-дизайнеров института архитектуры и строительства

Реалии и проекты

На выставке «Село Казакевичево: реалии и проекты», состоявшейся в феврале – марте 2007 года в Краевом краеведческом музее им. Н.И. Гродекова, были представлены 12 проектов архитекторов-бакалавров 5-го курса института архитектуры и строительства Тихоокеанского технического университета. Если бы осуществились все студенческие проекты, то это было бы преобразование в направлении урбанизации, а спроектированные без знания сельского образа жизни усадьбы полностью были бы лишены региональных традиций, но с обязательной «барбекюшницей». Да и преподавателям (а это как раз поколения 30–50-летних) легче было отказаться от изучения региональных традиций в архитектуре сельских поселений и проектировать со студентами отели, многоэтажные городские небоскребы… Правда, порадовали дизайнеры своими реконструкциями интерьеров, любовью к предметам традиционной славянской культуры!

Постарались забыть не современные молодые люди – им просто нечего забывать! Это «манкурты» (так назвал людей без рода и племени писатель Чингиз Айтматов) по рождению. Отказались от прошлого старшие поколения – поколения 30–50-летних. Это забвение во имя более перспективной судьбы, во имя того «набора благ», которыми обеспечивает современная цивилизация. Захотелось жить так, так живет весь остальной мир. Мир эпохи массовой культуры. Появились новые обряды и ритуалы, а выезд за город теперь ассоциируется с отдыхом, пивом и барбекю.

Реконструкция сеней



Авторские комментарии

Старый советский миф не привлекает, нравится великий миф всеобщего потребления. Здесь явно путает бес из американского мифа о prosperity (это он для американцев старый, а нам вполне сгодится).

Снимок из космоса села Казакевичево и его окрестностей

Проблема наследства и наследия

В XXI веке наследие становится фундаментальным понятием, определяющим жизненность многих аспектов существования современного общества, его надежды на будущее. Глубинные связи объектов наследия с прошлым, глубокая их укорененность в природной среде и в традиционной культуре народа, постоянное повышение их ценности как национального достояния предопределяют возможности сохранения традиционной среды обитания человека.[8]

Для Приамурья в целом необходима разработка комплексной региональной программы охраны и использования культурного и природного наследия. Наследие – один из важнейших ресурсов, определяющих социально-экономическое и социокультурное развитие территории.

Использование историко-культурного наследия восточнославянского населения – один из возможных ресурсов развития здесь в ближайшем будущем культурного туризма. Сейчас для целей туризма используется малая часть этого наследия. Все еще остается вне поля зрения туристских организаций большая часть старинных сел, где сохранились не только дома и церкви, но и традиционный уклад жизни, быт, праздники, фольклор.

Ведь именно через наследие возможно осознание населением своей большой и малой родины. А главное, как писал А.К. Толстой, нельзя забывать, что «нет событий без следа: прошедшее, прискорбно или мило, ни личностям доселе никогда, не нациям с рук даром не сходило...».

P.S. Автор благодарит Хабаровский краевой краеведческий музей им. Н.И. Гродекова, заведующую отделом истории Хабаровского краевого краеведческого музея С.Н. Савченко за предоставленные архивные и фондовае фотографии.

В материале использованы фотографии преподавателя кафедры архитектуры и урбанистики ИАС ТОГУ И.А. Данилова, студентов 5-х курсов института архитектуры и строительства.

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1] Венюков, М. И. Путешествия по Приамурью, Китаю и Японии / М. И. Венюков. – Хабаровск, 1970. – С. 103–104.

[2] Резун, Д. Я. Русский фронтир на Дальнем Востоке / Д. Я. Резун // Россия и Китай на дальневосточных рубежах / Амур. гос. ун.-т. – Благовещенск, 2001. – С. 447.

[3] Кабузан, В. М. Дальневосточный край в XVII – начале XX века (1640–1917) : ист.-демогр. очерк / В. М. Кабузан. – М., 1985. – С. 181.

[4] Венюков, М. И. Путешествие по окраинам Русской Азии / М. И. Венюков. – СПб, 1868. – С. 105.

[5] Милушова, Н. Ф. Точка на карте Родины : село Казакевичево / Н. Ф. Милушова. – Хабаровск : [Б. и.], 2003. – 169 с.

[6] Материалы обмеров жилищ с. Казакевичево, 2006 г. / Тихоокеан. гос. ун-т. – Хабаровск : ТОГУ, 2006.

[7] Соболевская, Н. А. Усадьба и жилище российского крестьянина-колониста Приамурья в конце XIX – начале XX веков : учеб. пособие / Н. А. Соболевская. – Хабаровск, 1997. – С. 57–58.

[8] Шульгин, П. М. Уникальные территории в региональной политике / П. М. Шульгин // Наследие и современность. – 1995. – № 1. – С. 9–21.

Уссурийские казаки. Фонды ХККМ (копия)

Конек на счастье

Традиции и быт уссурийских казаков

Наталья МИЛУШОВА,
краевед, директор школьного музея с. Казакевичево Хабаровского края

В народе правильно говорят, что нет дерева без корней, дома – без фундамента. Трудно построить будущее, не познав исторических корней.

Во все времена русский народ имел свои обряды и традиции, независимо от сословия, будь то казачество или крестьянство. Так исторически сложилось, что жителями станицы Казакевичево к концу XIX века стали переселенцы не только из Забайкалья, но и с Украины и из Белоруссии. Из прежних станиц, селений наши казаки привезли свой жизненный уклад, который был практически одинаков. До последнего года существования казачества каждый его представитель придерживался своего семейного уклада, причем с первого момента своего появления на новой, неизведанной земле к середине XIX века – в 1857 году. Будучи православными людьми, они молились, просили благословения у Бога, чтобы он даровал им благоприятное для жизни пристанище.

По приезде казаки сразу же принимались ставить новые дома, которые возводили исконным казачьим способом. Надо было правильно поставить жилища, расположить все постройки так, чтобы семье было удобно.

Плотницким мастерством казак владел чуть ли не с детских лет и имел в нем толк и разумение. При закладке дома придерживались определенных правил. После того как место под дом было расчищено, размечено, выложен первый венец сруба, выкопаны ямы для столбов, работу приостанавливали. Хозяевам следовало узнать, счастливо ли оно. В выкопанные ямы всыпали зерно, клали по целушке хлеба, ставили в сосудах воду. Было добрым предзнаменованием, если все оставалось неприкосновенным. Если же сосуд был опрокинутым, то обращались тайком к местной ворожее.

Не исключено, что, выкопав ямы под столбы, будущий хозяин проверял, нет ли в почве близко к поверхности воды. В таком месте дом действительно ставить нельзя.

Инструменты, которыми пользовались плотники, со-

ставляли нехитрый арсенал, и их было немного. В основном все инструменты ковались в местной кузнице или закупались в купеческих лавках.

Знали казаки и качество дерева, из которого строили дома. У каждого хозяина, на чердаке или под навесом находился лес, предназначенный для досок. Строевой лес рубили в ближайшей тайге, доставляли на телегах или сплавом до своего двора. Затем ошкуривали, тесали топором и сушили. Высохшее бревно расщепляли вдоль ствола на нужные по толщине доски или дранки. В расщеплении бревна на доски помогали различные колья, которые попеременно вставлялись в расщелину бревна. Потом доска обтесывалась плотницким топором, ровным с одной стороны. Смотришь на сохранившиеся старинные дома и диву даешься мастерству и умению казаков. Всю избу от подклета до конька крыши сложит без единого гвоздя такой мастер-плотник. Железная ковка гвоздей в станицах была очень дорогой. Гвозди при возведении сруба использовали в самых редких случаях. До сих пор старинные дома, которым скоро исполнится сто пятьдесят лет, невозможно без усилий во время разборки раскатать по бревнышку.

Крышу в первые годы клали широкой необтесанной дранкой. Доски плотно пригонялись одна к другой. Покрытие крыши менялось через определенное время. Во время сильных проливных дождей она разбухала, коробилась, и части досок ломались, требовали ремонта. Крышу обязательно дополнял водосток, по которому стекала осадочная вода. Каждый дом казака или крестьянина украшался деревянной резьбой. На крыше красовался конек. Ему отводилась роль громоотвода.

Сколько было в станице домов, столько и разных отделок, деревянных украшений. Ныне старинные деревянные дома притягивают взгляд почерневшей от времени, но интересной работой, резьбой по дереву. Фронтон крыши называли челом. Насколько оно было красивым и ухоженным, настолько о хозяине судили как о мастеровом, хорошем умельце.

На конце причелин и полотенец имеется круглая розетка – символическое изображение солнца. В этих символах, ставших древней и прочной традицией, просматриваются отголоски далеких времен, когда славяне поклонялись могучему и доброму божеству Ярилу – Солнцу.

Причёлок (фронтон) тоже гордость имеет. Равносторонний треугольник из чисто струганных сосновых досок. Сначала его старательно покрывали олифой, затем грунтованной краской, чтобы не потемнел от непогоды. Посередине фронтона вырезали небольшое окошечко. Над ним филеночка с кружевным рисунком. Маленькая такая веселенькая безделушка, но добавляет всему ансамблю своеобразную красоту. В верхнем углу причёлка, словно ласточкино гнездо, лепится солнце с отходящими от него в разные стороны небольшими лучами. На самом острие причёлка ставится конек. Ноги у него в полете, хвост по ветру. Несется во времени сказочным Сивкой-Буркой добывать хозяину счастье. Кто из хозяев желает конька, а кто и петушка, по своему вкусу и мастерству.

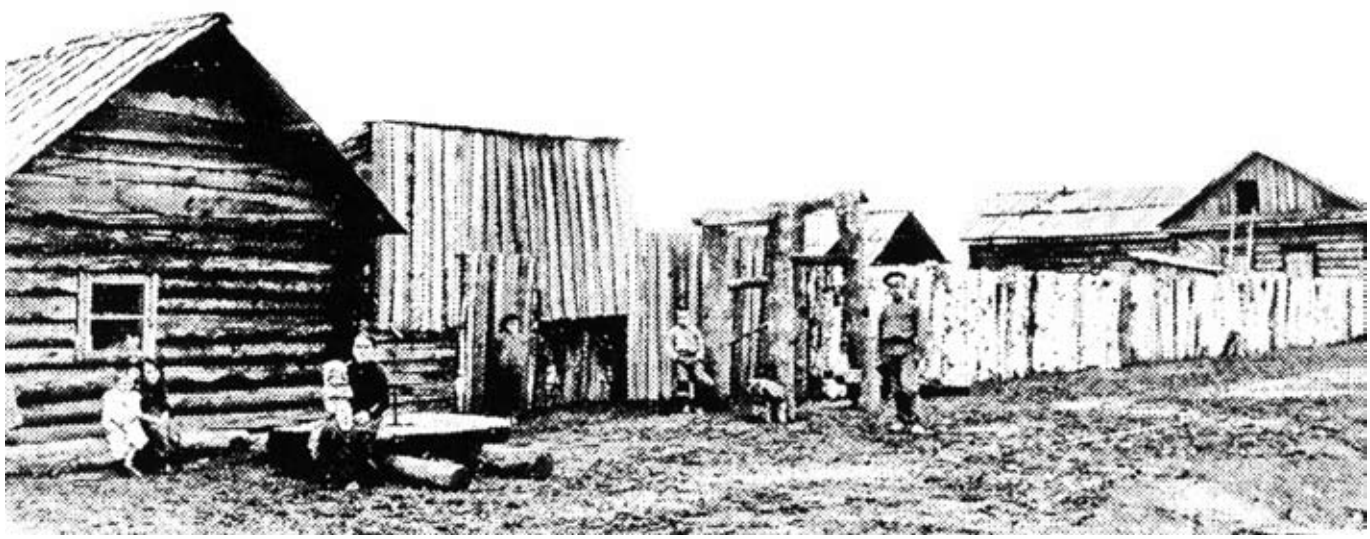
Наличники окон и ставен украшали затейливыми ромбами, цветами, завитками. На ночь ставни запирались на кованые металлические засовы или же на деревянные вертушки.

В летнюю жару затененные ставнями окна сохраняли в доме прохладу, а зимой предохраняли от холода. Для дома ставни имели практическое значение. Мастер старался оформить их так, чтобы они имели привлекательный и ухоженный вид.

Под скатами кровли и на крыльце, на фронтонах красовались искусно вырезанные подзоры – резные доски.

Дом построен. Но прежде чем поселиться, хозяева символически впускали в него домового. Судя по рассказам и воспоминаниям, домового старались взять с собой с прежнего места жительства. Обычно обряд приглашения домового проводила пожилая женщина. В старом доме брали лапоть, в него ставили стопку со спиртным, самогоном, винной наливкой, клали хлеб, ставили в поддувало печи и звали домового с собой. Его убедительно просили последовать за семьей на новое местожительство. Затем лапоть прикрывали холстиной. Съестное оставляли в поддувале, а лапоть уносили с собой или увозили. Считалось, что без домового не было благополучного жилья на новом месте.

Кроме рубленых деревянных домов, на первое время строились дома-мазанки. Для них строители на четверть вкапывали столбы в ямы, плотно утрамбовывали землю кольями у основания. Столбы над землей возвышались на сажень с четвертью. Между столбами в два ряда делались из тальника плетни, а промежуток заваливался сырой с резаной соломой глиной. Женщины вместе со старшими детьми месили глину в яме с водой. Крышу крыли наскоро дранковыми досками. В таком доме-мазанке переселивши-



Улица в казачьей станице. Архив ХККМ (копия)

еся семьи казаков жили первую зиму. Рядом строили добротный рубленый дом с большой русской печью.

Конечно, какой дом без печи? Она во все времена являлась и является ныне средоточием всей семейной жизни. Сложив печь, печник обязательно проведет свой законный ритуал первой топки. Во время топки печник волновался, как поведет себя печка. Ведь можно сложить печь, в которой будет сгорать большое количество дров, а тепла, необходимого для дома, не будет. А то дымить начнет по каким-либо причинам. Недоделки устранялись сразу. Растапливать печь тоже надо умеючи. На растопку шли заранее приготовленные и высушенные дрова. В жерло печи их укладывали колодцем, подсовывали сухую бересту, лучину, а затем поджигали. Печь в старину являлась гордостью для каждого станичника. Изба без печи не изба. С нею связан был весь домашний быт от рождения до самой смерти. Моя бабушка Пелагея Николаевна вспоминала о русской печи так: «На печи все богачи». Сохранились ее воспоминания о значении для семьи русской печи. Она обогревала, в ней готовилась пища, сушилась мокрая одежда, здесь устраивали парную, если не было бани. И, конечно же, спали на полатях, расположенных рядом. В старину считалось верхом гостеприимства, если гостя укладывали спать на печи.

Пелагея Николаевна часто вспоминала свою русскую печь. Очень сожалела, что здесь, на Дальнем Востоке, куда занесла ее нелегкая судьбина, клали немного другие русские печи. Тепло той печи из ее белорусского босоногого детства сохранилось в сердце на долгие годы как частичка родной Белоруссии.

Впрочем, и в нашей станице были свои мастера печных дел. Это мастерство переходило казакам по наследству, от мастерового отца к сыну. В первые годы возведения станицы мастеров-казаков на некоторое время отстраняли от несения служебной повинности. А в дальнейшие годы желающие поставить в новом доме русскую печь уважительно ожидали возвращения мастера со службы.

Детство многих казаков и крестьян нашей станицы прошло возле русской печи. «Бывало, нагуляешься на улице, намочишь одежду, а зимой она от мороза и пара тела колом встает, вбежишь в дом, а мама тут же загонит скорехонько на печь для прогрева тела от простуды. Пригреешься, даже вздремнешь, а через какое-то время чувствуешь бодрость во всем теле, – вспоминала Мария Ивановна Стан. – На улице зимой мороз трещит, вьюга рвет кроны деревьев у дома, а у печи уютно, тепло и спокойно. Нежишься и слушаешь бабушкины рассказы о былом, ею придуманные сюжеты сказок, истории. Прячусь всем телом под лоскутное одеяло, а сама прошу бабушку рассказать, что там было дальше. Тепло, неповторимые, особые запахи от печи имеют для нашего поколения огромное значение. Все, что исходило от печи – это для нас запах родного дома, счастливого уголка моего детства, овеянного спокойствием, здоровьем и миром».

Русскую печь хозяева всегда старались облагораживать. Ее белили известью, художницы наносили рисунки, каемочки по краям печи. От нее шел всегда здоровый дух. На боку печи устроен шкафчик для просушки посуды. От печи по обе стороны расходятся лавки и навесные полки. На одной стороне полки отведены для женщин. В них хранилась посуда и прочая утварь. На другой стороне мужчины хранили свои принадлежности.

Огромное практическое значение в старину имел порог. У всех народов к порогу особое отношение. С ним связано много суеверий, традиций. Немногие из них дошли до наших дней. Любой дом в деревне не строится без высокого порога при входе в дом.

Жилой дом уссурийских казаков (пятистенок).
Снимок 1983 г. Архив Н.А. Соболевской

Амбар в казачьей усадьбе

Прежде всего порог является защитником от проникновения в зимнее время стужи при открывании дверей, защищает полы от охлаждения. Существовало поверье, что у порога обитают духи предков. Потому-то и боялись в народе потревожить их покой: ступить ногой или сесть на порог. Ведь по древним обычаям под порогом хоронили покойников, отсюда поверье, что через порог нельзя ни здороваться, ни прощаться, чтобы не прогневить духов. Эта традиция сильна до сих пор.

В станице, несмотря на достаточное количество воды (река, горные ручьи), рыли общественные и личные колодцы, вода в которых считалась чистой. Колодцы строили по старинным обычаям. Для начала изучали слои почвы, водоносная она или нет. Копали шурфы и наблюдали, насколько поднимается в них вода. Лишь после этого приступали к строительству. Первые колодцы были вырыты в усадьбах Шереметевых, Каменщиковых, Астафьевых и Сычевых. По воду к ним могли прийти все желающие. Хозяева следили за состоянием колодцев, регулярно чистили и подправляли сруб. Колодец находился у кузницы и при церкви. При церкви, у сторожки, колодец использовался для церковных нужд. Он поил жаждущих прихожан до тех пор, пока существовала церковь. Когда церковь в Казакевичево разрушили, некому стало следить за церковным колодцем. Сейчас его нет, стерт с лица земли. Но хозяева, жившие рядом, отмечали, что на этом месте постоянно появляется на поверхности вода. Сегодня там сад, и растущие в нем садовые деревья благодатно пользуются питательной влагой.

О казачьем и крестьянском столе говорили в старину так: «Празднику честному – злат венец, а хозяину – многие лета!»

В станице, как и повсюду в России, кухня имела элементы христианской культуры и связана была с семейно-бытовыми традициями. Они начинались от великих постов, целого набора Спасов, торжественных ритуальных встреч: весны, Семика, троицких торжеств.

Много радости, благочестивых обычаев дарил когда-то людям праздник Рождества. Старые, пожилые казаки учили малых ребятишек ладить святую звезду. У казачат много времени уходило на то, чтобы обстругать и выскоблить добела длинный шесток, смастерить золотые лучи, украсить их. По старинке святым делом для мальчиков было нести эту звезду. Для этой цели выбирали крепкого и доброго мальчишку, заступника всей детворы. Ведь группе детей надо было обойти все дворы в станице, прославить всех хозяев и хозяек, обсыпать зерном на долгий век, на счастье, на благополучие в доме и здоровье всех живущих в нем. При этом исполняли колядки.

Рождество всегда встречали весело. На улицах жгли костры, чтобы скорее прибавилось света и тепла. В домах пекли пряники в виде фигурок зверей и птиц. По улицам ходили компании ряженых, одетых в различные костюмы и маски, изображающие животных и птиц.

Ряженая молодежь колядовала большими группами, пела под окнами песни, поздравляя хозяев и желая им хорошего урожая и благополучия в следующем году. За это парней и девчат одаривали подарками, чем-либо съестным, ватрушками, шанежками. Распевали колядки на разный манер. Все зависело от запевалы и заводилы среди наряженной и красиво убранной в праздничные платья, душегрейки и тулупы толпы. С шутками и весельем запевали короткую колядку:

Пришла Коляда накануне Рождества.
Дайте коровку, масляну головку!
А дай Бог тому, кто в этом дому.
Тому рожь густая, рожь ужиниста,
Ему колоса осьмина,
Из зерна ему коврига,
Из полузерна – пирог,
Наделил бы вас Господь
И житьем и бытьем, и богатством.
И создай вам Господь,
Еще лучше того!

В эти дни девушки гадали поздно вечером на суженых и пытались узнать свою судьбу. В полночь бросала каждая что-либо из обуви, чтобы определить, в какой стороне живет ее суженый.

Вечером накануне Рождества в домах, где хозяйка была на сносях, наступало тревожное ожидание. По бытующему поверью, ожидали того, кто первым войдет в дом. Если первым войдет мужчина, то родится мальчик, если женщина – девочка. При этом говорили: «Ну вот и наступит у нас бабье царство». Такое поверье относилось и к домашним животным: если корова отелится бычком, то у свиноматки будет больше хряков.

Еще страшней оказывалось поверье в магию сапога, когда кинутый девицей сапог падал носком к воротам. Это значило, что вековать ей одной всю жизнь. Колядовщики материально поддерживали несчастливицу, исполняли песню в ее честь, хвалили достоинство и ум.

В старину молодые люди ходили слушать землю, воду, ветер, колодцы. В полночь в колодец опускали пустое ведро. Подымали его осторожно: если ведро окажется полным до краев, жить будешь в достатке, расплескаешь воду – мыкать горе придется всю жизнь, перебиваясь с воды на квас. Примета эта жива и по сей день. Если хозяйки несут из колодца или из проруби воду и оставляют на земле полоску стекающей воды до самого дома, любой знающий эту примету подумает о том, что у пролившей из ведра воду муж будет пьяницей. Если воду несет мужчина и обронил капли воды, значит, жена его любительница спиртного. Поэтому, неся воду, стараются, чтобы она не расплескалась из ведра. Для этой цели в ведро укладывают кружки из фанеры.

Рождественских поверий существовало много, но не все полезные и нужные дошли до наших дней. Например, если в семье был малыш, то рождественским утром отец водил его по сусекам с зерном. Мальчонку одевали всей семьей. В великоватый полушубок, обязательно в дедовскую папаху. Мать опоясывала полушубок богато расшитым поясом. Дед натягивал ему на ноги сапоги или валенки. После традиционного по поверью одевания отец мог вести его в амбар, где мальчик узнавал о самом главном богатстве семьи – о количестве собранного с поля урожая зерновых. Таким образом у казачат воспитывались навыки сбережения семейного добра, уважения к родительскому труду.

Роль бабушек и дедушек, под присмотр которым вверялись дети, довольно велика, так как именно в этом возрасте познается, что нельзя, а что можно дозволить одному ребенку, а запретить другому. Этим требовательные и ласковые мудрецы открывали заветные дверцы в ребячьих душах и вкладывали в них добрые понятия о земле-кормилице, о небе и о многом другом жизненном, исподволь дополняя свои рассказы нравоучительными примерами послушания.

Все знания о повадках зверей и птиц передавались от деда к внуку. Именно дедушка славился в семье как отменный охотник и рыболов. Места, где росли ягода-малина и грибы, знала бабушка. Учила она, как нужно ухаживать за домашними животными.

Зима, с ее трескучими морозами да метелями, была детишкам особенно по душе. С утра до вечера катались они с горок на санках, досках и лыжах. Есть хочется, щеки огнем горят, пальцы в сырых варежках изрядно замерзли, и уже иголками покалывает пальцы, а домой метлой не загонишь, калачом не заманишь.

В январе не упускали солнечных дней. Девушки, молодые хозяйки, выносили на улицу и развешивали по заборам, расстилали на снегу постели, матрасы, половики. Крепнущее солнце передавало свою силу, очищало постель от недугов, болезней. Девушкам от матери передавались навыки по наведению порядка и чистоты в доме. «У матери была одна забота – не встала бы в доме работа», – такой поговоркой отмечали они свою занятость.

Особой традицией у женской половины в зимний период было мытье половиков. Половики, тканые дорожки, что расстилались в избе для тепла ног, красоты и уюта, нуждались в стирке. Проходили зимние святки, половики становились затоптанными. В зимнее время женщины и девушки спешили к проруби на реке мыть тканые дорожки. При этом не только всласть поработать, но и себя показать. «Никогда не забывалось, что ты в люди выходишь», – вспо-

минала о своем девичестве старожилка Екатерина Тимофеевна Зелинская.

У проруби всегда шумно и весело. Рядом с работающими девчатами вдоль берега ладно гарцевали молодые казачата. Они окриком, веселой шуткой по поводу стирки половиков как могли развлекали девчат, у которых от мороза и студеной воды мерзли руки. Но и парням умели девчата ответить на их шутки, не переставая вальком бить по мокрым половикам. Невольно думаешь о тех девушках, об их здоровье, о руках, стиравших в студеной воде. Старенькие бабульки только плечами пожимали: «А че, доча, привычны мы были к такому труду. Руки тогда не болели. Это первый раз они зябнут, а потом от спины во время работы вальком такой пар идет, что руки становятся горячими. Не болели мы. Наверно, закаленными с малолетства были. Придя домой, старались быстро переодеться, поменять обувь и снова принимались за другую работу».

В январе наступали рождественские и крещенские морозы. Они олицетворяли собой пик зимы. Крепчали морозы, бушевали снежные метели. Казаки, крестьяне и другой люд к таким морозам тщательно готовились. Наносили в холодные сени и под прикрытия дрова для печи, чтобы их не заносило снегом. Постоянно на лучину припасали сухие поленца дров. В морозные дни старались топить дровами из жарких пород деревьев – березы например, запасались в лавке керосином.

В морозные дни даже коты жались спиной к печи. И хозяева отмечали по их поведению, будет ли крепчать мороз. Если кот жмется да катается, значит, будет холодно и ветрено. В питьевые кадки старались больше наносить воды – про запас. Заботились и о домашних животных. Заранее нанашивали копны сена на крышу сараев, уминали его. Набитые сеном крыши служили и как дополнительный обогрев помещений для скота, а в метель хозяин всегда мог снять копенку сена с крыши. Такие способы приготовления к морозам накрепко вошли в жизнь сельского жителя.

Сохранились в жизни и крещенские обряды. В Крещенье в станице к проруби шел крестный ход с прихожанами, чтобы освятить воду. Она в день Крещения была признана самой чистой, живительной и оздоровляющей. Станичники набирали ее в чистые емкости и несли домой, сбрызгивали все углы в доме от всякой нечисти, омывали больного, новорожденного, пили ее. Кто знает, если бы не сильная вера в чудодейственные силы природы, наверное, народ и не придавал бы крещенской воде такого значения. В советское время Крещенье как православный праздник широко не отмечалось. Но все же старенькие бабульки говорили вслух, что именно сегодня великий православный день – Крещенье. И как много лет назад с вечера кто-нибудь из них долбил небольшую лунку, заботливо прикрывал ее веточками ели, чтобы в полночь прийти к проруби и набрать святой крещенской воды. Набирали воду крадучись, тайком от соседки, но порой внезапно встречались с ней на тропинке у лунки. Вера в таинственную крещенскую воду не изменилась, народ пользовался ею, не только сохраняя православные обычаи, но и руководствуясь принципом: «Наберу, не помешает, а при случае вдруг да и поможет». Русского человека не переделать. То, что он традиционно исполняет, что приносило пользу его предкам, он повторяет с надеждой большой пользы для себя.

Как говорят в народе, у февраля два друга – метель да вьюга. У него несколько названий: снежко, сечко и бокогрей. Наиболее холодное время этого месяца народный календарь метит сретенскими морозами, с которых исстари земледельцы вели счет весенним сельскохозяйственным работам. От сретенских морозов отсчитывалось время весенней вспашки и посевных работ.

В межсезонную для полей февральскую пору в станице вся жизнь сосредотачивалась в избах, на подворье. Казаки, свободные от служб, занимались домашним хозяйством, промыслами.

С большим темпераментом, искренностью, энергией и озорством начинались и проходили в станице красочные праздники Масленой недели – проводов зимы. В эту пору все жители России объединялись одним общим праздником. Повсюду устраивались коллективные игры, забавы, катания на санях, санках. По улицам ходили веселые и озорные ряженые, собирались на борьбу молодые парни – «стенка на стенку» и взятие снежной крепости.

На Масленицу ставили или вмораживали в землю столб с веревкой, крепленный наверху, чтобы сделать аттракцион «гигантские шаги». Или ставили карусель. Масленую праздновали всей станицей. Три дня шумел народ. Гармонист наигрывал мелодии, казачата скакали на необъезженных жеребятах, и все спешили на уличный бой, который чаще проходил стенка на стенку у церкви. На тройках запряженных коней с колокольцами молодежь каталась по улицам и по дорогам на льду.

На третий день по обычаю казаки и вся молодежь устраивали осаду снежной крепости. Здесь желающие могли показать свою молодецкую удаль, умение и сноровку. Крепостную стену строили заранее из глыб снега, затем поливали ее водой, чтобы сделать неприступной. На высоком месте атаман станицы вывешивал флаг. Призом за взятие флага были шапка или сапоги. Захватить флаг мог только самый смелый и ловкий. Эта потеха имела у молодых казаков большое значение. Ведь именно там, на стене, их старания могли заметить старейшие казаки, атаман и гости станицы, да и девушки на выданье. Казаки к этому мероприятию готовили лошадей, опробовали на крепость сбрую, подковы. Парни делились на «верхних» и «низовских», там, на снежной стене, им придется схватиться в борьбе за флаг.

К началу боя все станичники шли к игрищу, чтобы своим присутствием приободрить «дерущихся». Казачата заранее вылепляли огромные кучи снежков, которыми осажденные отбивались друг от друга. Было много смеха, юношеского задора и юмора. И вот самый ловкий удалец на скаку срывал флаг. При этом ему от нападающих можно было отбиваться нагайкой. Естественно, что наутро после такого праздника участники считали ссадины и ушибы. Но обиженных и сердитых при этом не было, только старейшие казаки примечали: мол, такой-то оказался всех ловчее. И если кто из старейших скажет: «Вот Алексей Митрофанов хорошо организовал осаду «верхних», славный казак будет», – дальнейшая судьба такого парня уже решена. Он обязательно продвинется по службе.

В последний день Масленицы, Прощеное воскресенье, готовили куклу-Масленицу. Для этого накануне к одному дому сходилась молодежь со всей станицы и делала чучело. В ход шли ржаные обмолоченные снопы, старая одежда, плошки, кочерга. Из моркови ладили нос, головой служило ведро. Его повязывали ярким цветастым платком. Вместо волос крепили кудельки шерсти от распущенных носков, в которые вплетались ленточки. После проводов Маслени-

цы в каком-нибудь доме мать, бывало, выговаривала дочери: «Опять батистовая-то кофточка на кукле уехала». Разукрашенную куклу прятали от людских глаз во дворе или амбаре.

А утром к дому подкатывали сани с яркой попоной, на передок усаживали Масленицу. Кучер гикал, и лошадь, повинуясь вожжам, рысью устремлялась на другой конец станицы за околицу. За Масленицей бежала ватага ребятишек, в виновницу торжества летели снежки, сыпались шутки, смех. А Масленица, в одной руке с дырявой сковородой, в другой – с румяным большим блином как бы улыбалась провожающим. По дороге поезд с Масленицей останавливали радивые хозяйки и угощали всех блинами. И лишь когда в небе появлялась первая звезда, возок подъезжал к месту гулянья.

На ровном месте заранее приготовляли три возка соломы и веток. По верованию пожилых людей, в соломе таилась буйная сила, которая способна поднять плодородие земли. Сжигание чучела в соломе было необходимо, чтобы растительная сила, зола обнаружила себя летом в злаках. Существовало поверье: ясно виден огонь от церкви – год будет хлеборобным, в стойле будет много скота.

Масленицу устанавливали на вершине стога, который окружали все присутствующие. Когда огонь охватывал стог и Масленицу, раздавались радостные возгласы в честь красавицы весны, победившей злую зиму. В кругу хоровода пелись здравницы в ее честь, чтобы скорее приходила и не задерживалась в пути. Весну закликивали песенными закличками – веснянками. В них упоминались жаворонки, дети их звали: «Прилетите, несите здоровье, унесите зиму!» Пелось о весне, чтобы она прикатилась «на жердочке», потому что весной станичники начинали жердить шесты, которые были разбросаны по всему огороду, и городить прясла.

После сожжения все расходились по домам есть вволю блинов с приправами и соленьями. Казаки-украинцы на Масленицу готовили традиционные вареники с разной начинкой. Обычай требовал, чтобы праздничный стол на Масленицу был особенно изобильным и разнообразным.

Отмечали в станице и другой красочный, уже весенний праздник – Вербное воскресенье. С древних времен живет поверье о расцветающем, полном силе дереве, передающем здоровье, силу и красоту всем, кто коснется гибких и ласковых на ощупь веточек цветущей вербы.

В этот день станичники выходили на улицу, шутливо постегивая при встрече друг друга. В особенности малорослых ребятишек «для полного здоровья», приговаривая при этом: «Как вербочка растет, так и ты расти». Подростков, шутя стегали вербой по ногам и приговаривали: «Вербы хлест, бей до слез».

О целебном свойстве цветущей вербы известно давно. Так, горящей веточкой окуривали жителей, больных лихорадкой. При зубной боли рекомендовали пожевать несколько цветочков. Цветущие ветки скармливали домашним животным в надежде, что они будут расти здоровыми. На первый выпас, на Егорьев день, скот выгоняли вербными веточками. Сорванные по весне вербные веточки хранили в доме весь сельскохозяйственный год, потому что с вербой связывали плодородие земли и хороший урожай.

Сейчас принято сознавать, что и этот праздник возвращается в наш быт. Детишки, зная приговорку, смело стегают друг друга вербой.

По воспоминаниям старожилов, выяснилось, что у них даже в начале XXI века остались традиции Чистого четверга. Кого ни спроси из пожилых о значении Чистого четверга, все одинаково отвечали, что этот прекрасный обычай существует в последний четверг перед Пасхой. Святость и торжество этого дня в последнюю неделю Великого поста связаны с множеством поверий, различными приметами и действиями. Они защищали дом и все хозяйство на весь год.

Накануне Чистого четверга вечером заносили в дом мешок с зерновым хлебом, на него клали ломоть печеного хлеба и соль в солонке и ставили все это под икону на лавку. Зерно, очищенное таким способом от скверны, можно было высыпать в закрома. Считалось, что весь год будет достаток в доме. Когда в первый день выгоняли скотину на пастбище, то давали ей съесть печеный четверговый хлеб – тогда в течение года не было ее пропажи. Целебную четверговую соль использовали для лечения всех членов семьи. Соли немного клали на язык, чем останавливали расстройство живота. Солью с медом натирали поясницу больным с прострелом при радикулите. Отправляясь в дальнюю дорогу, соль брали с собой во избежание несчастий. Чтобы лошади были чистыми и здоровыми, в четверг их чистили и чесали.

Бытовало поверье, что в Страстной четверг утром ворон купает своих птенцов в реке и нужно поторопиться, чтобы опередить его. Многие станичники в Чистый четверг ходили чуть свет умываться на ручей Шереметева, чтобы оздоровиться и уберечься от сглаза и злых духов. До рассвета хозяйки набирали воду из колодца для четвергового умывания всех членов семьи. В Чистый четверг варили овсяный кисель, выносили в миске на улицу и просили: «Мороз, не морозь на кисель овес! Киселя поешь – нас потешь». Верили в примету: если в четверг мороз, то под кустом овес.

Суббота была великая, красильная. В этот день красили яйца, пекли куличи, готовили пасхальное угощение. В ход шли березовые листья, чабрец, луковая шелуха. Все это клалось в чугун и вместе с яйцами ставилось в печь. На Пасху яиц варилось и красилось много. Ими христосовались не только взрослые, но и смышленые подростки – устраивали состязания, чье яйцо самое крепкое.

В этот день в церкви шло праздничное пасхальное богослужение. Перезванивались на колокольне колокола, призывая станичников. Служба в церкви в этот день была величавой и красивой – благовест колокола, песнопение символизировали приход праздника – Светлого Христова воскресенья.

Многое ныне отошло в прошлое и стало достоянием памяти пожилых жителей. Но обычай красить на Пасху яйца пережил все исторические коллизии.

Другой, важный у казачества традиционный праздник – в честь святого Николая, покровителя крестьян. Изначально он был покровителем рабочего скота и в жизни крестьян имел первостепенное значение. Без него и урожай не соберешь. Да и надежда выбиться в люди связана со скотом в доме.

В день Николы вешнего за околицу станицы сгоняли всех лошадей, и жители участвовали в богослужении на лужайке в честь покровителя лошадей. Священник неторопливо обходил станичников, кропил святой водой лошадей и хозяев. После этого обряда можно было начинать объезжать лошадей. Заручившись поддержкой святого, вечером угощали конюха. На Николин день станичники пер-

вый раз после долгой зимы и весны выгоняли лошадей в ночное на буйное приволье лугов. Хозяева радовались: наконец-то поубавилось забот о корме, благодарно отмечали: «Никола зимний лошадь во двор загоняет, Никола вешний – откармливает. Майская роса коням лучше овса».

Святого Николая просили уберечь лошадей от диких зверей, послать табунам здоровья и приплода.

Ни Николу зимнего в каждой семье станичника устраивали праздник. В каждом доме к нему готовились тщательно. Варили брагу, различные напитки, настойки, пекли пироги. Каждому жителю хотелось показать свои труды за лето: что он и зерно заготовил, и лошадь найдет в своих закромах овес. Хозяйка, с рассветом почистив дом, пекла пироги, чтобы порадовать своих домашних.

На Николин день по станицам ходили, собирая милостыню, многие нищие и крестьяне, не собравшие за лето урожай. Считалось, что в этот день нужно жертвовать, делиться и давать взаймы многим страждущим.

К Николину дню припасали копейку, чтобы широко почтить святого: принести дары к его образу, оделить нищих и на людях встретить праздник в достатке, как и подобает народному обычаю.

Приметы народного календаря широко укоренились и почитались. На вопрос, рассказывали ли бабушки о том, как на Троицу завивали березку, отвечали: «А как же, и березку завивали. Невесты венки плели, и Троицу справляли обязательно с костром, шутками и прибаутками».

В настоящее время все сельчане знают обычай: до Троицы надо успеть на огороде высадить всю рассаду, тогда она хорошо примется и даст отличный урожай.

К июню относились не только внимательно, но и ответственно. Июнь – скопидом, урожай копит весь год. Но пословица утверждает: «Хвали урожай, когда в сусек засыплешь». Поэтому казаки, как и все земледельцы, не разгибали спины – от утренних и до вечерних сумерек. Трудились, строго придерживаясь правил народного календаря, который как бы подгонял хлебопашцев успеть за лето убрать урожай как зерновых, так и овощей. Так, на Казанскую, праздник в честь иконы Казанской Божьей Матери, 21 июля, начинали жать рожь. «Пока колос в поле – трудись в поте», – и трудились до седьмого пота. В поле выходили очень рано. Встречающиеся по дороге напутствовали: «Пусть Бог поможет». Магическое значение имели несколько сжатых первых колосков, с которыми связывались надежды на будущий урожай. Когда в августе сеяли озимую рожь, то клали семена от первой жатвы. Срезав первые колосья пшеницы или овса, затыкали за пояс – им придавалась целебная сила отводить боль в спине во время работы. Последний сноп старались приносить домой как символ окончания жатвы. Август называли «густарем» или «разносолом». Он может угостить всем, что растет в поле и огороде. Этот месяц – «щедровик», на всю зиму всяческих запасов запасет, словно знает, что у зимы рот велик.

Отмечали по календарю наступление Ильина дня. В народе говорилось, что в этот день до обеда лето, а после обеда осень. «С Ильина дня ночь длинна, а вода в реке холодна». Купанью в реке приходил конец, потому что «олень копыто замочил». 12 августа жители Казакевичева связывали с будущим урожаем ржи. Далее по народному календарю наши жители жили по разным Спасам. «Хлеб и вода – казацкая еда». Этой пословицей определялась роль хлеба на столе станичников. Он символизировал крепкий домашний очаг, гостеприимство и хлебосольство.

Не все переселившиеся семьи казаков в первые годы были хлебосольными. Не было достатка до того времени, пока они не распахали достаточное количество десятин земли под пашни. Много времени и сил ушло на каждую сотку отвоеванной у леса земли. Раскорчевка леса не простое дело, а требующее умения, терпения и физического здоровья. Приходилось всем изрядно попотеть на раскорчевке и набить на руках кровавые мозоли.

Не все казаки устремились в первые годы корчевать лес и распахивать. Многие из них надеялись на обещанную государством помощь. Но со временем поняли, что она не улучшит жизнь, если сами не возьмутся за соху, кирку и лопату. Через три-четыре года в окрестностях станицы были раскорчеваны достаточные площади под посев зерновых и огородных культур. С успехом пользовались они землями на Большом Уссурийском острове, где земли не требовали большой раскорчевки. Надо было выбирать возвышенные места на релках, чтобы в период наводнений они не затапливались. Зажиточными казаками Пешковыми, Костиными, Шереметьевыми, Гусаковыми и другими на острове были заняты большие площади под огороды и сенокосы. Ими были выстроены заимки, на которых кто-то постоянно проживал.

Станичники старались тщательно собирать урожай. Знали по первым бедственным годам, как трудно жить без собственного хлеба. Высушенный в помещении амбара хлеб казаки именовали овинным, а на солнце – сыромятным. Обмолоченное зерно хранили в амбарах россыпью или закладывали по сусекам и закромам. Для станичника заготовка мучного запаса была наипервейшим делом. Зерно из закромов насыпали в рогожные мешки и везли на мельницу. Мололи зерно, когда управлялись с огородными работами и свободного времени становилось больше. Хозяин, оценив собранный урожай, принимал решение, сколько ему надо перемолоть зерна в муку, а сколько продать. Большим подспорьем в питании на долгую зиму являлись также и овощи. Муку получали не только из зерна пшеницы, ржи, ячменя, но и из гречихи. Из овса, толченного в ступе, получалась мука, которую называли толокном. Из него, разведенного водой, молоком или квасом с добавлением соли, готовили блюдо толокнянку. Ее ели с большим удовольствием как взрослые, так и дети.

Выпечка хлеба требовала от хозяйки определенного опыта и мастерства. В ее квашне постоянно находилась закваска. Готовая, она долго служила для своевременной выпечки хлеба. Ею пользовались при выпечке блинов и выделывания кваса, она заменяла в те годы дорогостоящие дрожжи.

В голодные и неурожайные годы чего только ни подмешивали в муку – любую съедобную травку, которая оказывалась под рукой. Траву толкли в ступе, замешивали на воде, затем добавляли в тесто разными пропорциями – для вкуса. Хлеб из такого замеса называли «зельником».

«Как уродится лебеда, то уже и не беда», – говорили старики, познавшие на своем веку не один бесхлебный год. «Не беда что во ржи лебеда, а та беда, что ни ржи и ни лебеды» – народная мудрость, тоже характеризующая тяжелые времена. Лебеду как полезную питательную травку использовали во многих семьях и как добавку к муке, и в приготовлении первых блюд. За это она и получила народное название «травы-мученика».

В быту у станичников существовало множество «хлебных» правил, которые отражали трепетное и бережливое

Казаки села Лончаково

Последний казачий атаман поселка Казакевичево Мартимьян Васильевич Шереметьев с супругой. 1920. Школьный музей села Казакевичево

отношение к хлебу как к основе питания. Хлебные крошки сметались хозяйкой в ладонь и использовались по своему назначению, ни в коем случае не выбрасывались. Хозяйки придерживались приметы не начинать новой ковриги, пока не съедена прежняя. В противном случае нищета могла прийти в дом. Хлеб никогда не лежал на голом столе и не прикрытым салфеткой. Во время обеда хлеб резали по ломтям во время трапезы столько, сколько может съесть член семьи. С малых лет дети росли в бережливом отношении к еде и хлебу.

Трапезный стол занимал почетное место в красном углу под образами. Перед едой хозяйка расстилала скатерть, члены семьи осеняли себя крестом, читали краткую молитву. Под образа садился глава семьи, по его правую руку рассаживались мужчины, с левой стороны находились женщины.

Обязательно ели два раза в день: в пять-шесть утра завтракали, обедали вечером, с закатом солнца. В промежутках ели что придется, пили квас, съедали постную лепешку, простоквашу, пили чай.

В голодный год с появлением первых трав, используемых в пищу, пекли «ладки» – что-то вроде блинов из сеченого щавеля. Варили «путчу» – подобие каши из собранных в огороде «скублей», темно-серых зернышек щавеля. «Как больно мне, повидавшей много горя и голодных людей, видеть валяющиеся куски доброго хлеба на обочине дороги. Хорошо, если птицам скормят, а то могут просто недоесть и бросить», – сокрушалась старенькая жительница села Мария Ивановна Стан.

Зимней пищей служили щи из квашеной капусты, различные каши, вареный картофель, сдобренный маслом. Чай пили из самовара, который являлся символом достатка в семье казака. Чай из самовара, да еще угольного, считался одним из лучших напитков.

При расспросе старожилов, был ли в их семье самовар, получала всегда утвердительные ответы. Во время чаепития он ставился в центр обеденного стола таким образом, чтобы хозяйка могла наливать чашки и подавать членам семьи и гостям. На стол ставился самовар с кипяченой водой. Особый смысл придавал чаепитию приготовительный процесс. Ведь фраза «поставить самовар» означала накипятить в нем воду со всеми операциями. Лучшим считался чай, поставленный на сухих еловых шишках, сосновых лучинах, приготовленных заранее.

Самовар был самым уютным в хозяйстве предметом. Семейные постоянно наблюдали, как тоненько подпевает себе самовар в начале работы, как сопит, пыхтит, требует внимания в конце, как смешит, показывая на своих боках искаженные людские лица. Испокон веков чай умели готовить из самых различных трав и растений. Особенно широко использовали высушенные листья смородины, малины, липовый цвет, мяту. Чай пили чаще без сахара или с медом, чтобы чувствовать аромат душистых и целебных трав.

Для сельских жителей Покров день – один из самых важных осенних праздников, связанный в народной традиции с завершением сельских работ и началом зимы. Пограничное положение праздника Покрова между осенью и зимой обозначало день, по которому определяли погоду на предстоящую зиму, потому что для сельского жителя важно, насколько сурова будет зима. Соответственно примечали: «Какова погода на Покров – такова и зима». Или: «Откуда ветер на Покров, оттуда начнутся морозы».

На Покров земля впервые покрывается снегом, в этот день мороз начинает властвовать. Но выпавший снег быстро таял, на дорогах слякоть, а для станичников важно было

как можно скорее установить санный путь. Он накрепко устанавливался, спустя шесть недель после Покрова. Эта примета была важна для ездовых казаков, возивших почту. Им приходилось гнать лошадей буквально по бездорожью, выбирая проходимые места.

Ожидали с нетерпением этот праздник молодые люди и просватанные девушки. Покров считался «покровителем свадеб» и девичьим праздником. В этот день обычно молодые устраивали гулянье и вечерку. Удачливой считалась та девушка, которая на Покров получала от суженого подарок. С этого дня женщины подольше засиживались с рукоделием – прядением, вязанием, ткачеством, вышиваньем и шитьем. Говорили: «Зазимье пришло – засидки привело».

В день Покрова старались совершить ряд охранительных действий. Женщины сжигали старые соломенные постели. Они верили, что в этот день данный ритуал очистит постель от дурного. Набивали душистой соломой матрасы и из гигиенических целей.

На Покров сжигали пожилые люди старую изношенную обувь и одежду. Казаки соблюдали традиции и обычаи при рождении ребенка в семье. Это событие приносило не только радость в дом, но и свои обязанности, особенно в нравственный климат семьи. Исстари повелось почитать обычай, когда женщина «в бремени» шила специальную рубаху для мужа, якобы наделенную оберегом, ритуальной символикой. Муж обязательно надевал ее на покос, чтобы пропотеть в ней. Не стирая, рубаху клали в сундук, чтобы отцовский дух не сглазили до самого крещения ребенка. После крещения ребенка в церкви новорожденного заворачивали в отцовскую «духовную» рубаху. Если родится мальчик, то считалось, что будет здоровый и работящий, а девочка богатой станет, выйдет удачно замуж.

Почти те же цели преследовал обряд кормления. В дом, где родился новорожденный, посторонние не могли входить три дня. У ребенка срезали локон волос и клали у образов, чтобы предохранить дитя от лукавого святостью божьих ликов.

Ребенка качали в люльке. Чаще это были люльки, подвешенные за железный крюк в потолке выступающей матицы. Богатые казаки заказывали люльки-качалки у плотников. Чаще такие люльки дарили новорожденному крестные отцы. Воспитательный процесс начинался с пеленок. Вначале это были колыбельные песни бабушек или мам. В них пелось о том, что пока ребенок в колыбельке, но уже имеет имя и фамилию достойного отца, который на службе и в походах не забывает о новорожденном, о том, что его любят и желают, что когда он вырастет, то обязательно станет таким, как его отец или мать. Дети во все времена чем-то играли. Ни один ребенок не вырос без игрушек. В основном были игрушки, сделанные кустарным способом дедушкой или бабушкой. Зажиточные покупали игрушки в лавках торговцев. Среди немногочисленных игрушек дети больше играли глиняными свистульками и погремушками. Свистульки делали в виде разных ярко разукрашенных птиц. Многие дети казаков везли в новые края свои игрушки, пряча их в карманы пиджаков и за ворот рубахи. Им тоже хотелось, как и родителям, увезти из родной хаты самое дорогое – игрушки, но мать, собирая вещи, все почему-то откладывала их в сторону. Говорила, что веса и так много. Подростки сами определяли судьбу своих игрушек – оставлять их или нет. Поэтому и прятали в укромных местах свое самое сокровенное – игрушку. Среди них были сипелки, грематушки, куклы и матрешки. Мастерового, который лепил из глины игрушки, называли «лепило». На новом месте мамы в немом изумлении восторгались находчивостью своих детей.

Казаки вернулись с охоты

Подростки любили играть в русскую лапту, в чижика, прятки, кости. Детей воспитывали постоянно и последовательно, по установившимся традициям семьи и общества. Воспитательный процесс был длительным. Чувство осознанной необходимости помогать родителям по хозяйству впитывалось детьми с молоком матери. Дети просто не представляли для себя иной роли, чем та, которая возлагалась домашним бытом. Если проследить разделение труда в казачьей семье, то после родителей вклад дочерей был более ранним и значительным, чем у мальчиков. К семи годам девочки умели полоскать белье. Работа эта трудоемка даже для взрослой женщины. Девочки кормили рогатый скот, могли доить коров, коз, прибрать в избе. А к девяти годам умели уже вышивать, прясть, приобщались к узорному ткачеству и, конечно же, готовили пищу.

Мальчики в пять лет пасли птицу, в шесть-семь – домашний скот, ухаживали за лошадьми. Как тень ходил сын за отцом, куда бы тот ни шел, что бы ни делал. Наблюдал за отцом и сызмальства перенимал трудовые навыки, оказывал посильную помощь. С десяти лет мальчишки умели управлять лошадьми, запрягать их в сбрую и скакать верхом. С этих лет они приобщались к традиционным местным ремеслам, мастерили вещи, необходимые в хозяйстве. Умели точить и править косы, серпы, ножи, плести нагайки. Водили лошадей во время пахоты, работали на сенокосах и жатве зерновых, помогали заготавливать дрова и ходили с отцами на охоту, умели стрелять. Верна в те времена была крестьянская поговорка «Чему в десять лет научишь, то через десять лет получишь». От воспитания детей зависело, будет ли у родителей впереди обеспеченная старость.

Все описанные традиции и обряды тесно связаны с жизнью и бытом станичников, впитывались с молоком матери и были путеводителями в жизни каждого из них. Традиции и обряды являлись отдушиной в их нелегкой казачьей жизни. Сохранились они ныне в памяти старожилов села. Благодаря словоохотливым бабушкам мы можем по крупицам составить понятие об образе жизни в годы казачества. Нынешнее поколение жителей села благодарны М.И. Стан, М.И. Сучковой, А.И. Коваленко, П.Н. Зуевой, Е.К. Зелинской, И.И. Михайловой, Е.П. Черновой, Н.П. Соснину и многим другим, кто, несмотря на возраст и перенесенные невзгоды, поделился интереснейшими историями из своей жизни.

Исаак Левитан. Над вечным покоем

В мир иной…

Похоронно-поминальные обряды восточных славян на юге Дальнего Востока

Юлия АРГУДЯЕВА

Владивосток

АРГУДЯЕВА Юлия Викторовна, заведующая отделом этнографии, этнологии и антропологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, доктор исторических наук.

Родилась в Хабаровске, училась в Хабаровском педагогическом институте, закончила исторический факультет Дальневосточного государственного университета. Сфера научных интересов: этническая и этнокультурная история, брак и семья, материальная и духовная культура восточных славян (русских, украинцев, белорусов) Дальнего Востока и их этнокультурных и сословных групп (крестьяне, казаки; старообрядцы, молокане, представители официально признанного православия). Автор девяти монографий по этнической, демографической и этнокультурной истории восточных славян Дальневосточного региона.

Один из наиболее значимых обрядов в семейно-бытовом укладе восточных славян – похоронно-поминальный. Для него характерны достаточно продолжительная устойчивость всего ритуала и в определенной степени однородность локальных вариантов. Эволюционируя, как и другие семейные обряды, похоронно-поминальный обряд не отторг языческую архаику, которая с принятием православия была синкретизирована христианской идеологией, обогатилась элементами традиционной культуры, народных представлений о жизни и смерти, нормами обычного права и крестьянской этики. Содержательная и функциональная многослойность этого обряда сделала его, по мнению исследователей, противоречивым и затруднительным для понимания. Тем не менее учеными немало сделано в мировоззренческом осмыслении и описании оформления погребально-поминального культа, его структуры, степени сохранности дохристианских компонентов.

Традиционный похоронный обряд у русских, украинцев и белорусов, по мнению исследователей, в целом однороден. В нем продолжительное время устойчивы как архаические обрядовые элементы, так и целый комплекс представлений о взаимоотношениях живых и мертвых, свойственных не только восточнославянским, но и другим народам.

Краткий ретроспективный экскурс в эволюцию погребально-поминального культа возможен лишь при привлечении широкого круга исторических, лингвистических, этнографических, археологических и других источников. В этом отношении прекрасный материал дают фундаментальные исследования археологов, этнографов, фольклористов и других исследователей.

Наша задача гораздо скромнее: показать по мере возможности степень сохранности типологических черт похоронно-поминальной обрядности восточных славян, и прежде всего русских, в условиях Дальневосточного региона.

Если птица бьется в окно…

В XIX – начале XX в. похоронный обряд восточнославянского населения представлял собой целый комплекс языческих и христианских мировоззрений, а также ритуальных действий, порожденных верой в посмертное существование души. Известный исследователь русского Севера Е.В. Барсов обратил внимание на то, что элементы языческой архаики составили существенную часть народного сознания и верований. «Нельзя не заметить, – писал он, – что… в народном сознании сталкивались и пересекались различные миросозерцания, образовывались целые религиозные наслоения, которые, в свою очередь, не совсем вытеснялись учением христианским, и вот в собранных нами плачах еще виднеются обломки этих дохристианских созерцаний, которые, однако же, относятся к простой народной вере как непосредственные ее стихии».

Исследователи погребально-поминальной обрядности XIX–XX вв. не раз отмечали определенные расхождения между религиозным и народным истолкованием смерти, соотношения тела и души умершего, дороги в загробный мир и представлений о нем, отношением к культу предков. Христианскому истолкованию смерти как блага на пути в «царствие небесное» противостояло народное представление о ней как о «злодейке», враждебной силе.

Похоронно-поминальный обряд у восточных славян включал несколько основных моментов: действия перед смертью и во время смерти; омовение и обряжение покойника и положение его во гроб; вынос из дома; отпевание в церкви (если оно совершалось), погребение, поминки. Таким образом, при всех региональных различиях в погребально-поминальной обрядности восточных славян в ней вычленялись три основных этапа: предпогребальный, погребальный и поминальный, каждый из которых помимо практического мог иметь и иной смысл. Так, процедура омовения умершего помимо гигиенической имела и сакральную, магическую направленность.

Отношение к покойнику всегда было двойственным. Его боялись и поэтому стремились облегчить умершему переход в иной мир, а также обезопасить себя при помощи различных магических действий от возможных отрицательных последствий при соприкосновении с ним.

Приметы и предсказания, предвещавшие смерть конкретного человека или кого-либо из близких, у восточнославянских народов были сходными. Они истолковывались как начало нового отрезка времени в жизненном цикле человека – «магия первого дня». До сих пор предвестниками смерти близкого человека считают неординарное поведение домашних животных, птиц, разбитое зеркало, выброс цветка никогда не цветущим комнатным растением, бьющуюся в окно птицу, скрип балок, мебели и др.

Смерть человека воспринималась как переселение души в иное пространство – в загробный мир. Считалось, что души взрослого человека и ребенка различны.

Когда становилось ясно, что больной не поправится, приверженцы официальной православной церкви призывали священника для исповеди и соборования. Исповедь умирающего и чтение ему священником «разрешительной молитвы» освобождала больного от всех грехов. У русских, уроженцев Тамбовской губернии, проживавших в Амурской области, после окончания этой процедуры, как только потушат свечи, следили, куда направится дым: если он пойдет к двери, значит, человек умрет, если же в передний угол или рассеется по комнате, человек будет жить. Верили также, что если соборованный человек останется жив, то он должен совершенно изменить свой образ жизни: отрешиться от всего мирского и быть высоконравственным.

Старообрядцы считали тяжким грехом исповедоваться у православного священника и отпевать умерших в православной церкви. У беспоповцев, в частности у часовенных Дальнего Востока, к умирающему приглашали настоятеля. Он читал молитву и причащал крещеной «иорданской» водой. «Иорданскую» воду и в настоящее время берут из проруби реки вечером 18 и утром 19 января. Такая вода стоит в течение года и не портится. Воду, взятую вечером 18 января, используют только для причащения, а утреннюю, принесенную 19 января, для освящения и очищения от «скверны» (например, в случае, если в посуду упал сверчок, мышь и пр.). Все старообрядцы верят в силу этой воды. Вечером 18 и утром 19 января принимают по три глотка, наливают ее в посуду для последующего использования.

Старообрядцы придавали большое значение очищающей силе воды. Летом 1973 г. в поселке Амгу на побережье Японского моря нам приходилось мыться в общественной бане с женщинами из местной старообрядческой общины. В предбаннике все женщины себя и взятых с собой детей обливали из бутылок принесенной с собой речной водой. Из расспросов выяснилось, что проточная («бегущая») вода в представлении старообрядцев – очищающая вода, и если вдруг что-то случится с мывшимися, пока они будут идти от бани до дома, то они попадут в мир иной «чистыми».

Умирающий после исповеди прощался с семьей, другими родственниками, давал наказы. Если умирающий сильно мучился, родные «помогали» душе покинуть тело – открывали окно, дверь, заслонку в печной трубе и т. п. Запрещалось также громко разговаривать и кричать, чтобы не беспокоить душу. О наступлении момента смерти соседи узнавали по крикам, плачам и причитаниям. По традиции считалось, что громкое оплакивание умершего даст покой душе усопшего, которая не будет беспокоить живых.

У русских, украинцев, белорусов считалось важным также присутствие родных в момент смерти близкого человека.

Православные русские, выходцы из Тамбовской губернии, по обычаю не прикасались к своему умершему ребенку. Но на Дальнем Востоке этот обычай постепенно стал забываться и исчез.

У русских, украинцев, белорусов Дальнего Востока – последователей официальной церкви, умершего укладывали обычно на лавку ногами к печи, головой к образам; у старообрядцев – лицом к иконам. Таким же образом покойника-

старовера клали в гроб, на четырех углах которого помещали свечи.

Полностью покойника не обмывали, а как бы слегка «протирали» тряпочкой, ветошью и пр.

У часовенных старообрядцев обмывали умерших два человека, причем мужчину – мужчины, женщину – женщины. Обмывальщиков выбирала конфессиональная община. Обмывали проточной водой, быстро, проводя крестообразно по лбу, животу и коленям, а также по всем суставчикам. Для этого набирали немного воды в ковш, чашечку, а уроженцы Алтая – в выдолбленную из тыквы плошку, которую по завершении процедуры сжигали.

В целях оберега старались избавиться и от других предметов, используемых для омовения: тряпочки, гребешков, воды, которые считались атрибутами умершего. Воду выливали в какое-либо укромное место. Труд обмывальщика никак не оплачивался, это был его христианский долг.

Руки покойного складывали на груди крест-накрест. У старообрядцев на правой руке пальцы складывали как при молении (два перста); на левую руку надевали полотняную или кожаную лестовку, приготовленную заранее специально для похорон.

Погребальные одежды

Погребальную одежду восточных славян отличали общие типологические черты: набор погребального костюма, его цвет, покрой, способ изготовления, социально-демографическая принадлежность (пол, возраст, семейное положение). Наиболее распространенный цвет похоронной одежды – белый, справедливо считающийся одной из архаических черт погребального костюма, исконно приготовлявшегося из домотканого полотна. Во всяком случае, и мужская, и женская нательные рубашки, посмертная обувь, чулки и старообрядческий саван всегда были белого цвета.

Хоронить старались в новой, неношеной нательной одежде. Пожилые люди смертную одежду готовили заранее.

У старообрядцев-дальневосточников в прошлом одежду для покойных и саван, в который заворачивали усопшего, шили исключительно из домотканины, в 20–30-х годах XX в. все шире стала употребляться белая ткань фабричного производства – бязь, коленкор. Из холста шили чулки, тапки, шашмуру, рубахи. Под саван и мужчинам, и женщинам надевали рубахи. У женщин рубаха была длиннее, до щиколоток. Мужчинам также надевали штаны (не везде), а женщинам – сарафан. У мужчин рубаху, а у женщин сарафан подпоясывали сверху тонким пояском. Еще один поясок, который надевался старообрядцу на тело после рождения и никогда не снимался, также оставался на умершем. Узлов на поясах не завязывали. На ноги надевали матерчатые чулки, сшитые в форме пимов (сапожек). Женщинам поверх шашмуры (головного убора) завязывали легкий платочек и тяжелый платок «нараспустинку» (два конца скрепляли под подбородком, а два других свободно прилегали к спине. Саван и мужчинам, и женщинам шили заранее женщины. Шили непременно вручную, шов – иглой от себя («иглой вперед»). При неожиданной смерти кто-либо отдавал свой готовый саван.

У старообрядцев, прибывших в Приморье с Алтая, не было принято шить саван заранее, только заготавливали для него ткань.

Шить саван по обычаю должна была незамужняя молодица, которая не должна состоять в родстве с покойником. Кроится и шьется саван вручную, для этого необходимо примерно 12 метров ткани. Перед раскроем с одной стороны обрезают кромку, которая затем служит тесьмой для «пеленания» усопшего. Саван кроится из одной сплошной полосы (она идет и на лицо, и на ноги) и двух полос по бокам.

Вначале закрывали лицо покойного. Боковые полотнища савана располагали в таком же порядке, как укладывали руки усопшего.

Отдельно на руках шьется небольшая прямоугольная сумочка, с острыми, как и у савана, углами. Из этого же материала к ней пришивается тесьма. В верхней части сумочки оставляется небольшое отверстие, через которое в нее складываются все обрезки и нитки, образовавшиеся при шитье савана. Сумочку надевали на руку усопшего и располагали под его нижней рукой.

Обряженного в саван покойника у часовенных Дальнего Востока пеленали. Пелены плели из трех непременно льняных ниток. Лен для этих целей даже в 70-е годы XX в. специально высаживали на огородах. «Пеленами» перетягивали умершего так, чтобы на теле получилось три креста. В таком виде несли на кладбище, а перед захоронением «пелены» развязывали. «Пеленание» умершего означало, что душа его чиста, как у младенца, и отправляется к Богу в таком же виде, как пришла на землю.

При похоронах не успевших вступить в брак погребальный обряд в определенных чертах совмещался со свадебным. У украинцев девушку хоронили как невесту, а парня как жениха. Голову девушки украшали цветы и ленты. Как парню, так и девушке на правую руку надевали металлическое кольцо, однако этого не делали по отношению к женатому мужчине и замужней женщине. У украинцев Приморья в подобном случае парню к шапке или к груди прикалывали цветок. И юношу, и девушку на кладбище несли молодые парни, у которых на правой руке были повязаны платки, как на свадьбе у старост. Использовались и другие элементы свадебного обряда, в частности устраивалось нечто вроде свадебного шествия со всеми персонажами свадебного торжества: свахой, дружками, боярами и др. В ряде русских областей погребали в специально хранившемся венчальном наряде и замужних женщин. Этот обычай встречался и на Дальнем Востоке.

Гробы изготавливали из сосновых, кедровых, а за неимением последних и из березовых досок, причем оставшиеся при изготовлении гроба стружки укладывали в гроб и покрывали куском полотна, а щепу не жгли в течение трех дней. Считалось, что нарушение этого обычая накличет в дом еще одну смерть. По этой же причине и гроб делался без запаса, и погребальные носилки (две жерди, перевязанные веревкой) не приносили обратно, а закапывали в могилу.

Гроб изготавливал кто-либо из родственников или соседей безвозмездно. Отказаться делать гроб, так же, как и рыть могилу, было нельзя. В гроб могли положить предметы утилитарного и хозяйственного назначения – гребень, трубку и табак для куривших, иголку, посох и т. д., так как свято верили, что они пригодятся «на том свете».

У дальневосточных старообрядцев было принято готовить гробы заранее. В 1973 г. нам пришлось увидеть в деревне Янмутьхоуза Чугуевского р-на Приморского края приготовленный заранее гроб–домовину. «Домовина» была выдолблена из большой колоды кедра и прикрытая куском тюля стояла на завалинке уже в течение нескольких лет, ожидая своего часа. Но общераспространенными с 20-х гг. XX в. и у старообрядцев стали гробы, изготовленные из досок.

У старообрядцев в гроб под голову умершего клали небольшую подушечку, наполненную его волосами. У староверов было принято женщин вообще не стричь, и все очесы (не

дай бог где волос упадет!) собирали в одно место. У мужчин волосы на голове стригли («под горшок», чтобы уши немного были закрыты), подстригали и бороду. Этот «обстриг» и очесы с бороды тоже собирались и использовались для «смертной» подушечки. Принято также было класть под голову умершему его крестильную рубашку (распашонку) – «в чем Господь принял на этом свете, в том ты к нему и придешь».

Помимо этого у восточных славян в гроб клали и некоторые предметы христианской атрибутики – иконы, чаще «родительское благословение», свечи, горевшие при отпевании. У русских, украинцев и белорусов Дальнего Востока, как и в других регионах, до сих пор сохранился архаический обычай бросать в могилу денежную мелочь. Считалось, что на эти деньги покойник может купить себе место «на том свете» или оплатить перевоз через огненную реку.

Вот как описывает один из вариантов похоронного обряда, записанный в начале 20-х гг. XX столетия в Приморье, А.П. Георгиевский: «Когда умрет кто-нибудь из семьи, то к животу привязывают ему сшитый из материи пояс, зашивают в него несколько копеек для того, чтобы мертвый на том свете выкупил себе место. Если умерший имеет долги, то ему насыпают в гроб семян мака, чтобы он на том свете расплатился».

Молитвы и слезы

Независимо от вероисповедания у восточнославянского крестьянства были приняты дневные и ночные бдения около усопшего вплоть до самых похорон. Положение во гроб сопровождалось оплакиванием – «голошением» женщин.

Над покойным с момента смерти до похорон (хоронили обычно на третий день) какая-либо женщина читала Псалтырь. У староверов надгробные молитвы читал начетчик; здесь же молились и распевали молитвы несколько старых женщин непременно с «лестовками» и «подручниками», без которых не обходилось ни одно моление старообрядцев.

Отпевание у старообрядцев Дальнего Востока так же, как и на Урале, заменялось пением по псалтырю канона «за единоумершего», совершалось иногда без наставника и могло происходить как дома, так и в моленной. Наставник вместе с певчими пел погребальный канон, произносил ему последнее напутствие, отпускал грехи. С умершим прощались. Лицо покойного закрывалось саваном и обычно уже не открывалось. Перед выносом тела снимают с него «пелену», которой был перевязан усопший, а также кольцо, сережки, т. е. все, что будет мешать в ином мире.

При выносе тела умершего из дома громко плакали и причитали. Это было не только эмоциональное выражение горя, но и общественное выражение любви к покойному, оценка его жизненного пути как со стороны близких, так и односельчан. Еще в середине XVI в. церковь наложила запрет на плачи, в которых она видела проявление языческих представлений о душе, признаваемой православием бессмертной. Запрещалось плакать и матерям по умершему ребенку, «чтобы не уронить на него своей слезы». Однако церковный запрет на плачи в крестьянской среде практически не соблюдался. Плакали в основном женщины, не родственницы. Умение плакать, «причитывать» было обязательным для каждой женщины. На Дальнем Востоке плачей и причитаний зафиксировано немного. Записи, сделанные сибирскими фольклористами, свидетельствовали об общем угасании этой традиции в Дальневосточном регионе.

В настоящее время по умершему в старообрядческой семье не причитают, а раньше, рассказывают, были и специальные плакальщицы. Характерно, что у эмигрировавших в Маньчжурию старообрядцев институт плакальщиц сохранился и был распространен вплоть до 50-х гг. XX в. Некоторые информаторы ссылаются на то, что в «Златоусте» пишется о том, что нельзя плакать об умерших. Согласно «Златоусту» староверы верили, что умерший в течение 40 дней проходит двадцать мытарств и только потом попадает в рай, если ничего не угодного Богу не сотворил.

В последний путь

Русские выносили тело умершего из помещения на руках, ногами вперед, чтобы покойник не мог найти дорогу назад. По этой же причине старались не задеть гробом за косяк. На Украине же было принято гробом трижды стукнуть о каждый порог, чтобы умерший таким образом попрощался с хатой. Эта традиция первоначально сохранялась и у дальневосточных украинцев.

У старообрядцев было принято умершего мужчину нести мужчинам, женщину – женщинам, если, безусловно, у последних были силы.

Хоронили ногами на восток, крест ставили в ногах.

Определенного часа похорон не было. У старообрядцев принято было хоронить в первой половине дня, а в некоторых деревнях – до восхода солнца. Хоронили обычно через три дня после смерти, но у старообрядцев могли хоронить и на следующий день. Вслед за вынесенным покойником быстро мыли полы.

У украинцев-полтавчан Амурской области после выноса покойника, всю хату и двор посыпали зерном. Животным, чтобы они не последовали за хозяином, давали овес. Зерном усыпали и весь путь умершего от хаты до кладбища. По воспоминаниям крестьян, у них на родине, на Украине, как только человек умрет, в церкви трижды ударяли в колокол. На Дальнем Востоке этот обычай не привился, вероятно, по нескольким причинам. Прежде всего его не было у их односельчан-сибиряков. К тому же и церкви в первые десятилетия освоения Дальневосточного региона были не во всех селах. Постепенно исчезал, хотя первоначально имел место, и обычай сопровождения на кладбище покойника вопленницами.

В обычае у украинцев хоронить под порогом хаты и умершего при родах ребенка. Считалось, что переступание через покойного новорожденного при входе в хату людей является для ребенка своеобразными поминками, так как он как некрещеный был лишен молитв церкви.

Существовало несколько способов перемещения покойника до кладбища: несли на полотенцах, на носилках – если кладбище было недалеко, везли на телеге, санях. Сани для этих целей в некоторых местах использовали не только зимой, но и летом, что, по свидетельству Д.Н. Анучина, было обусловлено их большей древностью по сравнению с телегой, так как сани ведут свое происхождение от древней волокуши. Как трансформацию этого обычая следует рассматривать, вероятно, перенос покойника на носилках, основой которых в таежных районах Сибири служили оглобли от саней. Обычай переноса умершего на носилках из двух непременно новых (только что срубленных) жердей, перевязанных веревкой или полотенцами, отмечены нами у старообрядцев в деревнях, расположенных по побережью Японского моря. На кладбище полотенца развязывали, на них опускали гроб в могилу. Затем одно полотенце вешали на крест, сооруженный на могиле, другие отдавали похоронщикам. Оставление полотенца – символа пути, дороги – выполняло роль обережного действия. Разъединенные таким образом жерди оставляли на кладбище, укладывая по бокам могилы.

Украинцы Дальнего Востока несли гроб на специально сделанных носилках – марах. Мары делали из двух жердей, соединенных двумя деревянными перекладинами. После похорон их оставляли на кладбище или около церкви. Если кладбище было недалеко, несли гроб на полотенцах, перемещая его низко над землей, на расстоянии опущенной руки.

До сих пор сохранился обычай бросать в могилу одну – три горсти земли.

Длительное время, согласно народным обычаям и традициям, близкими соблюдались и определенные формы траура: запрет в течение года выходить замуж вдове и жениться вдовцу, отказ от ношения украшений и т. п. Эти обычаи соблюдаются в дальневосточных деревнях и в настоящее время. Первоначальный же смысл ношения траурной одежды для изменения своего внешнего вида в целях предупреждения посещения покойника был утрачен.

Традиционные сроки поминовения умерших устанавливались церковью, но по народным представлениям они варьировались. Поминки устраивали в день похорон (на третий день) и непременно на девятый, сороковой дни, через год – «година». Шестой, двадцатый день, шесть месяцев отмечались редко.

Поминальная обрядность выполняла как семейную, так и общественную функцию. Поминки, проводившиеся в строго зафиксированные сроки со дня смерти – третий, девятый, сороковой и другие дни, – совершались как семейный обряд. Они были направлены на конкретного родственника и сохранение кровнородственных связей, на постоянную связь со своим родом, на ожидание помощи от «своих» покойников в житейских делах, их защиты.

Первые поминки устраивались сразу же после похорон. Поминальная обрядовая пища выполняла этноинтегрирующую функцию, хотя ее ритуально-магический смысл на Дальнем Востоке в начале XX в. был уже значительно размыт. И все же в наборе блюд, порядке их смены за поминальным столом прослеживался этнический колорит, присущий всем восточнославянским народам. Основой поминального рациона, как и пищи вообще, был хлеб, т. е. изделия из хлебных злаков. Начиналась обрядовая поминальная трапеза с приема кутьи (разваренные на меду зерна пшеницы, впоследствии – рис с сахаром).

У старообрядцев перед поминальным обедом совершали семь земных поклонов, читали молитвы, затем усаживались за стол. Первым поминальным блюдом была кутья, ее отведывали не менее трех ложек. Остальной набор поминальных блюд зависел от того, на какой день – «постный» или «скоромный» – приходились поминки. Непременными блюдами были рыбный пирог и окрошка. Основа окрошки – квас и редька с луком в «постный» день, в «молосный» день добавлялись сливки и яйца. Ни в «постные», ни в «молосные» поминальные дни не разрешалось употреблять мясных блюд. Завершающим блюдом застолья был кисель. Принято было попробовать все блюда. Употребление спиртного на поминках было не принято. Во время обеда читали Псалтырь, а по завершении его всем присутствующим раздавали и в настоящее время раздают деньги.

В некоторых старообрядческих деревнях не устраивали поминальный обед на девятый день и «годины». В эти дни считалось возможным только разносить по домам пироги и шаньги. Раздача шанежек у старообрядцев в определенные поминальные дни ассоциировалась с открытой милостыней, бытовавшей и в прошлом у восточнославянских народов наряду с «тайной милостыней» (раскладывание под окнами, на крыльцах соседей различных продуктов и вещей).

Вне зависимости от религиозных воззрений было принято с наступлением смерти ставить на подоконник сосуд с водой и повесить полотенце с внешней стороны оконной рамы, чтобы душа могла, по народным представлениям, напиться, умыться росой и вытереться. Помимо этого у икон ставили чашку с водой и клали краюшку хлеба, а у приверженцев официальной церкви – и стопку водки. Воду и хлеб меняли в течение 40 дней. По прошествии сорока дней считалось, что душа окончательно отлетела от тела и приходила в родной дом последний раз; ей уже определено «место» на «том свете». Поэтому в «сороковины» («сорочины»), в день проводов души, и поминальный стол делали особенно обильным.

Таким образом, если похоронный обряд отличался непрерывностью, то для поминального обряда, наоборот, характерна прерывистость – основные поминальные даты приурочивались к третьему, девятому, сороковому дням и «године».

Вторая форма поминовения носила общественный характер, выполнялась в поминальные дни вне дома и входила в систему годового календарного цикла. Это соответствовало представлениям о том, что жизнь не прерывалась и после смерти, жизненный цикл продолжается и сливается с круговоротом в природе. Основные поминальные дни были накануне Масленицы, на Пасху, в ближайшую послепасхальную – Фомину неделю («радоница», «радуница») в Троицкую («русальную») субботу – «семик», в Димитровскую родительскую субботу перед днем Юрия Солунского – 26 октября, а в иных местах и на Ильин день. Поминки в эти дни рассматривались как жертва умершим. Их невыполнение связывали с неурожаем, плохим приплодом скота. В прошлом к поминальным Троицыным и Ильиным дням приурочивали заклание жертвенных животных, которых съедали на общественных трапезах.

Традиции родительского дня

Обращение к предкам входило органично во все календарные обычаи. Так, рождественское ряжение, по мнению исследователей, так или иначе связано с предками, с представлением об участии умерших в жизни живых, а некоторые «ряженые» (маски), безусловно, персонажи святочных «игр» в покойника. Особенно ярко эта сторона крестьянских воззрений выразилась на Фоминой неделе, следовавшей за пасхальной. Родительский день во вторник этой недели (как и в древности, у восточных славян Дальнего Востока она называлась «радуницей) считался «родительской пасхой». Накануне этого дня на Урале для умерших предков топили баню, приносили туда все необходимое для мытья, но сами топившие тут же удалялись. Нахождение в этот момент в бане живых считалось опасным для них, так как покой предков оберегал банник.

В самый родительский день вставали рано. Одни шли в церковь с кутьей (там служили панихиды и поминали умерших), другие готовили дома обильный поминальный обед. К возвращению ушедших в церковь накрывали поминальный стол, но сами домочадцы удалялись в соседнее помещение, чтобы не мешать трапезничать покойникам. Спустя определенное время семья возвращалась к праздничному столу и приступала к обеду.

Этот вариант обрядов родительского дня бытовал и на Дальнем Востоке в селах, где располагалась церковь или в ближайших от нее деревнях. В любом случае непременным было и посещение кладбища. В сельской местности Дальнего Востока кладбище посещается в этот день до настоящего времени. Этот обряд нам приходилось наблюдать весной 1971 г. в селе Харитоновка Шкотовского района Приморского края. Уже около десяти часов утра местные жители, преимущественно женщины, потянулись на кладбище. Застилали «свои» моги-

лы скатертями светлых тонов, на кресты развешивали рушники. У подножия намогильного креста положили крашеные яички, сладости. Катали на могилах яйца, целовали их – «здоровались» и «христосовались» с умершим. Слышны были и причитания и «разговоры» с покойником. Женщины ходили по кладбищу, посещали другие могилы. К середине дня подошли мужчины, молодежь и даже те престарелые женщины, которые уже почти не выходили из дома. Взявшись за руки, все, кто был в силах, трижды обошли вокруг кладбища с пением молитв. Затем разбились на родственные и региональные группы (к примеру, уроженцы Пензенской области собрались все вместе, точно так же объединились черниговцы) и рядом с могилами устроили поминальный обед. Закончилось поминовение умерших вождением хороводов с одновременным исполнением традиционных песен.

Остается память и любовь к ушедшим

Наши полевые наблюдения подтвердили выводы ряда исследователей о полифункциональности похоронно-поминального обряда. Ему присуща этноинтегрирующая функция этнопсихологической консолидации, близости со своей семьей, родовым коллективом, семейной общиной через сплочение в горе, объединение в поддержке живых. Некоторые особенности в похоронно-поминальной обрядности были отмечены дореволюционными авторами у молокан и молоканпрыгунов Амурской области. Во время болезни молокане не обращались за помощью к официальной медицине. И не только потому, что медицинское обслуживание на дореволюционном Дальнем Востоке было поставлено плохо, но и из-за традиционной приверженности при болезнях к заговорам, травам, продукции животного происхождения. Духоборы же считали, что все болезни от дьявола, и вообще не прибегали ни к каким лекарственным средствам, и больной был практически предоставлен сам себе. И молокане, и духоборы полагали, что в тяжелых случаях, если больному грозит смерть, главное, что ему надо предоставить, – это покой, избавить от шума и крика домашних. При признаках агонии все оконные дыры закрывались тряпочками, а на один из подоконников ставился стакан с чистой водой. По молоканским воззрениям, считалось, что душа человека, разлучаясь с телом, должна некоторое время побыть в помещении и очиститься в стакане с водой...

К телу умершего приглашался пресвитер, который читал положенные для такого случая молитвы-псалмы. Спустя два-три дня усопшего заворачивали в холст или белый миткаль, укладывали в гроб и хоронили. Поминки устраивали сразу после похорон, на сороковой день и на годовщину. В течение поминальных дней малосостоятельные молокане получали угощение и наделялись предметами первой необходимости.

По мнению некоторых авторов, основное отличие во время обряда похорон у молокан и духоборов состояло в том, что в обряде духоборов отсутствовали молитвы за царя и весь царствующий дом.

У молокан-прыгунов в случае серьезной болезни кого-либо родные приглашали в дом пресвитера, близких и знакомых. Собравшиеся часа два читали перед больным молитвы, просили Всевышнего об исцелении, а больного о прощении. Если болезнь развивалась, и ясно было, что близка смерть больного, собирались вновь все близкие – молились, прощались. Как только наступала смерть, усопшего обмывали, одевали в лучшие одежды, клали в угол на лавку и наглухо закрывали белой тканью. С этих пор уже никто не видел его лица, так как всякое прикосновение к умершему считалось осквернением, и если кто к нему случайно прикоснулся, должен омыться; он считался до вечера нечистым.

Хоронили обычно уже на вторые сутки. Покойника клали в белый гроб. Начиналось отпевание. Вновь собирались все близкие. Читалось много молитв и исполнялось много псалмов. Обычая прощаться с покойником не было. Дорогой на кладбище вновь пели песни и псалмы, из которых особенно популярной была следующая:

Творец ты мой, покровитель мой,
Создал ты меня на сей свет.
Хотел я итить правым путем,
Стал на меня враг нападать
Со всех сторон сети закидать.
Ох, Боже мой, милосердный мой!
Каков я стал невоздержанный!
Стал я плоть свою укрощать,
Душу в теле утешать.
Стану я райские, райские песни петь,
Херувимские, серафимские: аллилуйя.

После похорон устраивали поминальный обед, на который подавались приуроченные к любому торжеству блюда. Специальной поминальной еды не было. Отсутствовали и специально установленные, как в православии, поминальные дни. Последние обычно устраивали тогда, когда кому-либо из братии приснится умерший. Об этом сразу же узнавали родственники покойного, которые тотчас же устраивали поминальный обед. Иногда приходилось делать не один обед, а несколько, пока покойник не перестанет являться в сновидениях.

Иногда поминки устраивались по желанию самих родственников. В Амурской области это бывало в случаях, когда из Европейской России или с Кавказа, где также были общины молокан-прыгунов, присылали деньги для поминовения какого-либо умершего богатого человека. Так было в 1890 г., когда молокане деревни Астраханки Амурской области получили 300 рублей на помин души одного богача.

Устраивались и так называемые общественные поминки, когда по взаимному соглашению жителей всей деревни назначался день поминовения родителей. Происходило это обычно осенью, после уборки урожая, в складчину. В назначенный день собирались в один из домов не только односельчане, но и родственники, живущие в соседних деревнях. Следовали продолжительные молитвы за умерших родственников, исполнение псалмов. Завершалось поминовение обильной трапезой и неизменным прыганьем.

Несмотря на консерватизм, похоронно-поминальные обряды уже в начале XX столетия исполнялись не в полном виде. Наблюдалась тенденция в дальнейшем упрощении этого ритуала. В наши дни уже исчезли былые строгие предписания относительно отдельных элементов похоронно-поминальной обрядности. Вместе с тем в последние годы в условиях возрождения интереса к народно-бытовой культуре и наметив-шегося возврата определенной части населения к религиозным воззрениям похоронно-поминальный обряд все больше начинает приобретать свой прежний смысл. В совершении этого ритуала наблюдается определенный синкретизм – присутствуют как соображения морально-этического характера, основанные на любви к ушедшим близким и памяти о них, так и православные и древнеславянские представления.

Старообрядческая лестовка – образ непрестанной молитвы

Посвящается моей бабушке
Ирине Матвеевне

Иван ШЕВНИН, историк
Хабаровск

В литературный отдел краевого краеведческого музея им. Н.И. Гродекова в ноябре 2006 года председатель Покровского приходского совета Русской Православной Старообрядческой церкви (РПСЦ) Елена Павловна Фаст передала в дар вещь, которую, первоначально затруднялись описать и сами музейщики. Это был фрагмент лестовки, когда-то принадлежавшей мужчине-старообрядцу. Особенностью той лестовки, придающей ей статус памятника истории, оказалось то, что она была закопана вместе со старопечатными богослужебными книгами, спрятана до лучших времен в период политических и религиозных гонений в Советском Союзе в 1930-х. Об этой для многих сейчас загадочной вещи – лестовке, и о людях, которые знают о ней не понаслышке, и хотелось бы мне рассказать.

Клавдия Трофимовна Кондрашова говорит о лестовке так: «Кто идет к Богу, тот ее никогда не оставляет, кто пользовался раньше, тот и пользуется сейчас. Я никуда без нее не могу пойти. Я всегда ее беру с собой. Я не могу встать и молится Богу, если у меня нет лестовки в руках. Если она у меня в руках, то я ее перебираю все время и мысленно имею «Господи Исусе Христе, Сыне Божие, помилуй мя грешного». Мысленно. Исусову молитву. Вот так я ее использую, для этого она и должна быть. По улице иду, всегда молитву творю».

Клавдия Трофимовна представляет второе поколение древлеправославных христиан, переселившихся в Хабаровский уезд во время столыпинских реформ. Тогда в Приамурский край из пределов Румынии, Австрии, Болгарии приехали несколько тысяч зарубежных старообрядцев, крепко державшихся веры отцов и дедов, с двуперстным крестным знамением. Газета «Приамурье» писала о них в 1908 году, что они когда-то выселились из России ввиду гонений со стороны администрации и сейчас задумали вернуться в Россию и переселиться на Амур. Историкам известно, что из того потока переселенцев-старообрядцев, приемлющих священство Белокриницкой иерархии, на удобных местах Хабаровской округи намеревались поселиться 765 семей, которые должны были переехать в Россию в 1910 году. Но из-за необоснованных требований чиновников дело сорвалось. Тогда же зарубежные старообрядцы вторично организовали ряд сел на Амуре, но в силу обстоятельств вынуждены были вновь переселиться, теперь уже под Хабаровск. В краевом архиве можно прочитать: «Мы – русские переселенцы из Румынии. В 1909 году приехали на Амур и основали село Верхне-Спасское. К июню – августу начала прибывать вода, нас затопило, и нам предложили селиться на новых местах – кому за Амуром (основали село Марковку), а кому вблизи города (основали село Смирновку)». На амурскую протоку Талга прибывают семьи братьев Лукьяна и Малофея Марковых, здесь к 1914 году основывается село Марковка, откуда родом и Клавдия Трофимовна.

Она вспоминает: «Мама с Румынии переехала. Они с родителями поселились в Марковку. Там она жила, а после войны переехала на базу КАФ. Она передала мне свою лестовку, когда свободнее стало, потому что раньше она мне не могла ее дать, даже если бы я и просила. Да я бы и сама ее не взяла, ведь ее надо было прятать, а где ее будешь прятать. Нигде нельзя было перекреститься, не то чтобы с лестовкой ходить. Я родилась в 1927 году. И если подумать, то ту первую мою лестовку мама привезла из Румынии».

Итак, что же это за вещь, которую наряду с крестом, иконой, книгой нужно было прятать во время опасности и сохранять, чтобы затем дальше передавать детям и внукам?

М. Фасмер считает, что слово ***лестовка, лястовка, листовка***, по-видимому, является производным от ***лъства***, т. е. «лестница (ступень) духовного возвышения». В XIX веке употреблялось в великорусском языке старинное слово вервица, как синоним, «лестовка, ременные четки, по которым молились, ими же стегали ослушных». Мало дает для объяснения символики лестовки определения ее писателями XIX века П.И. Мельниковым и В.И. Далем как «кожаные четки у раскольников, вообще староверов, с кистью кожаных лепестков». Ближе к пониманию сути, что такое лестовка, определение, принятое в Старообрядческой церкви: как приспособление для счета молитв, с целью способствовать сосредоточению на молитве Богу, ее должен иметь в руке, находясь в церкви, всякий молящийся[1].

И, наконец, более полное толкование. «Лестовка – распространенный в Древней Руси и сохранившийся в обиходе старообрядцев тип четок, разновидность ***вервицы***. Представляет из себя плетеную кожаную (или, в позднее время, тряпичную или дерматиновую) ленту, сшитую в виде петли. Знаменует одновременно и лествицу (лестницу) духовного восхождения от земли на небо, и замкнутый круг, образ вечной и непрестанной молитвы. Употребляется лестовка для облегчения подсчета молитв и поклонов, позволяя сосредоточить внимание на молитвах[2]».

---

[1] Правила благочестивого поведения в доме Божием.: Издание Кишиневской епархии, 2001. С. 15.

[2] Старообрядчество. Лица, предметы, события, символы. Опыт энциклопедического словаря. М.: Церковь, 1996. С. 158.

Митрополит Московский и всея Руси Андриан. Храм Покрова Пресвятыя Богородицы. Хабаровск. Сентябрь, 2004. Фото Анатолия Горбачева

Для Клавдии Трофимовны «по лестовке молятся самые основные поклоны, а это означает, что мы имеем самую большую любовь к Богу, трудимся, молимся и мы. Мы не должны ее из рук выпускать. Потому что она нам Богом данная. Мы с ней должны молиться всегда».

В древлеправославии считается, что впервые употребление лестовки (или вервицы) было установлено в Церкви в IV веке святым Василием Великим в основанных им монастырях. Иноки этих монастырей по любви своей к Богу каждый день совершали по книгам церковным установленное святым Василием молитвенное правило. Однако среди этих подвижников встречались неграмотные, и для них моление по книгам было заменено совершением определенного числа главнейшей и в то время простейшей молитвы: «Господи, Исусе Христе, Сыне Божии, помилуй мя, грешного» – молитва Исусова. За весь Псалтырь было установлено молиться шесть тысяч этих молитв, за Полунощницу, – шестьсот, за Утреню – тысячу пятьсот и так далее. Для правильного счета молитв Василий Великий и ввел в обиход иноков первую лестовку, а точнее ***вервицу*** – небольшую веревочную петлю, на которой было завязано сто три узла. Со временем вервица стала использоваться не только неграмотными, но и всеми иноками, а также благочестивыми мирянами, и уже не только для счета молитв, но и для непрестанного призывания имени Божия.

Ко времени Крещения Руси в древней Греческой Церкви сложилось твердое понятие о том, что постоянное совершение молитвы Исусовой при помощи вервицы во всяком месте есть необходимая часть христианской жизни.

Восприняв это понятие вместе с православной верой и сохраняя его многие столетия в неизменности, Древняя Русь несколько видоизменила византийскую вервицу: к XVII веку она украсилась, обогатилась и превратилась в лестовку.

Старообрядческий епископ Герман (Савельев) рассказывает, что вручение ее при иноческом пострижении сохраняется и у господствующей церкви, может быть, в сокращенном виде, что при пострижении в иноки монаху вручается вервица, у нас лествица, и говорится о необходимости сохранения ее на протяжении всей своей жизни и пребывании ее с постриженным. Она должна присутствовать при нем постоянно как напоминание. «Как показывает практика моего служения, когда лестовка находится в руках, ты бодрствуешь и совершаешь Исусову молитву, и так незаметно для себя ты защищаешься, духовно преисполняясь Божественной благодати, охраняясь от греховных помыслов, от своих грехов и страстей. И таким образом действительно оправдывается опыт древних чудотворцев».

Старообрядческие лестовки. ХКМ им. Гродекова. Фото Александра Храмцова

Существует отдельное небольшое «Сказание о лестовке и о молитве Исусовой». Приведу его полностью с сохранением орфографии древнерусского источника.

«Подобает христианину всегда лестовку въ руках держати. И молитву Исусову непрестанно повторяти; въ церкве, и дома, и на торгу ходишь, стоишь ли, сидишь ли, и на всякомъ месте. Творити же молитву тако: Господе Исусе Христе Сыне Божии, помилуй мя грешнаго.

Кто молитву сию Исусову творитъ непрестанно, како воздухом дышитъ, то после перваго года вселится въ него духъ Святый, после второго внидетъ въ него Христос Сын Божий. После третьего же года приидетъ къ нему Отец. И вниидетъ въ него и обитель въ немъ сотворитъ Святая Троица. И поглотитъ молитва сердце человеку тому и сердце поглотитъ молитву. И станетъ взывати непрестанно сию молитву днемъ и нощию. И буде свободенъ человекъ той от всехъ сетей вражиихъ.

Хочешь ли брате научиться оумственной молитве сердечной; внимай прилежно. Прежде бо тебе подобаетъ говорить молитву Исусову негромко вслухъ тихимъ гласомъ. Когда же насытятся оуста произношениемъ молитвы, тогда гласъ стихаетъ. Затем шепотомъ продолжается. И тогда оумомъ подобаетъ взирати и приникати къ произносимому въ гортани. Таковым образомъ, какъ бы сама собой начнет приходите въ движение и действовати оумственная сердечная молитва, на всяко время, во всякомъ деле, на всякомъ месте. Въ начале противу воли подобаетъ творити молитву, принуждая себя оусердно, и егда навыкнетъ, то станетъ, аки птица парящая, сама обращатися въ оуме человека.

Богу нашему Слава и ныне и присно и во веки веком. Аминь».

Обратимся к описанию лестовки и попытаемся объяснить ее символику. Среди старообрядцев известно, что устройство лестовки отвечает практическим потребностям богослужения, но в то же время оно имеет символическое толкование.

На ленте имеется 100 простых ступеней, называемых «бобочками». Кроме того, имеются еще три ступени в начале, три в конце и три «великих» ступени в середине, которые купно означают девять чинов ангельских. Начало и конец лестовки отмечены промежутками без ступеней, символизирующими небо и землю. «Великими» ступенями лестовка разделена на четыре неравных участка: от «земли» до первой великой ступени – 12 ступеней, что означает 12 апостолов. С первой великой ступени по вторую включительно – 40 ступеней. Значение может толковаться различно, либо как 40-дневный пост Господа Исуса Христа, либо как то, что 40 недель Пресвятая Богородица во чреве Христа носила. До третьей великой ступени 33 ступени, означающие 33 года земной жизни Господа. После третьей великой ступени и до «неба» идут 17 простых ступеней, означающих 17 ветхозаветных пророчеств о Христе.

В месте соединения концов ленты пришиваются четыре окантованных треугольных «лапостка» (лапоска, иногда – ладонки), которые часто украшают бисером и вышивкой. Они означают четырех евангелистов, а окантовка – евангельское учение. Под лапостками находятся передвижки – семь нанизанных на ленту прямоугольни-

Сказа́ние о ле́стовкѣ и о моли́твѣ Іс҃усовой

Подобаетъ христіанину всегда лестовку въ рукахъ держати, и молитву Іс҃усову непрестанно повторяти; въ церкве, и дома, и на торгу ходишь, стоишь ли, сидишь ли, и на всякомъ месте. Творити же молитву тако: Господи Іс҃усе Христе Сыне Божіи, помилуй мя грешнаго.

Кто молитву сію Іс҃усову творитъ непрестанно, како воздухом дышитъ, то послѣ перваго года вселится въ него Духъ Святый, послѣ втораго внидетъ въ него Христосъ Сынъ Божій. Послѣ третьего же года пріидетъ въ немъ Отецъ. И внидетъ въ него и обитель въ немъ сотворитъ Святая Троица. И поглотитъ молитва сердце человѣку тому и сердце поглотитъ молитву. И станетъ взывати непрестанно сію молитву днемъ и нощию. И буде свободенъ человѣкъ той от всѣхъ сетей вражіихъ.

Хочешь ли брате научиться оумственной молитве сердечной; внимай прилежно. Прежде бо тебе подобаетъ говорить молитву Іс҃усову негромко вслухъ тихимъ гласомъ. Когда же насытятся оуста произношеніемъ молитвы, тогда гласъ стихаетъ. Затемъ шепотомъ продолжается. И тогда оумомъ подобаетъ взирати и приникати къ произносимому въ гортани. Таковым образомъ, какъ бы сама собой начнетъ приходити въ движеніе и дѣйствовати оумственная сердечная молитва, на всяко время, во всякомъ дѣлѣ, на всякомъ мѣсте. Въ начале противу воли подобаетъ творити молитву, принуждая себе оусердно, и егда навыкнетъ, то станетъ, аки птица парящая, сама обращатися въ оуме человѣка.

Богу нашему Слава и нынѣ и присно и во вѣки вѣком. Аминь.

ков, по числу семи таинств церковных. Эти передвижки означают и семь лестовок, которые каждый благочестивый христианин должен отмолить в течение дня. Это практическое значение передвижек – отсчет количества отмоленных лестовок – в изделиях современной работы отсутствует, т. к. передвижки сделаны лишь символически, а лапостки часто так плотно сшиты между собой, что до передвижек трудно добраться.

Для древлеправославного епископа Германа лестовка – образ непрестанной молитвы. Он сожалеет, что с течением времени это было забыто и некоторые христиане сегодня используют ее как украшение в богослужении. Он говорит: «Мной лестовка используется всегда, и не только на официальных приемах, а в основном когда я нахожусь в церкви или иду куда-то по делам. И

Епископ Новосибирский и всея Сибири Силуян (Килин) и Митрополит Московский и всея Руси Андриан (Четвергов) (слева направо). 2004. Хабаровск. Фото Анатолия Горбачева

именно с лестовкой находится образ той самой Исусовой молитвы, которую отцы называют самой высшей, поскольку она обращена непосредственно к Христу. Она краткая и немногословная, именно благодаря ей спасались первые святые, будучи порой совершенно безграмотны, зная только эту молитву».

Говоря о церковном богослужении, владыка Герман замечает, что там лестовка используется не только как украшение чина древнего богослужения, подобно сарафанам, поддевкам. Поскольку старообрядческие службы ведутся согласно древнему уставу, некоторые рассеивают свое внимание, и тогда им советуется, чтобы вновь прийти в бодрое состояние, подобно инокам, погрузиться в Исусову молитву. Особенно это полезно и необходимо при чтении кафизм, когда люди не просто ведут себя рассеянно, но и безответственно, т. е. не обращают внимания на боговдохновенные псалмы Давида и занимаются праздными разговорами, покидают службу, выходя из нее, решают какие-то личные дела.

Клавдия Трофимовна убеждена, что церковное богослужение – это тяжелая работа. «Даже говорят: «Батьку и матку кормить тяжело, Богу молиться и долг отдавать». Вот эта самая тяжелая работа. А че Богу молиться тяжело, потому, что тут бес крутит со всех сторон, мол, ты туда, я тут же. Господь дает пока мне терпение, я становлюсь на молитву с удовольствием».

Клавдии Трофимовне молитва помогает жить здесь и сейчас. «И если я не помолилась, то я не могу ни есть, ни спать, ничего. Я должна помолиться, я должна вечером помолиться. Службу я ни одну не пропускаю, потому что я не могу пропустить службу. И не быть до конца я тоже не могу. Бывает, что поздно возвращаюсь домой. Всяко бывает, но на службе я должна быть. Пока я еще хожу, а потом Божья воля. В общем, лестовка в богослужении необходимая вещь. Вот говорится, шла Богородица в Ад, кого-то нужно было вывести и с лестовкой, а ей говорят: «Оставь лестовку, тогда пройдешь!» Она говорит: «Какой воин идет на войну без оружия? Вот лестовка – на врага победа».

На вопрос об использовании лестовки в Русской Православной Церкви Московской патриархии владыка Герман, еще раз подчеркнул, что лестовка – это старообрядческое изобретение. В новообрядческой церкви она не пользуется популярностью. Но поскольку она является некоей реликвией, то некоторые охотно молятся по лествице. Такие случаи не единичные. От старообрядцев принимают в подарок лестовку. Хотя все новообрядческое священство пытается избавиться от нее, как от напоминания о печальном прошлом. По его мнению, «вервица используется новообрядческим священством так же, как и нашим священством. Мне не приходилось замечать, чтобы кто-то из священства использовал ее не в богослужебное время».

Сергей Степанович Аутко пришел в Покровский приход РПСЦ в 2001 году, на праздник Петра и Павла, и его крестил отец Аркадий Кутузов, о чем у него есть письменное свидетельство. Как он сам говорит, раньше он ходил в никонианские храмы. «Но там мне не понравилось, потому что там женщины заходят в брюках, накрашенными губами прикладываются к святым иконам, и это мне не понравилось».

Первую лестовку он купил сам, потому что видел ее у бабушек, у всех прихожан, но до или после крещения, не помнит. Никто ему не подсказывал. Но он помнит, что в тот период увидел необходимость в лестовке. До этого он не имел никакого представления о ней. «Сначала я не понял, что это. А потом понял, объяснили, особенно отец Аркадий объяснил. Потом я покрестился и потом маму окрестил, ей было за 80. Потом она умерла, и ее отпевал отец Аркадий. Ей положили в гроб лестовку, священник купил и положил». Позднее первую лестовку он подарил Георгию Филипповичу из Комсомольска-на-Амуре. «Вторую лестовку мне подарил Василий Зуев, в знак христианской любви». Эту лестовку он подарил Хабаровскому краеведческому музею. Третью лестовку ему также подарили, но в этот раз – матушка Татьяна Кутузова, когда приезжала из Смоленской губернии прошлой осенью.

Сейчас Сергея Степановича рукоположили в свещеносцы, и он лестовку редко использует во время богослужения, некогда. По ней молится дома. Он использует лестовку «когда Господи помилуй, 12 раз, когда 40 раз молюсь, и когда на часах и когда к причастию готовлюсь, 70 лестовок отмаливаю».

Итак, лестовка может сопровождать древлеправославного христианина от крещения до самой смерти. И Клавдия Трофимовна, как мать и бабушка, заботилась раньше и заботится теперь о том, чтобы лестовка была у детей и внуков. Она наверняка помнит о своей первой лестовке, что подарила ей мама, и прекрасно осознает, что в России все возможно. «Я же их приобретала специально для них. Нужны всем. Как венчик нужен всем, как рукописание, так и лестовка всем нужна. Вот сейчас, может, они и не нуждаются, а потом нужны будут сильно, да где ее взять. Все может быть».

И в заключение, возвращаясь к тем скромным дарам – лестовкам, что сделали хабаровские старообрядцы Гродековскому музею, можно привести слова владыки Германа: «Поскольку старообрядцы являются хранителями древней культуры богослужения, поэтому они использовали лестовку и пытались сохранить эту культуру не только для себя, но и для других поколений, как несущих истинное православие, которое было изначально, благодаря которому люди угождали Богу и вели богоугодную жизнь на протяжении многих веков. Именно этим объясняется такое отношение к буквально каждой составляющей, будь то лестовка, книга, облачение, либо крест, икона».

В музеях России находятся собрания старообрядческих предметов, в числе которых есть и лестовки. Но ошибаются те, кто думает, что такие вещи можно найти только в музеях. Изготовление и художественное украшение лестовок было и остается одним из традиционных старообрядческих ремесел. Вот перед мной простой листок бумаги, где напечатано, что в городе Фокино Приморского края братья и сестры о Христе могут заказать предметы одежды, а также и лестовку у Андрея и Анны Харламовых. Более того, лестовка и раскрытая кириллическая книга стали логотипом международных научных конференций «Старообрядчество Сибири и Дальнего Востока». Очередная, пятая по счету, прошла в Улан-Удэ, в мае – июне 2007 года. Такие события отображают подъем интереса к русской традиционной культуре.

Суженый для славянской девушки, или Чем обряд богат

Татьяна МЕЛЬНИКОВА,
кандидат исторических наук
Хабаровск

Человеческая жизнь – это цепь превращений, одним из звеньев которой является переход в статус жены (мужа). «Жениться – переменить-ся», – говорили наши предки (Даль. 1996 б: 533). Каждый переходный рубеж с течением времени приобретал строго регламентированную форму обряда.

Свадебная фотография Григория Петровича и Екатерины Эмануиловны Шолкиных. 1912 г. Из фондов ХККМ им. Н.И. Гродекова

Последовательность обрядовых действий складывалась долго, а сложившись, долго воспроизводилась в каждом следующем поколении. При растворении этничности в вихре коренной трансформации XX века и реалий постиндустриального общества этническая традиция продолжает существовать в той или иной степени. Так, элементы традиционной славянской свадебной обрядности наблюдаются в современной свадьбе потомков русских, украинцев, белорусов российского Дальнего Востока. Остановимся подробнее на одном из элементов, связанных с традиционной свадьбой, – приметах и поверьях.

В святочные дни славянские девушки издавна гадали о суженом-ряженом: воском, на сковородках, поленьях, бросали свою обувь за околицу, смотрелись в зеркало. Или брали несколько луковиц, помечали каждую из них, потом клали на землю. Чья луковица ранее давала росток, та из девушек выйдет прежде других замуж («Русский народ». 1996: 24). Современные девушки тоже не прочь заглянуть в свое будущее. Правда, луковицы не проращивают, обувь за порог не кидают, а вот нитки жгут: чья быстрее сгорит, та первая выйдет замуж. Верят они и в различные приметы. Например, «Нельзя смотреть двум девушкам в одно зеркало одновременно – жениха уведут» (ПМА. 2005 г., от О.М.А), «Найти кольцо (любое) или увидеть его во сне – к свадьбе». Один из информантов прокомментировал последнюю примету следующим образом: «Знакомая гуляла с милым другом по набережной Амура, и нашли кольцо, но семья не сложилась» (ПМА. 2001 г., от О.М.А.). В.И. Даль в качестве шуточной приводил такую примету, указывающую на скорую свадьбу: «Сидеть между двух сестер или братьев, значит скоро жениться или выйти замуж» (Даль. 1997: 70).

С традиционными святочными гаданиями можно связать современную свадебную примету: «Если в новогоднюю ночь, когда часы бьют 12 часов, открывают шампанское, и оно проливается на подол девушке, то она в этом году выйдет замуж» (ПМА. 2001 г., от Л.Н.К, Л.Г.К.).

В последнее десятилетие прижилась в нашей стране западная примета: «Поймать брошенный невестой букет – к свадьбе», «Поймать букет цветов, брошенный невестой, – вскоре выйти замуж» (ПМА. 2001 г., от Л.Н.К, Л.Г.К., Н.Н.Б., 2002 г., от Л.Ф.Ш.). Одна из информантов, попыталась связать данную примету с русской традицией, мол, «в прошлом – поймать брошенный невестой венок» (ПМА. 2001 г., от Н.Н.Б.). Данное замечание кажется нам сомнительным, т. к. свой свадебный венок невесты в замужестве хранили. Например, венок вложен в оклад одной иконы из собрания Хабаровского краевого краеведческого музея им. Н.И. Гродекова.

Приметы, предрекающие близкую свадьбу, широко распространены и в других странах мира. В Нидерландах считают, что сахар рассыпается к свадьбе (ПМА. 2001 г., от С. Оде). Предсвадебная английская примета гласит: обнаружить две чайные ложки на своем блюдце – к свадьбе (А. Кристи).

В России бытует много примет, предрекающих несчастливую семейную жизнь и даже распад семьи. Вот

одна из них: «Свидетелями на свадьбе не могут быть разведенные люди, иначе брак будет непрочным, распадется» (ПМА. 2002 г., от О.В.С.).

В некоторых приметах ведущую роль играет обручальное кольцо. У русских существовали представления о том, что предметы, находившиеся у жениха и невесты во время венчания, обладали особой магической силой. В число таких предметов входило и обручальное кольцо (Шангина. 2003: 254). Эти представления, вероятно, и стали питательной основой для возникновения приметы, связывающей неожиданные происшествия с обручальным кольцом во время обручения (позднее регистрации брака) и последующий характер совместной семейной жизни.

«Давать до свадьбы примерять свое обручальное кольцо – жизнь будет не очень счастливая». Информант, рассказавшая о данной примете, узнала о ней недавно и не была уверена в характере последствий. Ее формулировка прозвучала следующим образом: «Вроде не очень счастливой будет».

В примету «Нельзя носить обручальное кольцо незамужней женщине» (ПМА. 2002 г., от Г.А.Р.) верят далеко не все. Один информант, впервые услышав об этом, заметила, что носила обручальное кольцо на правой руке и все равно вышла замуж (ПМА. 2001 г., от О.М.А.).

В примету «Потерять обручальное кольцо во время регистрации брака или венчания – расстаться с супругом» верят довольно многие россияне и давно. Во время венчания «полномочного министра в Персии его Императорского Величества статского советника» Александра Грибоедова и 15-летней Нино Чавчавадзе жених был болен лихорадкой. Она трепала его так сильно, что он уронил обручальное кольцо. Присутствовавшие потом вспоминали, как Грибоедов сказал об этом: «Дурное предзнаменование». Несколько месяцев спустя он был зверски убит в Тегеране (Вокруг света. 2003. № 9. С. 52). Бывшая жена Э. Лимонова Елена Мазурук писала, что уронила кольцо во время венчания, и они впоследствии действительно рассталась (Караван историй. 2002. № 3. С. 140). Многие считают данную примету верной. Историй, связанных с обручальным кольцом и расставанием, много. Приведем здесь одну: «У меня обручальное кольцо, которое мне было как раз, а с годами руки, особенно суставы, разбухали, и кольцо как бы врастало в палец. Палец стал синеть, и его пришлось распилить. Итак, я от него избавилась – руке стало легче, и в жизни легче без мужа» (с ним информант позднее разошлась – Т.М.). Некоторые информанты верят в такой вариант этой приметы: «Потерять обручальное кольцо – к серьезным неприятностям» (ПМА. 2002 г., от Л.Ф.Ш.). Один из информантов сообщил эту же примету в несколько другом варианте: «Если обручальное кольцо неожиданно спадет с пальца и покатится далеко-далеко – семья распадется». В подтверждение собеседница рассказала такую историю: «Мы отговаривали Лену выходить замуж за Олега, не подходил он ей. Но она сказала: «Хочу сделать его счастливым». В загсе, когда кольца надевали, его кольцо уронили, оно укатилось. Все гости долго искали. Оно за ножку стола укатилось. Нашли минут через двадцать. Но семейная жизнь у них не удалась. Постепенно он так отдалялся от нее, как кольцо катилось. Под одной крышей жили, но чужие» (ПМА. 2001 г., от Н.Н.Б.).

Ряд русских свадебных поверий связан с костюмом невесты. Относительно обуви новобрачной сегодня устойчиво бытует поверье: «Выходить замуж в босоножках нельзя – все счастье вывалится» (ПМА. 2005 г., от Л.А.К), «Нельзя выходить замуж в босоножках – жизнь дырявая будет» (ПМА. 2001 г., от И.С.). Информант К.Л.А. говорила: «В босоножках нельзя выходить замуж – бедно жить будешь. В туфлях надо. Если в босоножках, то надо носочки, чулки надеть».

Причина возникновения данного поверья кроется в символических действиях, проводившихся во время венчания как этапа традиционной русской свадьбы и направленных на обеспечение будущего хозяйственного благополучия новой семьи. Так, во время венчания невеста насыпала в обувь соль, жито, «чтобы всегда их было вдоволь» (Шангина 2003: 263). Из босоножек – обуви максимально открытой – «благополучие», конечно же, выскользнет. Существовали представления и о защитном компоненте данных манипуляций. В обувь невесте и жениху насыпали бодягу (на Севере), просо, пшено (южные губернии, Поволжье), льняное семя (у русских, белорусов), ягоды, листья и почки рябины (народы Восточной Европы). Всем этим объектам растительного происхождения приписывались защитные функции в отношении жениха и невесты (Маслова. 1984: 38).

Можно предположить, что примета, связанная с видом обуви невесты, не является традиционной, а появилась как результат появления новых видов обуви индустриального общества. Среди традиционной женской обуви русских не было обуви с открытым носком.

Еще в конце XIX – начале XX в. в некоторых районах проживания восточных славян сохранялись представления, что продавать свою рубаху нельзя, а в прошлом у всех восточных славян было распространено поверье: «Продать ее – значит продать свое счастье». Верили, что с помощью рубахи можно «испортить» ее владелицу или владельца. Венчальной (подвенечной) рубахе, создаваемой невестой по особым правилам, придавалось особое значение (Маслова. 1984: 41; Редчун. 2005: 40).

Русские верили, что венчальная (подвенечная) рубаха якобы снимала боль, помогала женщине при родах. В некоторых русских деревнях хозяин дома надевал на себя венчальную рубаху в первый день сева, чтобы осенью собрать хороший урожай (Шангина. 2003: 263; Маслова. 1984: 41). Естественно, что при существовании представлений о целебной, защитной, репродуктивной силе венчальной (подвенечной) рубахи фактом ее продажи могли впоследствии объяснять болезни женщины, неудачные роды, неудачи в хозяйственной деятельности.

Информант И. С. говорила: «Нельзя выходить замуж в чужих фате и платье. Вот я была в чужой фате и в босоножках. И что? Разошлись! Невесте нельзя выходить замуж в костюме – жизнь половинчатая будет» (ПМА. 2001 г., от И.С.). Некоторые уверены, что не стоит выходить замуж во взятом напрокат свадебном платье, что отражает получившее распространение практики проката свадебных платьев и процесс формирования примет.

Другим предметом свадебного костюма невесты, с которым связаны запреты и поверья, является фата. «Свою фату нельзя никому отдавать – жизнь несчастливая будет». Соответственно «нельзя выходить замуж в чужой фате – жизнь несчастливая будет». По выражению одно-

го информанта, «фата – на одну голову». Данное поверье собеседница слышала от многих людей. Так же говорила ее мама («никому фату не отдавай»), фату дочери забрала и хранит дома (ПМА. 2001 г., от В.В.Л.). Верят также, что «нельзя разрезать свою фату после свадьбы – разлад в дальнейшей семейной жизни произойдет» (ПМА. 2002 г., от Л.Ф.Ш.).

Информант Л.Н.К. утверждала: «Если отдашь фату – свое счастье отдашь. Свадебное платье можно отдавать, передавать дочери, а фата – индивидуальная. Нельзя ее отдавать» (2001 г.).

Фата современной невесты – это трансформировавшееся покрывало, бывшее важной составной частью головного убора невесты у восточных славян в прошлом. Покрывало закрывало лицо невесты, а нередко и окутывало ее с головы до ног. Во Владимирской губернии невеста находилась под покрывалом во время причитания, а в Тверской – даже во время церковного венчания. Южнорусские покрывала известны по Тульской, Орловской, Калужской, Рязанской губерниям в виде больших квадратных шелковых платков или в виде длинных узких полотенец. С закрытым лицом невеста обычно находилась во время венчания. Во Владимирской губернии подвенечные покрывала использовались также для завязывания головы умершей женщины. Тщательное закрывание невесты, по представлениям восточных славян, являлось одним из важнейших средств ее предохранения от злых людей. Покрывало играло в ходе определенных этапов свадебного обряда защитную роль, охраняя невесту от порчи (Маслова 1984: 55,176,183). Можно предположить, что защитная функция покрывала во время свадебного обряда переносилась и на последующие этапы жизненного пути женщины, продажа этого предмета воспринималась как лишение личной защиты владелицы и ее семейной жизни.

Возможно с покрывалом, платком невесты связано поверье, зафиксированное В.И. Далем: «Если невеста под венцом уронит платок, а жених поднимет, то скоро умрет» (Даль. 1996 б: 508–509). В настоящее время данная примета не бытует.

Наши современницы верят, что «увидеть свадьбу – к счастью» (ПМА. 2002 г., от Г.Г.Ч.), «видишь невесту – загадывай желание» («Московский комсомолец» в Хабаровске». 2006. 16–23 авг. С. 20), «перейти дорогу свадьбе – самой (самому) скоро выйти замуж (жениться)» (ПМА. 2002 г., от Л.Ф.Ш.).

И наоборот: «Если свадебный кортеж встретит катафалк – семейная жизнь скоро расстроится» (ПМА. 2002 г., от Л.Ф.Ш.). «Молодую ведут и вынесли покойника – жизни не будет», – сообщила информант М.П. Б. и добавила: – Так у моей мамы было. Расстались они с мужем. Я без отца росла».

Существует примета, связывающая погоду в день бракосочетания с характером последующей семейной жизни. Так, «если в день свадьбы льет дождь, то брак будет удачным». (Караван историй. 2002. № 3. С. 14). Другой вариант этой приметы гласит: «Если в день свадьбы с утра шел дождь – к счастливой семейной жизни» («Комсомольская правда» в Хабаровске». 2002. 28 сент.). В XIX в. верили, «кто на Казанской (т. е. в день Казанской Иконы Божьей Матери – Т.М.) женится, счастлив будет» (Даль. 1996 а. С. 553). Очень многие наши современники верят: «В мае жениться – всю жизнь маяться». Поэтому наблюдается всплеск свадеб в апреле. «Маяться» в супружеской жизни молодожены не желают.

Замужество – мечта любой девушки, однако, мечта эта не всегда сбывается. Наверное, отсюда такое большое количество суеверий, когда неправильное выполнение каких-то манипуляций или нарушение последовательности действий якобы ставит под угрозу или сам факт замужества, или благополучие семейной жизни. Например, «младшая сестра вышла замуж раньше старшей – старшая сестра останется в девках» (ПМА. 2001 г., от В.В.Л., Т.В.М.). «Юбку через ноги не надевай – замуж никогда не выйдешь», - всегда говорила информанту О.М.А. мать (ПМА. 2002 г.).

На Брянщине существует поверье, связывающее будущее замужество и пересечение кошкой пути девушки-невесты. В конце 1990-х гг. подруга одной моей собеседницы бежала наперегонки с кошкой, когда последняя пыталась перейти им дорогу на танцы. Свои гонки она объясняла: «Без женихов останемся!» (ПМА. 2001 г., от попутчицы в поезде Москва – Владивосток).

Наиболее известной из этого ряда примет является: «Не садись на угол стола – замуж не выйдешь». В отношении этой приметы следует подчеркнуть, что с ней в течение последних 20–25 лет случилась удивительная метаморфоза. Сейчас преобладает противоположный взгляд на последствия того факта, что девушка сидит за столом на углу. В основном на замечание: не сиди на углу стола, сегодня слышишь ответ: «Чем острее – тем быстрее!», т. е. быстрее найти жениха с углом (т. е. с квартирой) и машиной (ПМА. 2001 г., от О.В.С., Т.В.М.). Другой вариант данной приметы: «Если девушка сидит на углу стола – муж будет с квартирой». Считается опасным для влюбленных утираться одним полотенцем одновременно – любящие друг друга расстанутся (ПМА. 2001 г., от Л.Ф.Ш.).

Ряд примет предсказывают будущего мужа-пьяницу: «Смахивать крошки со стола рукой – муж будет пьяница» (ПМА. 2002 г., от О.М.А.), «Лить много воды – муж будет пьяница» (ПМА. 2002 г., от В.П.К.), «Если по пути к дому невесты жених наступил в лужу – невесте не повезло, муж будет пьяницей» («Комсомольская правда» в Хабаровске». – 2002. – 28 сент.). Или вот такая примета: «Сидеть на столе – муж будет лысым» (ПМА. 2002 г., от О.М.А.).

Что питает приметы? Наш страх перед будущим, наша неуверенность в себе и в своих поступках, наше нежелание признаться в своих ошибках – наша человеческая сущность. Мы просто люди… А значит, будем верить в приметы всегда. Только то, во что мы верим, будет меняться с течением времени.

Литература:

Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – СПб. : Диамант, 1996. – Т. 1 : А–З. – 800 с.

Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – СПб. : Диамант, 1996. – Т. 2 : И–О. – 784 с.

Даль, В. И. О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа / В. И. Даль. – М. : Терра, «Кн. лавка-РТР», 1997. – 320 с.

Маслова, Г. С. Народная одежда в восточнославянских обычаях и обрядах XIX – начала XX в. / Г. С. Маслова. – М. : Наука, 1984. – 216 с.

Редчун, В. М. Узоры женской рубахи – предвестники счастья / В. М. Редчун // Словесница искусств. – 2005. – № 15. – С. 36–42.

Русский народ. Его обычаи, предания, суеверия и поэзия. – Ростов н/Д : Феникс, 1996. – 608 с.

Шангина, И. И. Русский народ. Будни и праздники : энциклопедия / И. И. Шангина. – СПб. : Азбука-классика, 2003. – 560 с.

Стремление возродить свои давние традиции – это именно то, что отличает русский народ от других. Причем в последние годы это проявляется особенно ярко. И потому на вопрос, сохраним ли мы свое лицо в тысячелетии новых информационных технологий, ответ достаточно прост – да, если сбережем свою культуру и язык. Ибо ничто в мире не объединяет людей столь прочно.

Построить новый дом на камне
Славянские традиции в Детском музее

Елена ГРАБКО,
зав. отделом музейной педагогики Хабаровского краевого краеведческого музея им. Н.И. Гродекова
Хабаровск

Сохранить наш «великий и могучий» – значит, сделать непрерывной и всю цепь поколений. Эта проблема особенно остра сейчас, когда в России наблюдается угнетение языка. Не засилье его иностранными словами и выражениями, которые существовали бы наряду с нашими в качестве иноземного варианта, а именно угнетение, т. е. вытеснение родных слов заимствованными. И в такой ситуации особую роль играет обращение к фольклору – уникальному духовному и культурному пласту, который славянский народ формировал веками. Как сказал бы русский философ XIX века Николай Федоров, умершие предки спасают еще не родившихся потомков.

Пространство жизни русского православного человека непременно отмечено тремя основными вехами – рождением, созданием семьи и смертью. Казалось бы, то же можно сказать и о любом другом народе с иным вероисповеданием, однако именно славяне придают этим событиям смысл не только физиологический и духовный, но в равной степени и мистический. Поэтому с языческих времен и по сей день эти судьбоносные события окружаются целым рядом обрядов, причем в народном сознании они совмещают в себе как языческие традиции, так и церковные каноны.

Особенности народа раскрываются в его песнях, былинах, плачах, сказаниях, обрядах. Для славян характерно долготерпение и постоянный интерес к тем поистине неиссякаемым сокровищам, которые для нас и грядущих поколений оставляли наши предки. В основе любой традиции, любого обряда кроется ключ к физическому и душевному здоровью. Все в мире вторично. Время пото-

му и не разрывается, что конец одной секунды прочно связан с началом следующей. Для народа оно не кончится до тех пор, пока неразрывной остается цепь традиций, ибо без них мы станем уже не просто другими – мы перестанем быть самими собою.

По сей день современна библейская истина «о муже благоразумном, который построил дом свой на камне; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и устремились на дом тот, и он не упал, потому что основан был на камне», и о «человеке безрассудном, который построил дом свой на песке; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и налегли на дом тот; и он упал, и было падение его великое». России довелось пожить в разных домах. К счастью, каменный фундамент остался, и, думается, на нем и надо восстанавливать наше новое жилище. Может, потому в эпоху кризисов мы все чаще и чаще обращаемся к древним традициям – без осознания вековых устоев, без любви к родной культуре не устоять.

Но, к сожалению, большинство из нас очень поверхностно знакомо с народной мудростью. Как жили, работали и отдыхали русские люди, что их радовало и тревожило, о чем они мечтали? Ответить на эти вопросы означает восстановить связь времен, вернуть утраченные ценности. Именно поэтому одним из направлений работы Детского музея, который уже больше 15 лет существует в стенах Хабаровского краевого краеведческого музея им. Н.И. Гродекова, мы выбрали знакомство детей со славянской этнографией.

Дети – аудитория непростая, но отзывчивая, благодарная. Специально для них в музее создано игровое пространство – зал, оформленный в виде русской избы с печью, полатями, лавкой и столом. Здесь посетители музея могут отдохнуть от «правильного» поведения и немного «похозяйничать» – достать ухватом чугунок из печки, растолочь зерно в ступе и выяснить, как устроен тульский самовар…

Для детей игра не просто развлечение, а естественный способ общения с окружающим миром. На игровых методиках построены все музейные занятия для школьников, на которых малыши знакомятся с праздниками русского народного календаря, старинными играми и забавами, песенным сказочным фольклором. «Жили-были…», «В гости к Матрешке», «Зеленые святки», «Святочные потешки» – вот неполный перечень игровых занятий, проводимых в нашем музее для малышей. Занятия для младших школьников содержат элементы исследовательской работы с опорой на пусть пока еще небольшой, но собственный опыт. Школьники с большим удовольствием принимают участие в театрализованных фольклорных праздниках: «Новогодние посиделки», «Широкая

масленица», «Чайные посиделки», «Кузьминки – об осени поминки».

Народные обрядовые праздники почти всегда связаны с игрой. К сожалению, они почти исчезли сегодня из детства, хотя на Руси игра издревле была одной из форм воспитания. Игры развивают ловкость, быстроту движений, силу, меткость, приучают к сообразительности, вниманию. Разученные же с детьми прибаутки, считалки, скороговорки делают процесс игры более интересным и содержательным, а попутно развивают речь и память ребенка.

Какой народный праздник без музыки и игры на музыкальных инструментах? В Детском музее есть комплект русских шумовых музыкальных инструментов: ложки, трещотка, вертушка, плеть, колотушка… Играют на них с большим удовольствием не только дети, но и взрослые. А еще на наших занятиях все участники имеют возможность примерить русский народный костюм – сарафан, кокошник, косоворотку, картуз.

Большую радость приносят детям всех возрастов русские народные игрушки. В нашем музее неплохая коллекция глиняных и деревянных «потешек», а вот тряпичную куклу-оберег можно сделать своими руками в «Мастерской домовенка Кузи». Суббота и воскресенье в музее – семейные дни. Взрослые приводят своих детей (а нередко бывает и наоборот). Занятия в выходные дни специально рассчитаны на семейную аудиторию и выстроены так, чтобы интересно было всем и положительный заряд, полученный в Детском музее, еще надолго оставался с человеком.

Сохранить себя

Современный мир глазами старообрядцев

Александр ШУНЕЙКО
Комсомольск-на-Амуре

Стереотипное восприятие современным человеком старообрядца рисует такую фигуру: личность замкнутая, суровая, оторванная от мира и его насущных проблем, оберегающая непонятные основания истинной веры, противопоставляющая себя окружающей среде своим аскетизмом (типом поведения и внешним обликом), с подозрением относящаяся ко всему новому, не допускающая в свой круг посторонних и, в общем и целом, непонятная, сосредоточенная на себе, закрытая, сумрачная. Получается не очень привлекательный портрет. Для такого видения есть свои реальные основания. История многовекового существования старообрядцев, гонения со стороны властей по конфессиональному признаку и религиозный фанатизм немало способствовали возникновению самого типа и, как следствие, – такого взгляда на него. Отмечу сразу, что эти внешние характеристики вовсе не отменяют (впрочем, и не предполагают) духовной глубины и позитивных устремлений.

ШУНЕЙКО Александр Альфредович, кандидат филологических наук, доцент, преподаватель Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета, автор трех книг и многих публикаций, соавтор трех коллективных работ.

Основные сферы научных и жизненных интересов распределяются по трем областям: особенности воплощения символических систем средствами естественного языка в литературных произведениях различных типов и авторов; способы выражения и текстовой фиксации при помощи языковых форм направленности и результатов духовных поисков человека, а также проблемы бытования коммуникативного пространства и коммуникативного поля в их индивидуальных и коллективных проявлениях, в частности трансляции информации различными семиотическими системами и в их взаимодействии между собой, открывающем новые горизонты познания мира.

Молодые

При оценке старообрядца необходимо помнить об одной из констант высоких демократических ценностей, на которые мы пытаемся ориентироваться; звучит она так: цивилизованному (или претендующему на такое звание) человеку всегда важно вглядеться в лицо другого, чужого, иного (не такого, как он, с той или иной точки зрения) человека, попытаться его понять, объяснить его поведение, содержательно уяснить стиль его жизни и увидеть за ним полезное для себя и мира. Возможно, даже использовать это полезное, вовсе не обязательно разделяя конфессиональных приоритетов и жизненных ценностей другого.

Для реализации этой цели – понимания другого и приближения к себе через это понимание – продуктивно взглянуть на проблему восприятия старообрядцев в ином (противоположном) ракурсе. А для этого выявить: как именно сами старообрядцы видят современную нам окружающую жизнь, как они оценивают то, что для нас привычно, как они реагирует на то, что мы считаем неотъемлемыми атрибутами существования, без чего повседневность для нас непредставима. Для того чтобы узнать это, были заданы вопросы старообрядцам разных возрастов (за организацию опроса я очень благодарен Дарье Собченко), проживающим в селе Тавлинка и поселке Березовом. В данном случае речь идет о беспоповцах. Речь шла о том, как они воспринимают реалии окружающего мира: радио, телевидение, кино, ИНН, компьютеры, Интернет, автомобили, телефоны и социальную помощь.

Полученные ответы очень любопытны по многим причинам. Во-первых, они демонстрируют соединение живой истории и современности, перетекание религиозных приоритетов в новые сферы и взаимодействие человеческой жизни на ее различных временных срезах. Во-вторых, они указывают на существование нетривиальных и нестереотипных подходов, что так важно в нашем стереотип-

Семья старообрядцев

ном мире. В-третьих, они дают интересный этнографический, лингвистический, исторический и культурологический материал, который можно использовать для самых различных выводов.

Всего в феврале 2007 года было опрошено 25 человек. Воспроизведем ответы нескольких из них, подчеркнув, что остальные ответы в содержательном плане общей картины восприятия не меняют и привносят в нее только индивидуальные оттенки.

Радио: «*У нас не положено, может, ребятишки где-то слушают, но я к этому плохо отношусь*» (А.И. Гуськова, 82 года); «*Я никогда его не слушаю. У нас его никогда не бывало. Нельзя, не христианский обычай*» (М.И. Басаргина, 77 лет); «*Никогда у нас его не было. Ненужная вещь в христианском доме*» (М.А. Басаргин, 60 лет); «*Ничего хорошего в этом нет. Все это не от Бога. У нас никогда не было, вера не позволяет*» (Е.Ф. Басаргина, 57 лет); «*Это средство массовой информации в первую очередь. В принципе, я отношусь к радио нормально, но вообще-то нам нельзя. Вера не позволяет. Оно нам не нужно. Иногда слушаю в машине, но только новости*» (Т.А. Басаргин, 40 лет); «*Не знаю, что это. Тарахтит что-то в машине. Слушаю иногда, но вообще нам нельзя*» (В.С. Старков, 22 года).

Телевидение: «*Это все устроил бес, это не от Бога. Все устроил бес*» (А.И. Гуськова, 82 года); «*Нельзя, что попало там. Зачем христианину это смотреть? Это от беса*» (М.И. Басаргина, 77 лет); «*Можно там много чего ненужного услышать и увидеть. Зачем лишнее? Всякие пляски, развраты, убийства и насилие. Зачем?*» (М.А. Басаргин, 60 лет); «*Это бес придумал. Ну что там хорошего. Раньше молодежь ничего этого не знала, а теперь понасмотрятся всякого разврата, насилия. Тьфу! Гадость всякая. Ничему хорошему оно не учит*» (Е.Ф. Басаргина, 57 лет); «*Тоже источник информации, но телевизор несет массу негативной информации. Много крови, насилия. И чтобы это смотрели мои дети?! Отрицательно отношусь к телевизору! Не нужен он совершенно*» (Т.А. Басаргин, 40 лет); «*Телевизор нам нельзя, это плохая информация. Вера это запрещает*» (В.С. Старков, 22 года).

Кино: «*Нельзя. В молодости ходили, но нельзя было. Ни столько показывают, сколько врут. Разве они правду покажут? Вот я посмотрела «Страсти Христовы», ну и что? Все поизвратили, на виду вся кровь, слишком много на этом внимания. А как Христос мучился, страдал за всех нас, этому внимания нет*» (А.И. Гуськова, 82 года); «*Если историческое, то можно посмотреть. Про Бога можно. Вот я, например, кино «Тихий Дон» посмотрела: интересно, но книга лучше. Раньше мы рукодельничали, песни пели, не было раньше кино, и весело жили*» (М.И. Басаргина, 77 лет); «*Если хороший фильм, можно посмотреть. Раньше молодежь в кино ходила, и мы ходили тайком. Но по вере нельзя. // – А если фильм о Боге, о вере? Можно посмотреть? // – Если в этом фильме осмеивают Бога (знаете, как в этих современных всяких комедиях?), то нельзя, а если фильм поучительный, то можно*» (М.А. Басаргин, 60 лет); «*Если хороший фильм, можно посмотреть, хотя вера это запрещает. Про Бога можно, если фильм его не осмеивает. Исторические фильмы можно. Кино может научить чему-нибудь*» (Е.Ф. Басаргина, 57 лет); «*Нам нельзя. Но если фильм хороший, то можно посмотреть. Хотя где сейчас хорошие фильмы? Если даже фильм о Боге, то там все извращено. А вообще-то есть книги, которые мы читаем*» (Т.А. Басаргин, 40 лет); «*Хороший фильм можно посмотреть. Я иногда смотрю в гостях у кого-нибудь. А вообще кино – это все неправда, все перевирают*» (В.С. Старков, 22 года).

ИНН: «*Нельзя его, потому что 666, он неприемлем. Это антихристская печать. Я карточку отказалась делать. Ну и что, что пенсия, Бог с ней*» (А.И. Гуськова, 82 года); «*Мы сами не знаем, что это такое. Не нужен он, и не было его никогда*» (М.И. Басаргина, 77 лет); «*Мы вообще ко всякому номеру относимся с подозрением. // – А как же автомобильные номера? // – Так эти номера учитывают машины, а ИНН этот ваш учитывает людей. Это путь к Антихристу, это еще Нострадамус предсказывал. Это как у заключенных в тюрьме – у каждого свой номер. Вот у кого есть такой номер – тому его в аду на лбу высекут. // – А у вас есть ИНН? // – Есть. А куда деваться? Машину вот купил, автоматически ИНН получил, никто меня не спросил. А вообще, вот смотрите, возьмем советскую власть: тогда всех гребли под одну гребенку, все были как бараны. И один великий вождь. А один тотальный вождь – это кто? Антихрист! И символ какой у них был! Пятиконечная звезда! И кто создал такую власть? // – Вы хотите сказать, что Ленин – Антихрист? // – Конечно. А потом эта власть развалилась, без войны, просто так. И это уже было предсказано. А ИНН, учет этот ведет к тотализации, к единой власти с единым вождем – Антихристом. Вы Писание почитайте – там про это все написано*» (М.А. Басаргин, 60 лет); «*Антихристское число. Абсолютно это не нужно. Раньше этого не было, а сейчас понапридумывали. Грех это*» (Е.Ф. Басаргина, 57 лет); «*Это начало человеческой зависимости. Мы скоро все будем зависеть. // – От кого зависеть? Или от чего? От власти? // – И от власти тоже. Человек будет полностью под контролем. Все люди «под номерами» будут занесены в какой-то главный компьютер. Это все специально придумано и абсолютно не нужно*» (Т.А. Басаргин, 40 лет); «*Я не понимаю для чего это нужно. У меня есть карточка, я же работаю. А вообще я считаю, что это не нужно. Никогда раньше не было и сейчас не надо*» (В.С. Старков, 22 года).

Компьютер: «*Все дадено от беса. Можно пользоваться только на работе. Вера позволяет. Работа есть работа*» (А.И. Гуськова, 82 года); «*Это я не знаю. Я его не видела никогда. Это что ли как в больнице кости просвечивают?*» (М.И. Басаргина, 77 лет); «*Это высший человеческий разум, который приведет к Антихристу. В этом компьютере вся информация о человеке, все мы там учтены*» (М.А. Басаргин, 60 лет); «*Это такая машина. Человеку она не нужна. Это путь к Антихристу*» (Е.Ф. Басаргина, 57 лет); «*Я ничего не могу сказать. Кому он нужен – пусть занимается.*

Дочери и зятья

Если нужен компьютер по работе, то почему бы и нет? А вера этого не осуждает, но и не приветствует» (Т.А. Басаргин, 40 лет); *«Это высшее достижение техники. Если кому по работе нужно, то можно. Я пользуюсь иногда. Ну и что, работа есть работа. А вообще ничего хорошего в этом нет, и вера не поощряет»* (В.С. Старков, 22 года).

Интернет: *«Не понимаю, не знаю что это»* (А.И. Гуськова, 82 года); *«И не слыхала даже. Я неграмотная» (М.И. Басаргина, 77 лет); «Это международная компьютерная система. Мы попадаем в зависимость от глобализации. Это подготовка к мировому правительству, к Антихристу. Это давно предсказано уже всеми пророчествами»* (М.А. Басаргин, 60 лет)*; «Даже не знаю, что это»* (Е.Ф. Басаргина, 57 лет)*; «Я ни разу им не пользовался. Ничего не могу сказать»* (Т.А. Басаргин, 40 лет); *«Ну так, что-то слышал, но толком не знаю, что это. Мне не нужно это, я христианин, а это не от Бога»* (В.С. Старков, 22 года).

Автомобиль: *«Но машина есть машина. Все работают, раньше лошади были»* (А.И. Гуськова, 82 года)*; «Раньше их не было, а сейчас у всех есть, коней же нету. Хорошо ли это? Да Бог его знает. Как нам это зачтут?»* (М.И. Басаргина, 77 лет)*; «Машина – это средство необходимости. А вообще это предмет повышенной опасности, а для христианина это не нужно. Христианин должен умереть с покаянием и молитвой, а если разобьется человек на машине – ничего этого не успеет сделать»* (М.А. Басаргин, 60 лет); *«Ну а что? Рабочий инструмент. Без него никак нельзя. У всех есть сейчас»* (Е.Ф. Басаргина, 57 лет)*; «Средство передвижения, а не роскошь, как говорил Остап Бендер. (Смеется.) В вере ничего про автомобиль конкретно не сказано. Автомобиль не запрещен»* (Т.А. Басаргин, 40 лет); *«Это моя рабочая лошадка. У меня есть, и что? Сейчас у всех есть. Машина меня кормит. Я сам заработал, сам и купил»* (В.С. Старков, 22 года).

Телефон: *«Раньше нельзя было, а теперь все поприняли. Раньше нигде не было телефонов, а теперь в каждом доме стоят. Ведь отовсюду звонят: и с Америки, и с Аляски, и с Канады. А вообще это запрещено. Не от Бога дадено»* (А.И. Гуськова, 82 года); *«Ну, у меня есть, но как без телефона? Я не могу ходить, как вроде это можно, у всех есть»* (М.И. Басаргина, 77 лет)*; «Так же как и радио. Вообще-то он не нужен»* (М.А. Басаргин, 60 лет); *«Средство связи. У всех стоит. А как без него? Я нормально к нему отношусь»* (Е.Ф. Басаргина, 57 лет); «Это средство связи. В целях производственной необходимости нужен, а по жизни – нет. У нас в каждом доме стоит. К телефону отношусь нормально» (Т.А. Басаргин, 40 лет); *«Средство связи. Хорошо к нему отношусь. У меня и сотовый телефон есть. Мне по работе он нужен»* (В.С. Старков, 22 года).

Социальная помощь: *«Государство людям помогает. Раньше не принимали ее, а сейчас кто принимает, кто не принимает. Пенсию нельзя, но мы получаем. Сами лезем в муку вечную. Это грех, но кто работал, тем можно. Я не работала, но пенсию получаю. Мне это грех»* (А.И. Гуськова, 82 года)*; «Я не получаю, я же не работала. Меня совесть замучает, но вообще можно, если человек заработал. Если погиб кормилец, остались дети, что остается делать?»* (М.И. Басаргина, 77 лет)*; «Это государственная помощь людям. Нормально к ней отношусь, она еще при царях была. Это неотъемлемая часть жизни. Если люди работали, они должны получать пенсию»* (М.А. Басаргин, 60 лет)*; «Какая у нашего государства помощь, так это смех один. Но вообще отношусь к этому нормально. Иногда людям помощи больше ждать не от кого. Если человек работал на государство, то пусть оно ему и платит»* (Е.Ф. Басаргина, 57 лет)*; «Не пользуюсь такой. Вообще это забота о людях, и я к этому нормально отношусь. Государство должно хоть как-то помогать людям. Вот у меня, например, семеро детей. Государство нам помогает – целых 200 рублей в месяц на каждого ребенка! С такой помощью – пусть оставят ее себе на память!»* (Т.А. Басаргин, 40 лет)*; «Пенсия что ли? Хорошо отношусь. Если человек работал, то почему бы и нет. Сейчас, говорят, это можно»* (В.С. Старков, 22 года).

Думаю, что характер большинства из помещенных здесь ответов, с учетом, подчеркну, того, что в них точно фиксируется речь людей, живущих в одно с нами время, способен вызвать впечатление, близкое к шоковому. Но давайте разберемся в них беспристрастно, не с точки зрения

человека, который привык к радио и телевидению настолько, что воспринимает их в качестве неотъемлемых компонентов культурной среды, а с точки зрения существования различных культурных приоритетов и сфер трансляции информации, с учетом того, что радио, телевидением и Интернетом, как бы они ни были для нас привычны, не ограничивается сфера передачи культурных ценностей (и уж в любом случае, только на них не замыкается).

Даже из приведенных здесь ответов можно сделать большое количество выводов самого разного плана. Ограничимся только некоторыми. Все ответы ярко демонстрируют приверженность к иному типу культуры, противопоставленному массовой культуре. Они показываю строгую ориентацию на письменную книжную культуру и устный способ трансляции информации, то есть на ценности, снижение интереса к которым в современном мире вызывает закономерную тревогу специалистов и рядовых представителей социума. Более того, сама ориентация на книжную культуру не является пассивной или декларативной категорией, она предполагает активное противостояние трансляции иного типа воздействия. То есть приоритетность книги утверждается через отрицание СМИ. В этом можно увидеть сохранившуюся древнюю традицию сакрализации письменного текста и книги, противостоящую редукции этих категорий в современном обществе.

Основная особенность ответов – это использование (или постоянное наличие) в них строгой мировоззренческой модели. Она проявляется в том, что при оценках различных объектов и явлений воплощается четкое противопоставление категорий «можно» – «нельзя», совмещенное с восприятием в качестве верховного арбитра, указывающего, что можно, а чего нельзя, категории «по вере». Эта мировоззренческая модель настолько устойчиво присутствует в сознании старообрядцев, что вызывает у различных людей структурно сходные ответы. В силу этого люди предстают как подчиненные вере, безоговорочно принимающие над собой ее закон.

На этом фоне особенно интересны случаи принятия какой-либо новации как факта, который сопровождается мотивацией «у всех есть». Такие случаи раскрывают нам вторую сторону, регулирующую жизнь старообрядца. Кроме сакральной книги, есть еще и устная трансляция знаний, устанавливающая свои законы и ставящая верующего человека в достаточно сложные условия взаимодействия одновременно с каноном и с новацией, с традицией и с современностью, с тем, чего не было вчера. Думается, что наличие второго – устного – канала трансляции информации обеспечивает динамическое развитие в общем достаточно устойчивой и консервативной системы, позволяет ей сохранять жизнеспособность и допустимую адаптивность.

Именно динамическое столкновение канона и новизны вызывают присутствие некоторых внутренних противоречий, хорошо видных, если воспринимать всю совокупность ответов в целом. Так, ответы, отрицающие СМИ и демонстрирующие общее крайне негативное отношение к ним, соседствуют с ответами, в которых присутствует терминология, которую можно почерпнуть только из СМИ. Кроме того, более благосклонное отношение к кино, чем к ТВ, накладывается на то, что основным источником кинопродукции сейчас является именно ТВ. Но эти противоречия как раз и отражают динамическое соединение запрета и его разумного нарушения. Особенно хорошо это видно на примере ответов про автомобили.

Система осознанно используемых и пропагандируемых старообрядцами запретов, регулирующих жизнь и контакты с информационными потоками, может восприниматься по-разному. В них можно усмотреть религиозный фанатизм, наивную страусиную позицию или слепое следование отжившему свой век канону. Их можно интерпретировать как совокупность разумных ограничений, обеспечивающих чистоту душу для догматов веры и стимулирующих духовные поиски только в определенном направлении, без распыления на суетные мелочи и преходящие категории. Но в ином преломлении их же можно воспринимать как эффективные способы ограждения себя от влияния чуждой или вредной информационной среды, как способы сохранения своего «я», принадлежащего к коллективному «мы», но не растворяющегося в массовом «мы».

При этом любопытно наблюдать, как с изменением возраста повышается степень открытости и восприимчивости при сохранении общего подхода, единой оценки и подспудного признания того, что относительная замкнутость, которая с приближением к молодым поколениям уменьшается, может быть, очень полезна для жизни.

Естественно, крайние варианты ответов, вызванные когда-то реальной необходимостью и обоснованные историческими условиями существования, в частности стремлением противостоять напору чуждого влияния и уберечь себя от греховных соблазнов, могут быть приемлемы только для религиозного аскета. Для человека, живущего в мире, они непродуктивны. Но в них есть рациональное зерно. Охарактеризуем его.

Умение организовать собственное коммуникативное пространство – черта, без которой человеку в современном мире не выжить или, выжив, не сохранить своего человеческого лица и адекватности. Без этого умения он окажется рабом массовой культуры, продуктом реалитишоу, рекламных роликов, попсы и постоянно тиражируемых новостными программами страхов, то есть доминирующего в СМИ информационного потока. Он будет смотреть на жизнь глазами подставных персонажей токшоу и принимать решения, подобные тем, что придумывают сценаристы, готовя недоброкачественное телевизионное варево. Он будет воспринимать реальность через лживую завесу тиражируемых образов. Он будет жить навязанными ценностями и симулируемыми переживаниями.

Старообрядцы учат нас организовать коммуникативное пространство так, чтобы снизить проникновение в сознание нежелательного шума, обезопасить себя, дать себе возможность целенаправленного выбора. А это возможно только при разумном отборе информации, при обращении к тишине, при установлении разумных ограничений и при трансформации человека из тотального всеядного потребителя информации в избирательного потребителя, то есть в такое существо, которое способно самостоятельно определять, к какому информационному потоку следует обращаться, а к какому нет.

Уверен, что к этой стороне их воззрений следует прислушаться. Сохранить себя (свое человеческое я) можно, только если научишься регулировать собственное коммуникативное пространство, то есть устанавливать разумные преграды и ограничения для возможного проникновения в это пространство нежелательных элементов. Это один из уроков старообрядцев.

Николаевск-на-Амуре. Церковь и церковноприходская школа. Середина XIX в.

ЗНАКИ И СИМВОЛЫ НАШЕЙ ИСТОРИИ

«Прости, Анадырь, не поминай меня лихом и хоть иногда вспомни добром»

Н. Л. Гондатти. Конец XIX в. Фотография публикуется впервые

Нина ДУБИНИНА,
доктор исторических наук, профессор Хабаровского государственного гуманитарного университета

Хабаровск

Десять лет назад, когда вышла книжка о последнем генерал-губернаторе и первом гражданском начальнике Приамурского края – Н.Л. Гондатти,[1] невозможно было предположить, что она станет магнитом притяжения многих новых документов, в том числе и фото, интересных свидетельств и воспоминаний, более того, поможет обнаружить круг лиц, помнящих Николая Львовича. Как всего этого жутко не хватало, когда писалась книга. Может, слишком рано она появилась на свет божий? С другой стороны, если бы книги не было, каким образом эти тоненькие ручейки памяти из разных мест и с разных континентов смогли бы встретиться, соединиться, материализоваться в новое знание о Н.Л. Гондатти.

Так, в селе Ивановка (Амурская область) был обнаружен отчет о работе сельской библиотеки имени Гондатти за 1914–1916 гг., в котором говорилось, что на пожертвованные главным начальником деньги были куплены книги для детей. Оказалось, что горожане Свободного бережно хранят память о Гондатти как основателе своего города. А историк и архитектор С.С. Левошко обнаружила в архиве планы постройки Алексеевска (так тогда назывался Свободный) и приморского курортного поселка Сад-города с пометками и подписью Гондатти. Бесценные воспоминания внучки Николая Львовича – Е.С. Бариновой (Мелквист), которая, как и его правнук Марк Барбелюк, живет в Австралии, а также Г.Н. Кирпатовской, дочери Н.И. Ландышева, близкого Гондатти человека, и С.И. Елисафенко (г. Красноярск) пролили свет на неизвестные факты семейной жизни Гондатти, поведали о его родных, друзьях и близких. Из Новосибирска пришло известие, что с Н.Л. Гондатти начинается современная галерея почетных граждан города, а из Тюмени – о создании о нем фильма. В результате портрет Н.Л. Гондатти в интерьере исторического времени приобрел четкие, ясные и более обаятельные черты.

И вот новая удача, новый случай притяжения – в Гродековский музей поступили копии документов о пребывании Н.Л. Гондатти на Чукотке. Их любезно предоставил музейный центр Чукотского автономного округа «Наследие Чукотки», который получил часть архива Н.Л. Гондатти в 1992 г. от вдовы В.С. Старикова – бывшего харбинца, доктора исторических наук.[2] Это 442 страницы рукописного текста, написанного рукою Гондатти во время пребывания его на Чукотке в конце позапрошлого века!

Почему молодой, вполне успешный, подававший большие надежды ученый, активный член нескольких российских научных обществ, побывавший во многих странах мира, дал согласие перейти на государственную службу в качестве управляющего самой удаленной от центра, самой северной Анадырской округой? К тому же, не было секретом, что прежний управляющий не выдержал испытаний холодом, голодом, и главное – одиночеством, и через год

ДУБИНИНА Нина Ивановна, доктор исторических наук, профессор Дальневосточного государственного гуманитарного университета. Автор нескольких книг по истории Дальнего Востока, среди которых «Приамурский генерал-губернатор Н.А. Гондатти» и «Приамурский генерал-губернатор Н.И. Гродеков».

скончался. Конечно же, не деньги, не карьера, а исключительно научный интерес подвиг молодого москвича согласиться на предложение приамурского генерал-губернатора Духовского отправиться действительно на край света. В это время выпускник естественноисторического отделения МГУ Гондатти с интересом занимался этнографией и антропологией, имел опыт проведения двух экспедиций на севере Урала и Сибири, где он исследовал культуру остяков (хантов) и зырян (коми), передал значительную коллекцию разнообразных материалов в музеи, о результатах исследований опубликовал статьи. Поэтому согласие Гондатти на два года стать начальником Анадырской округи, где проживали малоизвестные аборигенные племена, выглядело вполне логичным поступком, хотя многим и казавшимся экстравагантным. Вместо двух лет он по собственному желанию прожил на Чукотке три года (1894–1897).

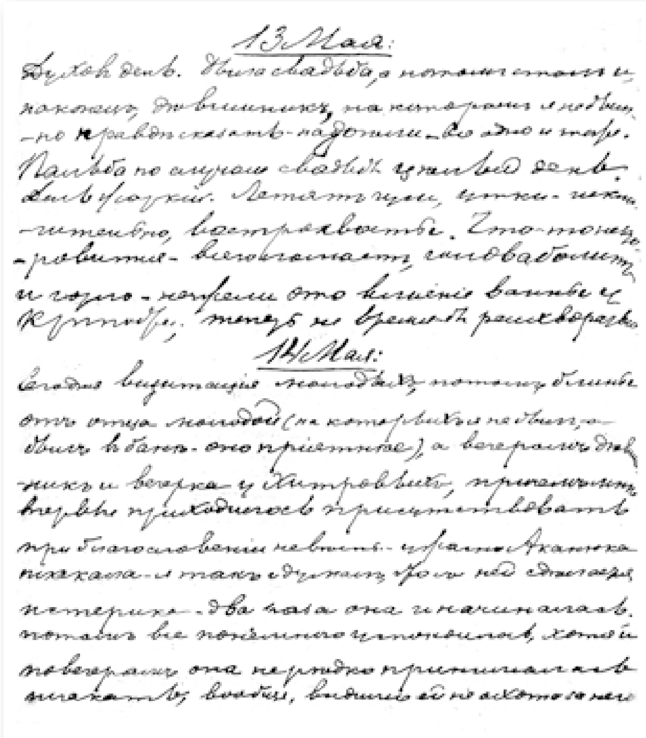
Н.Л. Гондатти следующим образом дал краткое этнодемографическое описание тогдашней Анадырской округи, образованной в 1888 г. и включавшей Чукотский полуостров и систему реки Анадырь: «Это громадное пространство, обитаемое, главным образом, кочевниками-оленеводами: чукчами, ламутами, чуванцами и только по берегам Ледовитого и Великого океанов и по реке Анадырь есть сидячие, причем по побережью Ледовитого океана живут чукчи, Великого – чукчи и эскимосские народности, а по Анадырю кроме полуобрусевших чукчей обитают и совершенно обрусевшие инородцы, забывшие даже свой родной язык – чуванцы, юкагиры и ламуты, переселившиеся сюда из Колымского края лет 30–60 и более тому назад, где жили отчасти оседло, а отчасти кочевали со стадами оленей… Кроме того, есть еще несколько семей из русских (помимо служащих) – мещане и крестьяне, переселившиеся сюда из Гижиги в первой половине текущего столетия и живущие теперь почти исключительно в селе Марково, являющемся местным административным и торговым центром».

По данным Гондатти, в Марково насчитывалось более трехсот постоянных жителей, состоявших из чуванцев, юкагиров, ламутов, чукчей и около 70 русских.

На характер деятельности Гондатти, на его взаимоотношения с аборигенным населением яркий свет проливает дневник Николая Львовича, являющийся самой значительной частью чукотского архива – более 280 страниц.

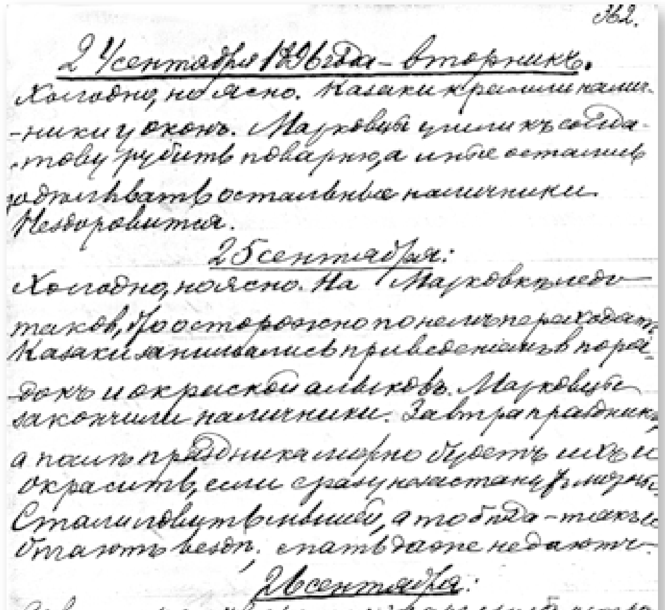
Он вел дневниковые записи ежедневно. Как правило, начинал с описания погоды, фиксировал изменения, которые происходили в природе, писал о своих административных делах, о встречах, о поездках, об охоте, о своих наблюдениях и впечатлениях. Дневник с большой долей достоверности может помочь реконструировать довольно полно жизнь и деятельность Гондатти на Чукотке. Но прочтение дневника потребует немало времени и терпения, к тому же, к сожалению, он представлен не полностью, а начинается с 287-й страницы, датированной 7 мая 1896 года.

Что же это был за день в жизни Николая Львовича, «начальника Чукотки», чем был озабочен он, какие распоряжения делал, чем был занят? Первая же фраза: «Прекрасный день – сильно таяло, стали обнаруживаться проталины, а также и те ямы, которыми обладает в изобилии моя столица… Много пролетает гусей и лебедей…» – выдает в нем оптимистическую натуру, черпающую в природе вдохновение и умеющую с юмором взглянуть на окружающий мир. Днем по распоряжению начальника


13 Мая:

14 Мая:

мужчины перетащили «всю флотилию к церкви и поставили так, чтобы удобно было конопатить, смолить и красить… Хочу устроить хорошие вешала для рыбы, чтобы у каждого общества были свои, пригодятся». В связи с этим начальник дал задания старостам. Когда Гондатти уже лег спать, к нему прибежали за помощью – девочка выпила скипидар. Ей он смог помочь, а вот другая больная тяжелая. Велел отделить от нее других детей, «а то чего доброго все перехворают, особенно теперь, везде вода, солнце, дети бегают, дома не удержишь, ноги промочат и был таков. Не дай бог эпидемия – приму драконовские меры».


362.

24 сентября 1896 года – вторник.

25 сентября:

26 сентября:

Дневник Н.Л. Гондатти. Тетр. № 29 16 листов.

Ольга и Татьяна, дочери Н.Л. Гондатти. 2-я половина 1920-х гг.

Маргарита Мечиславовна, жена Н.Л. Гондатти

Серафим Баринов, сын Н.Л. Гондатти

Дочери Н.Л. Гондатти Ольга и Татьяна. Хабаровск. Начало XX в.

Серьезным нововведением явилась организация Гондатти торжков, на которые съезжались со своим товаром охотники и оленеводы ближних и дальних поселений. Популярным торжком являлся Марковский. Вот описание Гондатти прибытия на него ламутов (запись 25 февраля 1897 г.).

«Утром был полный дом ламутов… Чаепитие продолжалось целый день… Вчера и сегодня Павел (фамилия неразборчива. – Н.Д.) рассказывал сказки. Вчера про какого-то царевича Александра, а сегодня про Конька-Горбунка, так и дует стихами – все на память; говорит: «Я давно читал и только раз и уже лет 6 не рассказывал». Удивительная память, слушают все со вниманием – поддакивают и восклицаниями выражают свое удивление, восхищение или негодование».

Вникнуть в научную лабораторию Гондатти помогают три тетради, озаглавленные автором «книгами». Эти «книги» на 34 страницах содержат антропологические исследования 97 жителей поста Ново-Мариинска, которые Николай Львович проводил в течение почти двух лет – с 21 августа 1894 г. по 19 июня 1896 г. Записи сделаны в соответствии с единой схемой: сначала обозначалось имя исследуемого, количество лет, пол, племя, занятие, затем шло словесное описание лба, затылка, лица, носа, цвета глаз и кожи. При этом исследователь вносил и дополнительные описания. Например, нередко встречается упоминание о татуировке лица. Измерения касались длины и ширины лица, окружности головы, роста, объема груди – всего велись по восьми позициям.

К этим же материалам относится тетрадь из 26 страниц с данными о населении села Усть-Белая и прилегающих мест, с приложениями, составленными Гондатти в 1895–1896 гг. В тетради содержится краткая история каждого рода и места расселения, описание ламутов, пришедших на ярмарку в 1896 г., исчисление месяцев у ламутов по частям руки, указание о том, что и в какое время они делали в хозяйстве, а также название частей ламутской одежды. В другой тетради имеются некоторые данные, характеризовавшие историю и жителей поста Ново-Мариинска, историю заселения чукотского поселка Въен. Особое внимание исследователя привлекло развитие промыслов, описаны погребальные обряды, имеются общие характеристики сидячих и оленных (кочевых) чукчей, а также есть сведения о появлении в этих местах американцев.

В коллекцию документов вошли также отрывки из путевых заметок Н.Л. Гондатти, отдельные из них листики (всего 34 страницы). В этих заметках описание погребального обряда, представления аборигенов об умерших, генеалогия нескольких родов, о действиях англичан в Наукане, информация о промысле китов и торговле в этом поселении. В листке, датированном 1897 г., Гондатти записал сведения о многоженстве у аборигенов, об обряде встречи гостей. Имеется список чукотских и эскимосских поселений с указанием количества юрт в каждом. Хотя эти данные отрывочные, тем не менее они дают представление о том, что интересовало исследователя Н.Л. Гондатти, и в каких направлениях он вел поиск и сбор данных.

Архив предоставляет возможность воссоздать образ чуванца Афанасия Ермиловича Дьячкова, которого высоко ценил Гондатти. Это был самоучка-учитель, служитель метеорологической станции, исключительно скромный человек, обладавший необыкновенной любознательностью. А еще Дьячков являлся первым историком своего

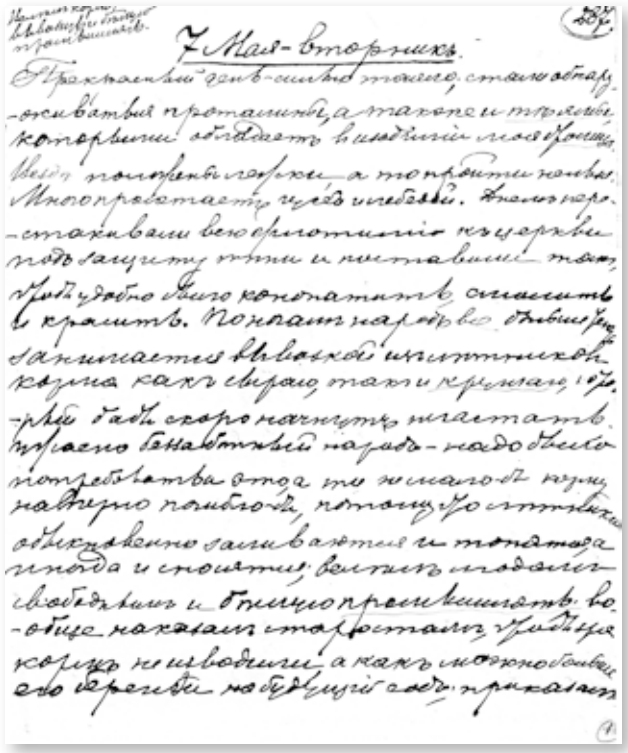
края – им была написана рукопись «Анадырский край», неизвестно кем привезенная во Владивосток и опубликованная в 1893 г. в Записках Общества изучения Амурского края. По представлению действительного члена ИРГО С.О. Макарова (можно предположить, Степана Осиповича Макарова – будущего адмирала) за этот труд совет ИРГО присудил А.Е. Дьячкову серебряную медаль «За полезный труд»[3]. Эту медаль и 200 рублей в присутствии всех жителей села Марково начальник округи Н.Л. Гондатти вручил Афанасию Ермиловичу 30 ноября 1895 г. Марковцы уважительно называли Дьячкова «наш сочинитель». На нем одном держалась церковно-приходская школа в Маркове – единственная в округе. А детей в ней ежегодно училось немало – доходило до пятидесяти.

Из копии письма Н.Л. Гондатти в С.-Петербургский комитет грамотности о школе в Анадырской округе от 1 сентября 1895 г.: «Учителем состоит полуграмотный самоучка – обруселый чуванец, который все свое время уделяет обучению детей и несмотря на свои небольшие познания, все-таки обучает детей читать и немного писать и считать, так что только благодаря его стараниям и любви к делу почти во всякой семье есть кто-нибудь грамотный. К сожалению, за отсутствием книг для чтения некоторые обучавшиеся почти все забыли».

В своем дневнике 30 мая 1896 г. Гондатти сделал следующую запись: «Сегодня все утро вплоть до обеда сидел в школе, опрашивал и малых и взрослых: читали, заставил рассказывать, делать устные легкие задачки. В общем результат ниже всякой критики. Читают иные быстро, но без всякого толку и совершенно не понимают того, что читают; да и помимо того, меня удивляет то, что дети сами по себе не развиты и многого не знают из обыденной жизни: какие растут деревья, для чего собирается мох, с какого дерева береста, чем отличается сухой корень от живого и т. д. …Непременно с будущего года раз в неделю буду ходить в школу рассказывать, читать, повторять прочитанное. …Вспомню свое преподавательство, тряхну стариной. …Может быть, удастся внедрить новый дух, вот было бы хорошо».

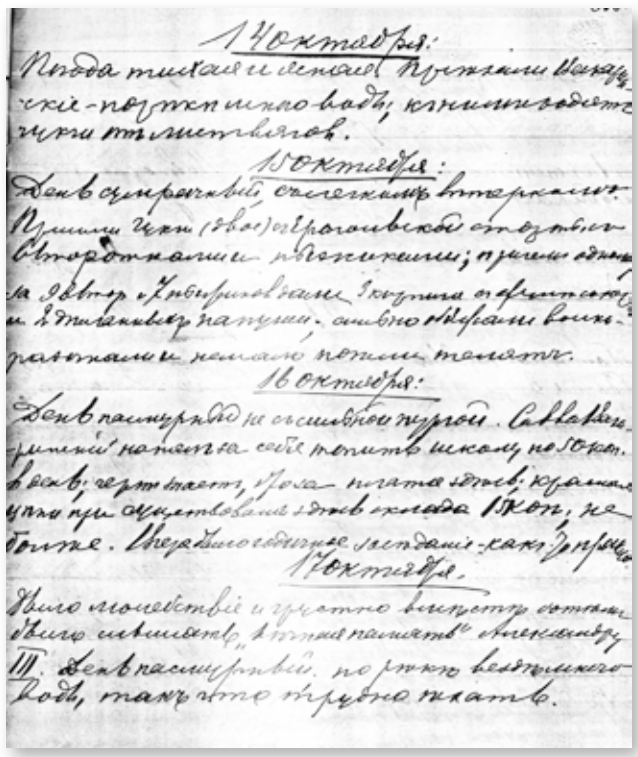
Интересную часть документов составили восемь писем Афанасия Дьячкова к Н.Л. Гондатти, написанные в 1894–1895 гг. (24 страницы). Они свидетельствуют об ужасающей нищете, в которой жил этот удивительный человек. Обращался он к Гондатти «Ваше Высокоблагородие», а подписывал первые письма «нижайший раб А. Дьячков», «покорный Ваш раб А. Дьячков». Потом появилась формула «Навсегда преданный Вам чуванец А. Дьячков» или просто «чуванец А. Дьячков». Очевидно, эти изменения произошли не без влияния Николая Львовича. В письме 29 декабря 1894 г. Афанасий обратился к начальнику за советом. Вследствие трудного материального положения семьи он намеревался обратиться к церковному причту с просьбой выдать ему денег в размере трех- или четырехмесячного пособия за работу в школе. «А если мое намерение окажется несогласным с Вашим мнением, тогда я намерение свое отложу и терпеливо буду бороться с семейной нуждою и выполнять требуемые законом обязанности», – написал он.

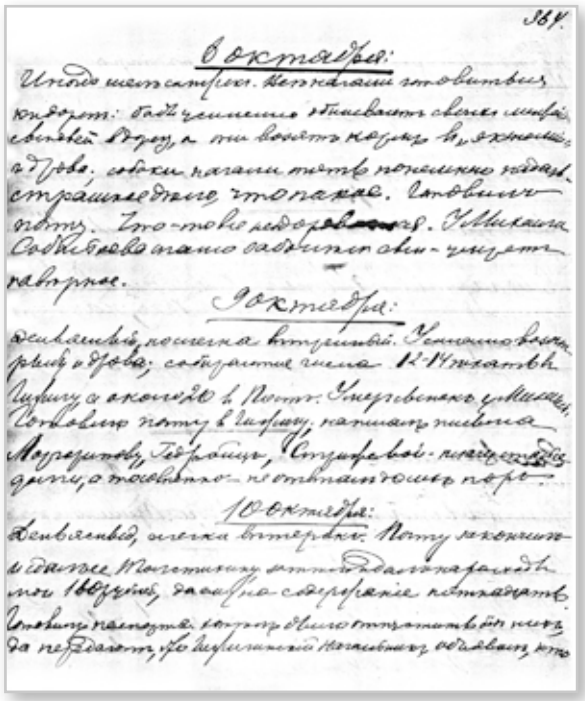
Письмо, датированное 19 марта – 15 июня 1895 г., представляет собой мини-дневник. Автор описал приезд в Марково гижигинского врача Любимова, обнаружившего болезнь глаз у Афанасия и давшего совет запросить денег (жалованье) у обсерватории за ведение им метеорологических наблюдений для лечения глаз. Посетил село

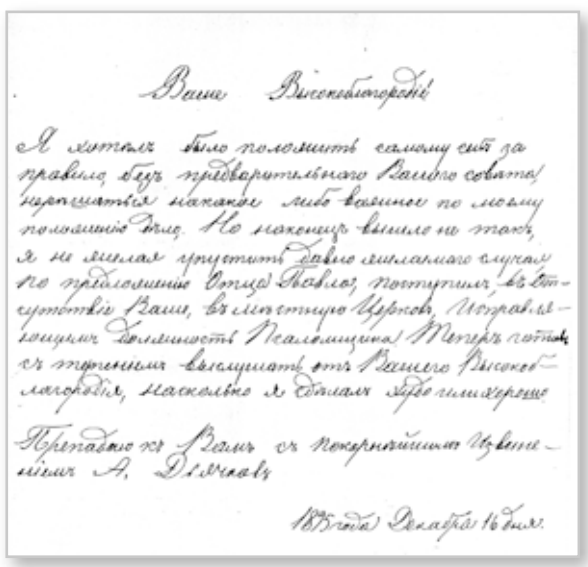


и петропавловский священник Павел Донской, который «обозрел церковь» и обратился с просьбой к Афанасию не бросать преподавание в школе и дал 50 руб. на починку дома, в котором находилась школа.

В письме содержалась просьба о присылке продуктов. «Нижайше осмеливаюсь просить Ваше Высокоблагородие, если окажется возможным, пошлите мне: 5–10 кирпичей чаю, столько же и сахару, одну банку керосину, свечей, 2 пачки спичек, фитиль для лампы». Есть в письме признание в особых чувствах к Гондатти. «Ваше Высокоблагородие, приезжайте к нам, как можно скорее. Когда Вы







отбыли из Марково, тогда сделалось как бы пусто … Особенно я настолько обласкан с Вашей стороны, что даже в отсутствие Ваше как-то мне становится иногда скучно».

Дьячков сообщил Николаю Львовичу, что отправил ему стрелы и лук, которые изготовил сам из дерева, привезенного по заказу издалека, а также несколько своих тетрадей с заметками на его усмотрение.

В других письмах он сообщал о ведении им метеорологических наблюдениий и состоянии дел на станции, о начале нового учебного года в школе. «Учение началось во вторник 3 октября, – писал он 19 октября 1895 г. – Учащихся собралось 21 мальчик, 23 девочки. Главный недостаток… азбуками я пользуюсь старыми обрывками».

Не менее интересной частью архива являются вопросы Афанасия Дьячкова к Н.Л. Гондатти. «Нижепоименные случаи, требующие объяснения», – писал он. В первую очередь вопросы касались ведения Афанасием метеорологических наблюдений на станции, работы с инструментами, явлений природы, изменений погоды, определении ветра по флюгеру, о солнце и луне, о работе обсерваторий, об электричестве, «что называется газом». Дьячкова интересовали вопросы о государственном общественно-политическом устройстве, о значении государственного флага и его использовании частными лицами, об императорской семье, о ее быте, о приамурском генерал-губернаторе, о самых больших на свете городах, о богатстве русского казначейства, о железной дороге Владивосток – С-Петербург. У автора было желание узнать биографию Н.Л. Гондатти.

Большая группа вопросов была о здоровье человека, о болезнях и их лечении, что вредно, а что полезно человеку, о некоторых методах лечения. Несколько вопросов касалось пьянства: как смотреть на пьянство, когда наступает ответственность перед законом, какова причина должна быть для запрещения пьянства, почему закон не запрещает производство спирта. Также Дьячков сообщал о необходимости иметь хотя бы небольшую аптечку, ввиду отсутствия врачебной помощи в Марково.

Были вопросы, которые можно условно назвать правовыми, особенно касавшиеся семейных взаимоотношений. Дьячков спрашивал о свадебном сговоре, о «мене собаками или вещами», «кто виноват, если чужая собака съела невод», об оплате за работу на неводе по найму, о разделе детей, имущества, об обязанностях жены, мужа, родителей, детей, какие действия признаются подстрекательством, о решении споров в социально-правовой сфере жизни, семейных взаимоотношениях, отношениях с начальством и другом, о словесном завещании отца детям, кто не может быть свидетелем и т. д.

В доме Н.Л. Гондатти Афанасий впервые увидел газету. В связи с этим он спрашивал: «Какая самая лучшая газета из русских изданий, можно ли ее выписать человеку небогатому?» Его интересовало, как печатают книги, как отправляются статьи для публикаций, откуда Дьячкову и за что пожалованы 200 рублей и серебряная медаль, какие сведения писать для науки полезнее об Анадырском крае, какие сведения нужны Н.Л. Гондатти. Беспокоила Дьячкова и такая сложная жизненная коллизия: «Как надо различать ябедничество и наушничество частного человека начальству от истинно добросовестного доведения до начальства каких-либо нехороших беспорядков в кругу своих единоземцев».

Скорее всего Николай Львович отвечал на вопросы Дьячкова устно при встрече с ним.

3 августа 1897 г. Н.Л. Гондатти записал в дневнике: «Прости, Анадырь, не поминай меня лихом и хоть иногда вспомни добром. Проводы были трогательными – многие плакали неподдельными слезами, целовали руки и кланялись в ноги. Думаю, что было искренне, хотя и под впечатлением момента». Затем он описал, как шла погрузка на пароход, как собрались и русские, и чукчи, состоялся благодарственный молебен, после которого Гондатти поблагодарил присутствующих, всех марковцев. Выступавшие говорили, что Гондатти приехал в неустроенное место, а теперь здесь порядок, справедливость, зажиточность, и что память об этом сохранится не только у живущих, но и у детей и внуков.

Административная и научная деятельность Н.Л. Гондатти на Чукотке была высоко оценена современниками.

Хабаровский журналист А.П. Сильницкий четко выделил две ипостаси Гондатти – администратора и ученого[4]. Своим гуманным, справедливым отношением к жителям Чукотки администратор Гондатти высоко поднял авторитет представителя царской власти и содействовал ее признанию населением. Сообщая о том, что начальник послал генерал-губернатору девять мешков пушнины, полученной с чукчей как ясак, он подчеркнул, что до этого народ «никогда никакого ясака не платил». Согласие чукчей платить ясак означало признание ими власти «белого царя».

Принятые Гондатти административные меры впервые были направлены против хозяйничанья американцев, в защиту интересов местного населения и России в целом. Предложения начальника округи, предназначенные для губернатора Приморской области, содержали долговременную программу развития на Чукотке российской торговли, которая была способна приносить большие дивиденды и закрепить здесь российскую власть.

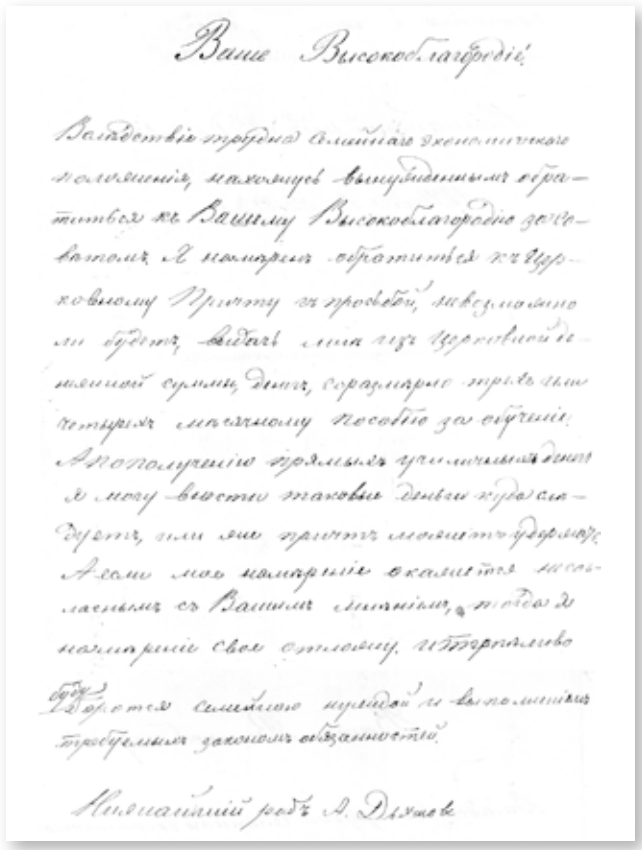
С полным основанием называя Гондатти «цивилизатором», А.П. Сильницкий писал, что ему удалось начать внедрение обычаев цивилизованных народов – лечить тяжелобольных, обращаться к гуманному и справедливому суду русского «капитана» и др. Гондатти удалось урегулировать торговлю – основу экономического благосостояния жителей округи.

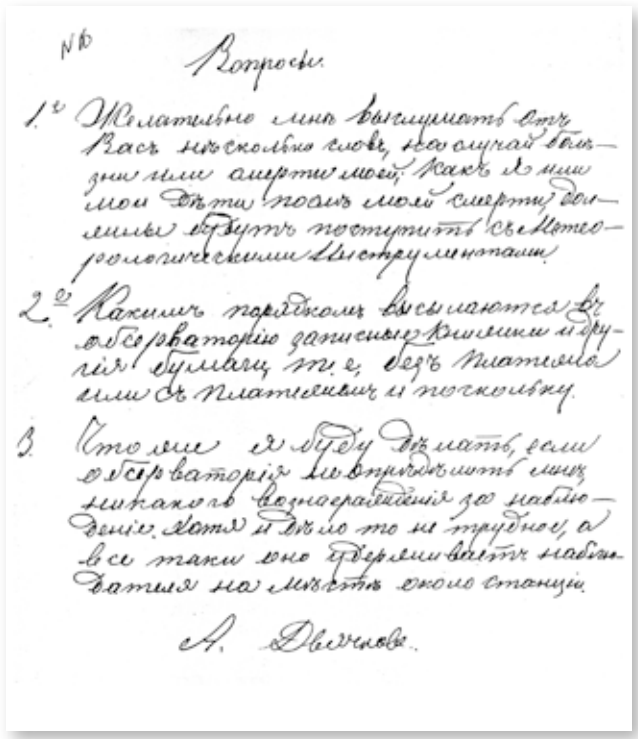
Как ученый, изучивший чукотский язык и проведший среди чукчей значительное время, Гондатти проник в тайну мировоззрения аборигенного народа, что всегда составляло задачу науки. Ученый собрал «колоссальную коллекцию черепов и различных частей скелета», имеющую значение для исследователей, собрал полную коллекцию флоры и фауны крайнего северо-востока евроазиатского континента. В музеи Владивостока, Хабаровска и Москвы он передал богатые антропологические и этнографические коллекции.

За научные труды Академия наук присудила Н.Л. Гондатти большую золотую медаль имени академика Бера. Признанием заслуг бывшего «начальника Чукотки» перед отечеством являлось награждение его орденом Св. Владимира IV степени.

Документальные материалы из музейного центра Чукотки с достоверностью раскрывают новые грани поистине подвижнической деятельности «начальника Чукотки «Н.Л. Гондатти, богатый потенциал ученого – антрополога и этнографа, который, к сожалению, не получил в дальнейшем достойной реализации.

В статье использованы фотографии из архива Е.С. Бариновой.





Примечания:

[1] Дубинина, Н. И. Приамурский генерал-губернатор Н. Л. Гондатти / Н. И. Дубинина. – Хабаровск, 1997. – С. 13–28.

[2] В Чукотском областном музее он назван архивом В. С. Старикова. В статье не даны сноски, поскольку архив находится в стадии обработки.

[3] Книга вышла с предисловием Ф. Ф. Буссе. Была переиздана почти сто лет спустя. Дьячков, А. Е. Анадырский край / А. Е. Дьячков. – Магадан : Кн. изд-во, 1992.

Жихарев Н. А. Повесть об Афанасии Дьячкове / Н. А. Жихарев. – Магадан : Кн. изд-во, 1992.

[4] Поездка в Камчатку и на р. Анадырь А. П. Сильницкого // Записки Приамурского отдела Императорского Русского географического общества. – Хабаровск, 1897. – Т. 2, вып. 3. – С. 76–77.

С мечтой о новой стране

Анна ШАВГАРОВА,
кандидат исторических наук, театровед
Хабаровск

Есть два различных подхода к определению интеллигенции. Социологи под интеллигенцией понимают социальную группу людей, профессионально занимающихся умственным трудом, высокообразованных и распространяющих знание в различных областях. Но есть и иной подход, наиболее популярный в русской философии, согласно которому к интеллигенции причисляют тех, кого можно считать нравственным эталоном общества. В частности, П.Д. Боборыкин определял интеллигенцию как лиц «высокой умственной и этической культуры», а не как «работников умственного труда».

По его мнению, интеллигенция в России – это чисто русский морально-этический феномен. К интеллигенции в этом понимании относятся люди разных профессиональных групп, принадлежащие к разным политическим движениям, но имеющие общую духовно-нравственную основу. В русской дореволюционной культуре в трактовке понятия «интеллигенция» критерий занятий умственным трудом отошел на задний план. Главными признаками российского интеллигента стали выступать черты социального мессианства: озабоченность судьбами Отечества (гражданская ответственность); стремление к социальной критике, к борьбе с тем, что мешает национальному развитию (роль носителя общественной совести); способность нравственно сопереживать «униженным и оскорбленным» (чувство моральной сопричастности).

Подобная трактовка понятия «интеллигенция» нам ближе и позволяет заявить проблему идентификации дальневосточной интеллигенции, попытаться начать исследовать ее в историческом аспекте, для того чтобы выявить роль интеллигенции в формировании духовно-нравственной среды Дальнего Востока.

ШАВГАРОВА Анна Владимировна, кандидат исторических наук, театровед. Окончила Хабаровский государственный институт культуры и Санкт-Петербургский государственный институт театра, музыки и кинематографии им. Н.К. Черкасова.

Научные интересы: история культуры России, история провинциального российского театра, история дальневосточного театра от зарождения до наших дней, художественная интеллигенция Дальнего Востока

Латинское слово [identificare] означает отождествление; установление совпадения чего-либо с чем-либо. Следовательно, задачей данной статьи является выявления идентичности или различности интеллигенции российской и интеллигенции дальневосточной.

Полагаю, нетрудно будет доказать, что первопроходцами Дальнего Востока были поистине лучшие люди своего времени. Первый в этом ряду – граф Н.Н. Муравьев-Амурский, генерал-губернатор Восточной Сибири (1847–1861). Идея освоения нового края, вера в возможность нравственного социального устройства руководили Муравьевым-Амурским в его энергичной деятельности по созданию новых поселений на Амуре. Возникали города, требовались смелые, самоотверженные люди, которые избрали бы местом своей службы Дальний Восток. Отправляясь на далекую окраину, административная и техническая интеллигенция надеялась, что постепенное реформирование и их самоотверженный труд могут дать плодотворные результаты, то есть для интеллигенции Дальний Восток виделся воплощением мечты о стране свободных людей. Идея бескорыстного служения России, интерес к новому краю сплотили пионеров далекой окраины.

Подобные мысли содержатся в трудах, переписке, высказываниях Н. Муравьева-Амурского, Г. Невельского, С. Духовского и других подвижников края, занимавших высокие посты, должных личным примером служить Отечеству. Но, на наш взгляд, показательными будут строчки дневника Р. Фриессе – одной из обычных женщин, типичной из пионеров-дальневосточников. Прибыв в 1872 г. в Хабаровку, к месту службы мужа – военного инженера, она записала: «Родные находили безумием с нашей стороны пускаться в странствование в неизвес-

тный, далекий край, но мы ничего не боялись, молодость любит неизведанное. Я недавно окончила институт: в моих ушах еще звучали напутственные слова воспитательниц: «Сейте разумное, доброе…». И вот я мечтала заняться этим в новом крае, о котором ничего не знала, кроме того, что он новый, и каждый обязан по мере сил трудиться на его пользу»[1].

Эта мысль подчеркивает, что уже пионеры-дальневосточники сохранили родовые черты российской интеллигенции: общественное служение и гражданская ответственность.

Возможно ли было для дальневосточной интеллигенции, оторванной от общественной жизни Европейской России, выполнять роль носителя общественной совести, критиковать политику государства?

Хрестоматийно известно, что А.П. Чехова поразила обстановка в Приамурском крае: «А какой либерализм! Ах, какой либерализм! …Здесь не боятся говорить громко. Арестовывать здесь некому и ссылать некуда, либеральничай, сколько влезет. Я в Амур влюблен; охотно пожил бы на нем года два… Последний ссыльный дышит на Амуре легче, чем первый генерал в России»[2]. Ему словно вторит Р. Фриессе: «…свобода у нас была полная: свобода слова – говори что хочешь, никто тебе не мешает, свободы печати не было, потому что вообще никакой печати не было. Свобода совести была, … вообще никто не придавал значения национальности и религии, …лишь бы был хороший человек. …живя бок о бок, люди прекрасно узнавали друг друга, сближались без всяких материальных расчетов…»[3].

Можно предположить, что именно оторванность от Европейской России позволяла «либеральничать», а тяжелые условия заставляли сплачиваться, и «общественной совестью» это трудно назвать. Но, полагая в числе важнейших социальных ценностей Свободу; нарождающаяся дальневосточная интеллигенция (пусть без прямой критики или антиправительственной борьбы) идентифицировала свои устремления с главными чертами российской интеллигенции. Именно потребность преобразовывать общество выдвинула в это время (1860–1890-е гг.) ряд подвижников из различных сфер общественно-культурной жизни, влиявших на формирование общественной жизни, культурной среды Дальнего Востока.

Приезжавшие русские люди стремились обустроить свою жизнь по-российски. Селения начинались с церквей, для них необходимы были священнослужители. Только с 1860 по 1886 г. количество школ в Приамурском крае увеличилось с 40 до 52. В 1890-е гг. в крае появились специальные учебные заведения, это требовало притока профессиональных педагогов. С конца 60-х гг. XIX в. в крае предпринимаются попытки создания собственной прессы. Организовываются научные общества по изучению края, открываются музеи. В 1880-е гг. в крае появляется организованная филантропия. В конце 1870-х гг. почти одновременно все города Дальнего Востока обзавелись общественными, военными, флотскими собраниями.

В это же время зарождается музыкальная и театральная культура, делают первые шаги дальневосточное изобразительное искусство и архитектура. Поистине передовые личности в каждой из этих отраслей прилагали свои усилия для развития края. Их деятельность способствовала объединению людей на далекой окраине, как нельзя лучше отвечала желанию дальневосточной интеллигенции построить «новую страну» свободных людей и разумного общества. Многие из представителей интеллигенции, сознательно посвящали себя служению одному из самых отдаленных уголков провинциальной России, то есть оставались в этом крае после окончания срока службы.

Следующую типичную черту российской интеллигенции – способность нравственно сопереживать, откликаться на проблемы современные и рассматривать их в русле вечных ценностей, плодотворно было бы рассмотреть на примерах профессионального искусства. Ведь именно в литературе, театральном репертуаре данные проблемы получают непосредственное отражение, музыка, изобразительное искусство и архитектура отражают их опосредованно.

Рамки статьи не позволяют нам привести масштабных примеров, но следует сказать в самых общих чертах: на страницах дальневосточных газет обсуждались такие же насущные, как для Европейской России, темы. Дальневосточники читали те же новинки литературы, на театральных подмостках шел общероссийский репертуар, в музыкальных залах звучали типичные для всей России произведения…

Безусловно, существовали и дальневосточные отличия; так, в театральном репертуаре конца XIX в. на дальневосточных сценах отмечается низкое количество пьес современных российских драматургов с ведущей темой буржуазного хищничества и извращения нравственности. Вероятно, незаинтересованность дальневосточного зрителя подобными темами объясняется тем, что Дальний Восток в конце XIX в. только входил в общероссийскую капиталистическую систему. Следующее отличие охарактеризовал театральный деятель того времени В. Тальзатти: «…оперетка не дошла в Сибири до такой степени опошления, как это замечается у нас, в столицах и больших провинциальных городах»[4]. В целом дальневосточный зритель в оперетте ценил прежде всего прелести жанра: музыкальность, легкость, условность, доступность, комический оттенок.

Одним из самых репертуарных драматургов Европейской России в 1870–1890-е гг., был А.Н. Островский. А в репертуаре первых театральных сезонов в городах Дальнего Востока представлено слишком малое количество пьес великого русского драматурга. Чехов писал после путешествия на Амур: «Мне все время казалось, что склад нашей русской жизни совершенно чужд коренным амурцам, что Пушкин и Гоголь тут непонятны и потому не нужны, наша история скучна, и мы, приезжие из России, кажемся иностранцами»[5]. Тем самым А.П. Чехов подчеркивал различность в восприятии искусства россиянином и дальневосточником.

В этой публикации рассмотрен достаточно короткий хронологический отрезок истории Дальнего Востока и формирования дальневосточной интеллигенции, но уже на этом примере можно сделать вывод, что нарождавшаяся дальневосточная интеллигенция полностью соотносила себя с лучшими представителями российской интеллигенции, начали проявляться и собственно дальневосточные особенности.

---

[1] Р. Ф. /Фриессе/ Воспоминания из жизни на Амуре // Русская старина. – 1907. – Т. 129, № 3, март. – С. 557.

[2] Чехов, А. П. Полн. собр. соч. и писем / А. П. Чехов. – М., 1975. – Т. 14–15. – С. 27.

[3] Р. Ф. /Фриессе/ Указ. соч. – С. 650.

[4] Тальзатти, В. Театральное дело в Сибири / В. Тальзатти // Театр и искусство. – 1897. – № 32, авг. – С. 574.

5 Чехов А.П. Указ. соч. – С. 28.

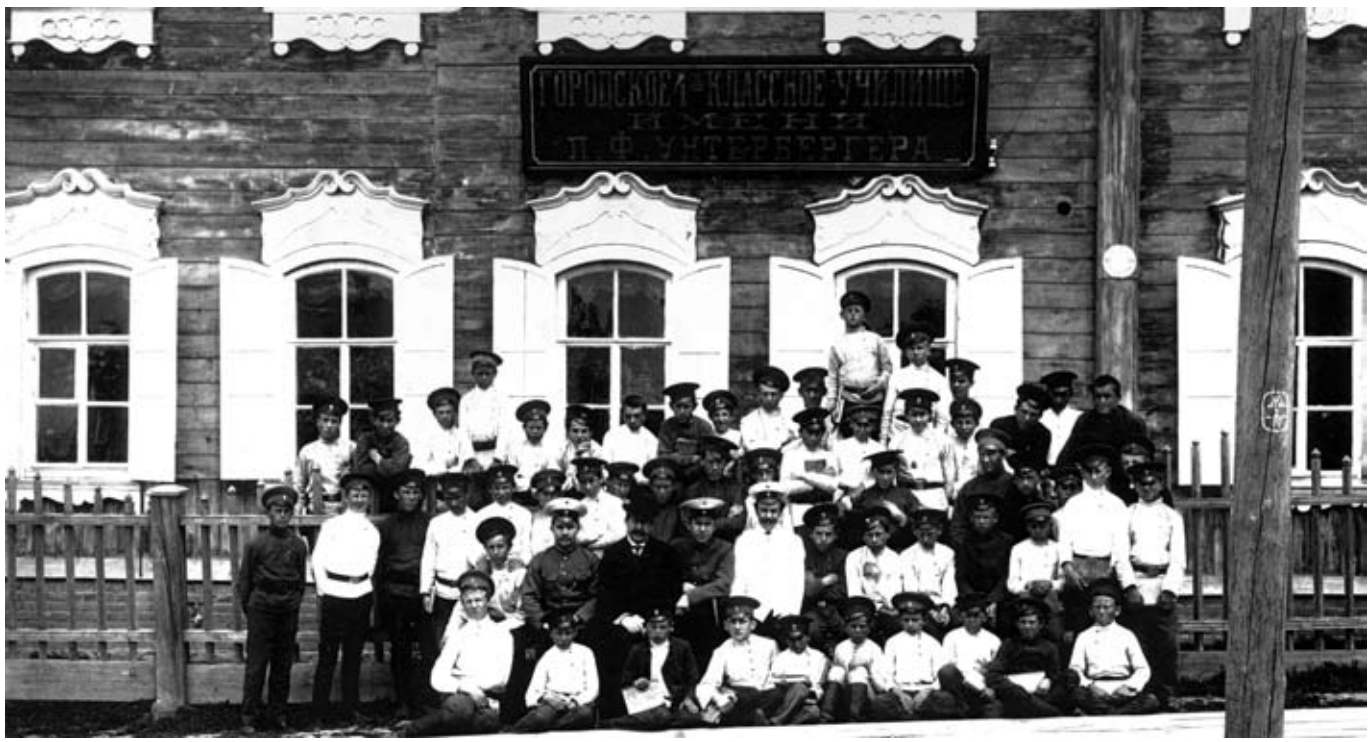
Георгий УШАКОВ. Отодвинуть край света

Его именем названы села, реки, горные вершины, остров в Карском море, океанские лайнеры. И только малая родина долго хранила молчание о сыне, некогда покинувшем ее колыбель. Но как земля время от времени обнаруживает в своих недрах и выбрасывает на поверхность осколки драгоценных пород, так и жизнь открывает и высвечивает имена людей, много потрудившихся для ее прославления.

Светлана ФУРСОВА
Хабаровск

Так, несколько лет назад в селе Лазарево Ленинского района ЕАО открыли мемориальную доску в честь славного земляка – почетного полярника СССР, доктора географических наук, орденоносца, действительного члена Русского географического общества Георгия Алексеевича Ушакова. В областном краеведческом музее Биробиджана появилась экспозиция, посвященная знаменитому полярнику. А в середине 2000 года в Биробиджан на мероприятия, связанные с празднованием Дня города и столетием Ушакова, приезжала из Москвы его дочь – Маола Георгиевна. Но прежде чем принять участие в торжествах, она побывала в Хабаровске и посетила музей средней школы № 35, где усилиями учащихся-краеведов и их руководителя Тамары Георгиевны Никульниковой собраны и хранятся наиболее полные сведения о жизни и деятельности Георгия Ушакова. В стенах этой школы, бывшей некогда Унтербергеровским училищем, с 1912 по 1916 годы обучался Георгий Ушаков, о чем свидетельствует мемориальная доска, открытая в 1987 году.

Когда читаешь строки документов из биографии Ушакова о его детстве, школьных годах, нелегком взрослении, задаешься вопросом: откуда в характере бедного мальчишки из глубинки эта воля, настойчивость, эта жажда знаний и упорство в



Г.А. Ушаков среди учащихся Унтербергеровского училища. 1910

достижении цели? Ведь рос он в деревне, где не только книжек, грамотных людей было раз-два и обчелся.

Как следует из выписки из метрической книги Михайло-Семеновской церкви, Георгий Алексеевич Ушаков родился в 1901 году в деревне Лазарево Хабаровского края в семье казака Амурского войска Михайло-Семеновского станичного округа Алексея Петровича Ушакова и Параскевы Лукиной.

Благодаря отцу маленький Егорка рано научился читать и уже в шесть лет ходил по поселку с книжкой, демонстрируя всем желающим свое умение – это была поэма Пушкина «Руслан и Людмила», в которой не хватало нескольких страниц.

В начальную школу мальчик пошел в селе Бабстово, но по окончании трех классов уехал в Хабаровск, где поступил учиться в высшее начальное училище имени Унтербергера. Ему было тогда четырнадцать лет. Чтобы иметь возможность платить за обучение, Георгию приходилось работать разносчиком газет, конторщиком, даже цирюльником. Проживал он в ночлежном доме. Так продолжалось до тех пор, пока судьба не свела его с известным исследователем Дальнего Востока Владимиром Клавдиевичем Арсеньевым. Они познакомились, когда Арсеньев покупал у него газеты. Заметив, что у мальчика большая тяга к знаниям, ученый взял его коллектором в свою партию. Об этой встрече, которая повлияла на всю дальнейшую его жизнь, Георгий Ушаков впоследствии вспоминал так: «Случай свел меня с интереснейшим человеком – самым значительным из всех, кого я видел до сих пор. Пятнадцати лет я оказался в роли полевого рабочего, или скорее мальчика на побегушках, в отряде В.К. Арсеньева, знаменитого исследователя Уссурийского края, знатока и тонкого ценителя природы, превосходного писателя. В.К. Арсеньев вытащил меня из хабаровского ночлежного дома… Целое лето я провел в тайге бок о бок с этим замечательным исследователем, учась у него разбирать сложную жизнь природы, заслушиваясь по вечерам увлекательнейшими рассказами о путешествиях».

В 1921 году Ушаков поступил во Владивостокский университет, но окончить его помешала сперва начавшаяся Гражданская война, потом действительная служба в армии.

Однако всю жизнь он упорно занимался самообразованием, изучал много специальной литературы по всем отраслям, что помогло ему стать энциклопедически грамотным и эрудированным географом-естествоиспытателем.

С 1924 года Ушаков действительный член Русского географического общества.

Маола Георгиевна Ушакова в музее школы № 35 беседует с руководителем музея Т.Г. Никульниковой и директором школы Л.Ю. Быковой

А в 1926-м его назначают начальником экспедиции по обследованию и заселению островов Северного Ледовитого океана – Врангеля и Геральд, в результате чего эти острова должны были стать частью территории, принадлежавшей нашей стране.

По сути, экспедиция 1926–1929 годов явилась первым представительством России в подобном предприятии, так как серьезное освоение Арктики в ту пору еще не началось, оно развернулось несколько лет спустя.

Но каким образом никому не известный работник дальневосточного Госторга Георгий Ушаков мог надеяться, что именно его назначат руководителем столь серьезной экспедиции, ведь у него не было ни опыта, ни специального образования? Более того, он был одним из двадцати человек, пожелавших принять участие в этом предприятии.

Хорошо понимая все это, Георгий Алексеевич пишет в конце 1925 года письмо уполномоченному Наркомвнешторга по Дальнему Востоку: «…я собираюсь отправиться на Север не ради любопытства туриста или выгод гастролера, а ставлю перед собой глубоко продуманную задачу, к решению которой веду подготовку по всем доступным мне линиям… Наш север и северо-восток не исчерпываются одной Землей Врангеля. Область потребует много сил и времени, поэтому целесообразнее послать человека, у которого жизнь впереди и которого хватит не на одну Землю Врангеля… решение мое глубоко обдумано, твердо и предопределяет план всей жизни, что заставляет меня снова обратиться к Вам с просьбой о выдвижении моей кандидатуры для работы на Земле Врангеля».

Вероятно, письмо это возымело свое действие, просьба Ушакова была удовлетворена. И вот ветреным днем 1926 года группа, состоящая из 59 человек (в основном это были дальневосточные аборигены – эскимосы, чукчи и их семьи), высадилась на

Маола Георгиевна Ушакова

У ледяной пещеры на Северной Земле

Г.А. Ушаков и Н.Н. Урванцев в майском походе 1931 года. Северная Земля

Г.А. Ушаков – автор книг «По нехоженой земле» и «Остров метелей»

Обелиск на острове Домашнем

необитаемый остров. Руководил группой 25-летний Георгий Ушаков. На плечи молодого начальника легла вся тяжесть миссии основателя первого поселения на острове Врангеля. Хладнокровный, доброжелательный, отличный стрелок, он внимательно изучал быт северян, присматривался к обычаям, охотничьему снаряжению, чем заслужил расположение северян. «Умилек», – так называли его эскимосы, и это слово на их языке означало очень многое: начальник, человек, которому доверяют, тот, кто начинает дело, стоит в начале пути.

Первая зимовка на острове Врангеля была невероятно трудной: неважный промысел, цинга и другие болезни. Стали поговаривать, что это духи не принимают экспедицию и надо уходить. К тому же, среди поселенцев был шаман Аналько, который, пользуясь трудным положением, развернул «деятельность с духами». Чтобы переломить ситуацию и вернуть доверие людей, Ушаков, будучи больным, один отправляется на промысел. Через час огромный зверь уже лежал у его ног. «Но торжествовать было еще рано, – писал он позже в своем дневнике. – Предстояло самое трудное: надо было освежевать зверя. Лежа на снегу, корчась от боли, кусая губы, чтобы удержать стон, обливаясь холодным потом и поминутно вытягиваясь во весь рост, чтобы отдохнуть, я освежевал уже коченеющую на морозе тушу медведя, втянул на нарту шкуру и немного мяса… Голова кружилась… Силы иссякали. Направив собак на пройденный след, я лег на нарту и привязал себя ремнями. Последняя мысль была о том, чтобы собаки не встретили нового медведя и не потеряли свой след…».

В результате невероятных усилий Ушакова и его ближайших помощников к 1929 году на острове был налажен промысел, исправлена и дополнена карта берегов острова Врангеля, собран большой научный материал о природе и экономических возможностях островов, об этнографических особенностях эскимосов и чукчей, об условии навигации в районе островов. На острове также была организована метеорологическая служба, впервые проведена топографическая съемка и опись острова, собраны ценные коллекции минералов и горных пород, птиц и млекопитающих, а также гербарии. Одним из первых в отечественной этнографии было проведено исследование быта и фольклора азиатских эскимосов.

Сегодня на острове Врангеля у среза берега открыта строгая стела с барельефом, посвященная отважному полярнику, с лаконичной надписью: «Первый начальник о. Врангеля. 1926–1929 гг.».

Но вернемся к тем далеким событиям. После завершения экспедиции Ушакова представляют к ордену Трудового Красного Знамени, он работает заместителем директора Арктического института в Ленинграде. Однако долго сидеть в тепле и уюте ученый не может. Где-то на карте еще есть белые пятна, ждут неизведанные земли, неоткрытые местности. Ветер странствий, ледяной, колючий, но такой родной, зовет в путь, и Арктика, полночный суровый край, снится и грезится наяву. К тому же Ушаков знает, что к северу от острова Таймыр лежит открытая в 1913 году русскими моряками Северная Земля. Открытая, но не исследованная! Три полярные экспедиции – Норденшельда, Нансена, Толля – в разные годы прошли в 20–30 километрах от Северной Земли, не заметив ее. Русская гидрографическая экспедиция Б. Вилькицкого случайно наткнулась на юго-восточную оконечность Северной Земли и нанесла на карту, очень приблизительно, 100 километров береговой линии. А России эта земля была нужна, чтобы наладить Северный морской путь, с которым связывались большие надежды.

И Ушаков предлагает снарядить небольшую, но хорошо подготовленную экспедицию с высадкой на Северную Землю по его собственному плану. Что же это за план?

Впервые в истории географии часть расходов ее начальник собирался покрыть за счет шкур «неубитых медведей», то есть будущего промысла. Мясо для собак и людей тоже решили добывать на месте – охотой. Численный состав экспедиции – всего четыре человека:

геолог и известный землепроходец Николай Николаевич Урванцев, радист Василий Ходов, 18-летний спортсмен, а также помор Сергей Прокопьевич Журавлев, полярный охотник, который провел на Севере 13 лет.

Ушаков безоговорочно отмел привычный способ передвижения по северным просторам на оленях, как это было принято, и предложил приобрести ездовых собак. Однако первую партию собак, которую ему предоставили, он забраковал – не годятся. Что делать? Тогда Ушаков дает телеграмму на родину, в Хабаровск. И вот спустя почти месяц в Архангельск прибывает специальный вагон с полусотней настоящих ездовых собак, сопровождаемый двумя невозмутимыми, как древние изваяния, нанайцами. Спасибо землякам, не подвели!

Сборы в путешествие – дело сложное. Тем более что речь идет о путешествии на землю, где практически еще никто не бывал. А если оно затянется на неопределенный срок? Девиз Ушакова: «Нужно отказаться от всего, без чего можно обойтись, и не забыть ни одной мелочи». Тем более такая «мелочь» как, например, примус может стоить жизни, если забудешь взять к нему иголки, запасной ниппель или кожаную прокладку для насоса… А одежда, а продовольствие, охотничье снаряжение! Надо торопиться.

В середине августа 1930 года ледокол «Георгий Седов» высадил отважную четверку на пустынный берег острова Домашний. Моряки помогли исследователям поставить дом, оборудовать склад и, дав прощальный гудок, ушли. На два года Ушаков и команда оказались отрезанными от Большой земли, одни на острове, где только ветер, снег, долгая полярная ночь и каждодневная работа: рейды по свирепому холоду, установка промежуточных продовольственных складов, съемка, картографирование. Помимо этого ежедневно велись подробные дневники, где описывались быт, природа, деятельность, среда обитания. Ни одного дня, проведенного впустую!

И вот результаты. Экспедиция закрепила приоритет России в первичном обследовании, картографировании и изучении этого последнего, самого крупного участка суши (37 тысяч кв. км), открытого в XX веке второго тысячелетия. А также установила факт, что Северная Земля – это обширный архипелаг, состоящий из четырех больших и множества малых островов. Тогда же исследователем была создана точная карта архипелага, что позволило осуществить первое сквозное плавание по Северному морскому пути. Эта экспедиция по своим результатам считается выдающимся предприятием XX века и заняла достойное место в истории освоения русской Арктики наряду с первооткрывателями этих земель – русскими моряками, которые в 1913–1914 годах впервые высадились на восточном берегу Северной Земли (тогда она называлась Землей Императора Николая II), расположенной севернее мыса Челюскин.

Североземельская четверка – Н.Н. Урванцев, Г.А. Ушаков, С.П. Журавлев, В.В. Ходов

Отныне имя Георгия Ушакова в ряду самых известных полярных исследователей мира. В 1933 году он был награжден орденом Ленина.

Интересный штрих. Изучая документы, связанные с исследованием Ушаковым Северной Земли, я не могла отделаться от впечатления, что нечто похожее описывал в своем романе «Два капитана» Вениамин Каверин: загадочный Север, экспедиция капитана Татаринова, открытая им земля, которую он назвал именем прекрасной женщины. Но, как мы помним, экспедиция, изначально обреченная в снегах и ледяных торосах, погибла, и первенство открытия стало принадлежать другому человеку – до тех пор, пока не были найдены место последней стоянки экспедиции и останки самого капитана, вместе с дневниками, картами и путевыми записями.

Разумеется, все описанное в романе Каверина – замечательный вымысел, однако названия земель Северной и Франца-Иосифа, имя первооткрывателя Северной Земли Б. Вилькицкого, а главное, годы, когда впервые моряки высадились на берег, вбив два столби-

Г.А. Ушаков и Н.Н. Урванцев в палатке. Перед окончанием похода в распутицу в 1931 году

О.Ю. Шмидт
и Г.А. Ушаков
в Главсевморпути

С.А. Леваневский,
Г.А. Ушаков,
М.Т. Слепнев на Аляске
в 1934 году

ка в мерзлую землю, в романе указаны достоверно. Не говоря уже о самом духе Севера, притягательном, манящем. Талант писателя, преобразив реальные события, придал им большую остроту и драматичность, что не могло не сказаться на восприятии личности вполне конкретного человека, нашего земляка, судьба которого, к счастью, оказалась не столь трагичной.

Как пишет в своей книге, посвященной Ушакову, историк и журналист Святослав Виноградов, создания первого поселения на острове Врангеля и трехлетней зимовки в тех условиях было бы достаточно, чтобы имя Георгия Ушакова навсегда осталось в истории освоения Арктики. Не говоря уже о Североземельской экспедиции.

Но после Георгий Ушаков еще работал в главном управлении Северного морского пути, руководил спасательными работами на Аляске, с его помощью было обнаружено и расшифровано белое пятно на карте между Землей Франца-Иосифа и Северной Землей, он принимал самое деятельное участие в знаменитой эпопее по спасению челюскинцев. Не правда ли, достаточно для одной человеческой жизни? И какой жизни!

С 1940 года Ушаков работал в системе Академии наук СССР, где руководил рядом экспедиций. Всего за годы работы в Арктике смелым ученым и отважным исследователем сделано более 50 географических открытий.

А в 1950 году ему была присвоена степень доктора наук без защиты диссертации. Беспрецедентный случай! Как сказал академик Владимир Афанасьевич Обручев: «Его диссертация на всех картах мира».

Ушаков – автор не только научных статей, написанных им по результатам северных экспедиций, но и книг «Робинзоны острова Врангель», «Остров метелей», «По нехоженой земле». Его талант художника-графика помогал ему в создании серии зарисовок по этнографии и метеорологическим явлениям Севера.

Когда в 1963 году отмечали 50-летие открытия Северной Земли экспедицией Б.А. Вилькицкого, Георгий Ушаков сказал о земле, лежавшей на краю света: «Каждое поколение имеет свой край света. И каждое поколение отодвигает край света все дальше и дальше. На нашу долю выпала почетная, а вместе с тем трудная задача раздвинуть рамки мира в пределах земного шара. Это в первую очередь относится к Арктике. В Арктике теперь нет точки, недоступной для человека».

Георгий Алексеевич Ушаков ушел из жизни 3 декабря 1963 года в Москве, но урна с его прахом замурована на острове Домашний, где базировалась некогда Североземельская экспедиция. Таково было его желание. Отважный исследователь Арктики хотел навсегда остаться там, где прошли самые яркие, самые трудные, но и самые насыщенные годы его жизни. Прекрасные годы открытий, путешествий, нелегких трудов, преодолений и познаний.

В статье использованы материалы музея истории школы № 35 (Хабаровск), а также книга С.Ф. Виноградова «Во льдах его дороги» (Москва: Издательство политической литературы, 1981).

Хабаровское музыкальное училище. Валентина Пономарева, слева – Григорий Иванов, в будущем директор Хабаровского музучилища, справа Эдуард Шелепов, певец. 1958

Роман с романсом – жестокий и прекрасный

Валерий ЯКОВЛЕВ
Хабаровск
Фото автора

«Я пришла к романсу не случайно, – призналась она мне позднее. – Цыганские романсы пели мои бабушка и тети – прекрасные исполнительницы. В юности их пение казалось мне скучным, я тогда больше реагировала на ритм и пульс в музыке. Потом только поняла: исполнение романса требует духовного и жизненного багажа. Но до этого предстояло прожить долгие годы…»

На втором курсе Хабаровского музыкального училища. Г. Иванов, Э.С. Красинский – преподаватель, В. Пономарева, Э. Шелепов. 1958

С Валей Пономаревой я учился в музыкальной школе, а затем в музыкальном училище. Наша дружба сохранилась на всю жизнь, мы до сих пор переписываемся. Как-то я спросил Валентину, почему Эльдар Рязанов в своем фильме «Жестокий романс» скрыл от зрителей имя певицы Пономаревой? Она ответила кратко: «Не знаю». Наверное, требовать от маститого режиссера каких-либо объяснений было бы наивно, но обида у певицы осталась. Позже Пономарева признается в этом и расскажет, что «все началось в те дни, когда на экраны вышел фильм «Жестокий романс», и почти одновременно фирма «Мелодия» выпустила пластинку с музыкой и романсами из этой картины. Тогда на Валентину Пономареву обрушился поток предложений от композиторов, авторов-исполнителей. Накапливался опыт, и певица все больше утверждалась в желании продолжить в своем творчестве судьбу «жестокого» романса.

В 1989 году вышла ее первая пластинка «А напоследок я скажу», в которую вошло 13 произведений, затем последовала пластинка

Ирина Александровна Шепеленко – концертмейстер, пианистка, работала в Хабаровском музучилище в 1950–60-е годы

Дмитрий Васильевич Пономарев. 1956

Хабаровское музучилище. Владимир Пономарев. 1957

Дом по улице Московской, где жила большая музыкальная семья Пономаревых

Музыкальное училище на картошке в селе Некрасовка, колхоз им. Ворошилова. 1958

старинных романсов и вальсов «Не пробуждай воспоминаний», немного позднее – «Романсы моих друзей» и другие грамзаписи, диски.

И все же основы основ в творчестве Валентины Пономаревой закладывались здесь, в Хабаровске, в городе моего и ее детства и юности. Вместе мы учились в музыкальной школе и музыкальном училище, но Валя изначально была обречена на успех. В ее роду все были яркими музыкантами и певцами, в моей же семье мама Шифра Наумовна занималась воспитанием троих детей, папа Данил Давидович служил офицером, участвовал в Великой Отечественной войне, где командовал зенитной батареей (его имя внесено в Книгу Памяти). Но, несмотря на такое разное происхождение, наши семьи дружили, интересы во многом совпадали.

Валя со своим родителями и братом Володей переехала в Хабаровск в 1953 году. Поселились они в просторном доме по улице Московской. Дом был неухоженным, но глава семьи превратил его практически во дворец: сделал фонтан с подсветками и цветочные газоны, посадил фруктовый сад.

С Валей мы познакомились в музыкальной школе, где я занимался по классу скрипки у ее отца Дмитрия Васильевича Пономарева. Там же учился Володя Пономарев. К слову, в нашем классе были и такие известные личности Хабаровска, как Игорь Мирный, Геннадий Павчинский, Павел Чуйко. В музыкальном училище моим педагогом вновь оказался Дмитрий Васильевич, Валентина продолжала заниматься по классу фортепиано, но вскоре перешла на вокальное отделение. Она всегда мне говорила: «Я хочу петь». Вот так все и началось.

Три года Валентина работала с джаз-оркестром под управлением А. Кроола, а потом оказалась в московском театре «Ромэн» (позднее трио «Ромэн»). Тогда начинался звездный путь популярнейшего коллектива, его гастроли по стране и за рубежом, победы в конкурсах и на фестивалях. Были и работы в кино: картины «Агония», «Чучело», «Приключения Гекльберри Финна», а также мультипликационные и научно-популярные ленты. Ну а потом, как уже говорилось, прекрасный роман с романсом, где точкой отсчета стал фильм Эльдара Рязанова.

В октябре 1995 года во Владимире прошел первый всероссийский конкурс русского и цыганского романса «Романсиада». В жюри вошли звезды романсовой эстрады, среди которых была и остается по сей день Валентина Пономарева. А в 2002 году в крупнейшем зале Москвы «Россия» состоялся юбилейный концерт певицы.

К этому моменту Валентина Пономарева, имя которой уже приобрело мировую известность, имела немало наград. В 1998 году она удостоена почетного диплома и медали Американского биографического института, ее имя занесено в «Международную книгу чести», на страницах которой представлены биографии 500 самых выдающихся людей мира. Кроме того, Международный биографический центр опубликовал биографию певицы в книге «Выдающиеся личности XX века», а также в энциклопедии «Кто есть кто в музыке». Других наград я у Пономаревой не встречал.

Впрочем, не в наградах дело. Валентина Пономарева, наделенная даром блистательной исполнительницы романсов, по-прежнему собирает полные залы зрителей, которые дарят ей самое главное – свою искреннюю любовь.

После концерта народной артистки России В. Пономаревой. Рядом Владимир Пономарев, скрипач и Валерий Яковлев, альтист. 2002

Золотая свадьбы Ирины Александровны Шепеленко и Дмитрия Васильевича Пономарева. Поселок Заокский Тульской области. 1984

Ирина Александровна Шепеленко с детьми Валентиной и Владимиром Пономаревыми

Владимир Пономарев и Валерий Яковлев

Жизнь стала музыкой, а музыка жизнью

Портрет В.Л. Соболевского. Художник Виктория Романова

Вячеслав Львович Соболевский, пианист, заслуженный артист России. Выпускник Одесской государственной консерватории, лауреат всесоюзных конкурсов исполнителей. На Дальний Восток приехал в 1960 году. В его трудовой книжке единственная запись: «Хабаровская краевая филармония».

Вячеслав Львович убежден, что он счастливый человек. На вопрос «Почему?» отвечает: «Я всю жизнь занимался любимым делом. С возрастом появлялись новые желания, но и они практически всегда реализовывались. Играл сольные концерты с симфоническими оркестрами высоких категорий, с дирижерами всемирно известными, объездил весь Советский Союз, многократно выступал в Канаде, Японии, США, Китае. Писал музыку, тексты песен и романсов, издал сборник «Все мои песни о любви». Написал даже что-то вроде пьесы – «Роман с театром», и Хабаровский театр музыкальной комедии ее поставил. Выступал в роли режиссера в эстрадных концертах и т. д. и т. п., и вот на склоне лет задумал записать то, что пока помню, и пишу в надежде, что кому-нибудь и это будет интересно…»

В.Л. Соболевский пишет воспоминания, в которых несколько разделов, посвященных поездкам по республикам бывшего Советского Союза, позднее – по дальнему и ближнему зарубежью, а также встречам с великими музыкантами и просто интересными людьми. Начиная с этого номера мы будем публиковать отдельные страницы рукописи.

Вячеслав СОБОЛЕВСКИЙ
Хабаровск

Плохое пусть забудется, хорошее припомнится…

Писать о себе всегда трудно... Писать о себе скромно?.. Писать о себе в восторженных тонах? Полный идиотизм! Ведь остатки совести и минимальная интеллигентность, надеюсь, еще квартируют. Найти «золотую середину»? Решил – буду писать хорошо. И будь что будет...

...Сегодня очень трудно подтверждать, что ты не верблюд и у тебя что-то получилось в жизни. Два диска, что вышли в Канаде, уже разошлись и в Канаде, и в Америке, и в Хабаровске. (Было бы здорово, если бы мои воспоминания подтвердили эти CD. Читатель мог бы прерваться и увидеть огромный зал в центре Ванкувера, рукоплещущую публику…) Прошло немало лет. Недавно я еще раз послушал эти записи и сделал для себя вывод, что и сегодня их можно слушать, и уж то, что это не стыдно – абсолютно точно.

Сохранились и записи на радио, сделанные на протяжении столь долгого отрезка времени (40–45 лет) и, естественно, имеющие разное качество – и техническое, и исполнительское. Многое зависело от роялей, на которых исполнялось записываемое, а это очень важно – не всегда они в Хабаровске отличались хорошим качеством. Только последние 20 лет появился в филармонии концертный рояль «Стенвей», а потом еще два благодаря поддержке губернатора края. До этого ничего подобного в Хабаровске (да и на всем Дальнем Востоке!) не было. Нет сегодня такого рояля ни на радио, ни на телевидении. Да он там, как я понимаю, и не нужен теперь. Печально...

За 40 с лишним лет на каких только инструментах я не играл! В городах, селах, иногда зимой в промороженных клубах с ледяной клавиатурой инструмента. Или летом, не помню в каком клубе, когда во время концерта из клавиш выскакивали тараканы, я их смахивал и правой, и левой рукой и, не останавливаясь, продолжал играть. К счастью, гастрольная жизнь так складывалась, что рядом с концертами-«трюками» соседствовали вы-

ступления в великолепных концертных залах с хорошей акустикой, превосходными инструментами и музыкально образованной публикой. Подобные концерты давали сильнейший толчок к дальнейшим занятиям и убеждали в правильности выбора профессии и в ее необходимости кому-то еще …кроме самого исполнителя.

...1989 год. Аляска, город Анкоридж. Я впервые услышал необычный для себя вопрос: «Сколько вы стоите, мистер Соболевский?» А началось все с того, что летом в Хабаровске прошел слух о первом чартерном рейсе в Анкоридж. Родилась мысль использовать данное событие в благих целях. Я напросился на прием к Алексею Климентьевичу Черному с предложением включить в культурную программу визита камерный оркестр «Серенада» под управлением Виктора Тица. Черный не возражал, но на всякий случай переадресовал меня к В.И. Ишаеву: «Иди к нему. Он руководит этой поездкой». Ишаев тоже не возражал, но при условии, что деньги на дорогу в оба конца будем искать сами. Я согласился. Пообещал двум молодым бизнесменам поездку в США в составе камерного оркестра, если они возьмут на себя материальные расходы на дорогу. В те годы попасть в США у начинающих бизнесменов надежды было мало, и они приняли предложение. Взяв футляры от флейты и гобоя (для конспирации), влились в коллектив камерного оркестра «Серенада».

Делегация была большая – полный самолет ИЛ-62. Музыкантов разбирали хозяева квартир прямо в аэропорту. Кому-то из нас повезло больше, кому-то – меньше. (Я имею в виду дома, хозяев и расстояние жилья до центра Анкориджа.)

Мне довелось попасть в семью аборигенов Аляски. Совсем незажиточное семейство, глава которого руководила местным ансамблем, дававшем концерты в отеле «Хилтон». Причем создавалось впечатление чего-то близкого и родного – будто выступал ансамбль наших представителей народов Севера. Один к одному.

Утром моя хозяйка ставила в машину пару больших кружек жидкого и дешевого кофе, спрашивала: «О'кей?» Я отвечал: «О'кей!», и мы, не позавтракав, отправлялись на запланированные концерты по школам. Наличие в каждой школе симфонического оркестра с таким инструментарием, о котором наши профессионалы могли только мечтать, приводило в состояние восторга и горечи одновременно: мы радовались за детишек и огорчались, что можем только посмотреть на подобные инструменты…

В первый же день устроители культурной программы нашего пребывания предложили Виктору Тицу участвовать отдельным номером в большом концерте музыкального факультета университета. Виктор Тиц поставил условие: оркестр выступает только сольной программой в самостоятельном концерте, который и состоялся на следующий день. Мне тоже предложили принять участие в сборном концерте вместе с американскими музыкантами. Я согласился, и меня как «сюрприз для публики» поставили в финал. Блестящая акустика зала и хороший «Стенвей» воодушевили, да и подводить устроителей концерта было нельзя. Нас приветствовали везде улыбками, добрыми словами, рукопожатиями, дарили сувениры, приглашали в дома. На следующий день состоялся концерт камерного оркестра «Серенада», в программе которого прозвучал Двойной концерт Баха, где солистами выступали педагог колледжа искусств Мелита Шальтис и я. Словом, выступление хабаровских музыкантов было успешным, резко изменило отношение к музыкальной делегации чартерного рейса из малоизвестного для жителей Анкориджа города Хабаровска.

Еще через день моя хозяйка на пальцах объяснила, что меня просят посетить Ассоциацию концертного объединения Анкориджа. И мы вновь с двумя кружками жидкого и не очень черного кофе отправились в офис этой конторы. Там-то я и услышал вопрос о своей себестоимости…

Я, конечно же, вопрос понял сразу, но что отвечать? Что мой концерт в России стоит 43 рубля 50 копеек? Если бы так ответил, меня никто бы не понял. Пришлось выкручиваться. «Видите ли, я не мальчик, чтобы получать за свой труд самую низкую плату, но и на самые высокие ставки не претендую». «О'кей! – ответил менеджер. – У нас начинающий гастролер получает 1 500 долларов за концерт. Белла Давидович, именитая ваша пианистка – 13 000. Вам мы предлагаем 7 000 долларов. Если вы согласны, то мы тут же подпишем контракт на концерт 7 января 1991 года. Вы свободны в это время?» Господи! Конечно же, я был свободен! Конечно же, я был согласен!

Пока мы пили кофе (настоящий, черный, вкусный) и говорили о реакции публики на наши концерты, контракт был напечатан и подписан. У меня до сих пор хранится этот документ, подтверждающий мою стоимость. Когда мы прилетели в Хабаровск, в аэропорту встречала Ирина. Меня просто распирало от осознания собственной значимости – я стою 7 000 долларов!

Но… Надежды наши были перечеркнуты действительностью тех лет. Рухнул СССР, и «вольную» получили многие страны, лавина музыкантов хлынула в США на заработки, и оказалось, что у американских исполнителей возникли проблемы с работой, их профсоюз и обратился к президенту, чтобы он своей властью изменил положение дел. И президент изменил: на приезд музыкантов из бывшего СССР была установлена квота – 200 человек и не более. В год. В это число входили и оркестры, и оперные солисты, и инструменталисты, в основном лауреаты международных конкурсов. (Это позднее все стало проще и доступнее, а в 1991 году…) Художественное руководство Анкоридж-концерта с искренними извинениями и надеждой на встречу в будущем «временно» отменила условия контракта. А через год я узнал, что 7 января 1991 года в Анкоридже в концерт-холле играл американский пианист Игнат Солженицын – сын нашего писателя. Перед слушателями было выполнено обещанное – играл русский…

Клянусь, я не очень-то и расстроился, потому что к тому времени появились новые встречи, новые контак-

ты, обеспечивавшие мне в предстоящие (около 20 лет!) великолепные концертные поездки по Канаде, Америке и Японии, где помимо концертных выступлений обязательными были и мастер-классы, на которые записывались от мала до велика (возраст – без ограничений!). Интерес к русской исполнительской школе всегда был и есть необычайно велик…..

Определенную роль в активизации зарубежной исполнительской, педагогической, общественной деятельности сыграли зародившиеся в конце 1980-х – начале 1990-х годов зарубежные связи с городами-побратимами Портлендом (США), Викторией (Канада), Ниигатой (Япония), Харбином (Китай). Дружеские визиты делегаций лесников, радиолюбителей, музыкантов сближали людей, рождалось глубокое понимание смысла слов «народная дипломатия», очень скоро приведшая к товарищеским, личностным отношениям, которые длятся уже около 20 лет и принесли много интересного в мир контактов.

…Портленд. Штат Орегон. При первой встрече с представителями ОМТы (организация педагогов-музыкантов) мы поняли, сколько у нас общего в вопросах профессионального творчества и насколько разные возможности в жизни. Но ясно было одно: мы любим музыку, верим в ее силу воздействия на людей и должны многое сделать во имя объединения!

Так родилась мысль о создании программы «Музыка без границ», цель которой сводилась к налаживанию контактов между педагогами-музыкантами и их учениками, живущими в штате Орегон и в Хабаровском крае. Инициаторами программы выступили трое: Дороти Фэлман (Портленд) – педагог музыки, известный далеко за пределами Орегона, и мы с Ириной. Соответственно и взвалили на себя основные обязанности по реализации программы. Их оказалось немало. Но нам активно помогали Татьяна Николаевна Иванова (отдел международных связей при мэрии города), директора музыкальных школ (бывшие наши студенты) – Татьяна Игнатьева (ДМШ № 4), Светлана Кикоть (ДМШ № 7), Людмила Дьяченко (ДМШ № 1) и др. Общими силами мы принимали у себя делегации (все приезжавшие жили в наших квартирах, где и питались), устраивали концерты, показывали город и его великолепные окрестности. Мы все старались, чтоб нашим гостям было интересно и Хабаровск чтобы понравился.

В ответ на наше гостеприимство они отвечали не менее сердечными приемами. Используя свой авторитет Дороти тоже сплотила команду энергичных, высокопрофессиональных педагогов. Так продолжалось несколько лет. Наши дети играли в Портленде с симфоническим оркестром, американские дети – с Дальневосточным симфоническим под управлением Виктора Тица. Все были счастливы: каждый год обменные гастроли, поездки. В последний раз билеты были куплены на 15 сентября 2002 года, но события 11 сентября все перечеркнули – родители наших детей отказались от путешествия по вполне понятным причинам – слишком страшным было событие того дня…

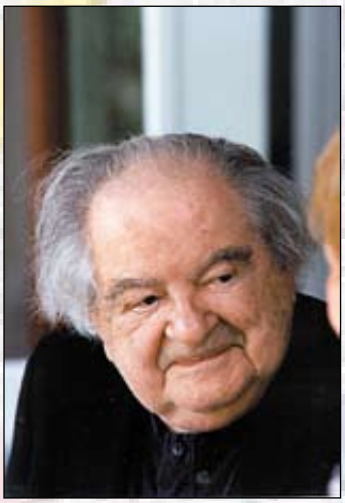
Хотя американцы продолжали летать к нам (правда, уже без учеников). Трижды прилетал замечательный пианист, профессор консерватории города Ла Гранд Мэтт Куппер, свободно владеющий жанрами классической и джазовой музыки, влюбленный в Хабаровск, в Дальний Восток, удочеривший русскую девочку и трогательно сообщающий о своих успехах в изучении русского языка на примере чтения «Каштанки», «Му-Му», а затем и Пушкина, Достоевского. В сентябре 2006 года прилетала замечательная женщина, хозяйка консерватории, дважды побывавшая у нас, – Рома Эйшер. Она привезла с собой исключительно одаренного исполнителя негритянских спиричуэлс Антони Брауна. Его выступление перед педагогами и студентами колледжа искусств вызвало огромный интерес. С камерным оркестром «Глория» играла органистка Ланетта Паул. Все эти встречи давали взаимное обогащение – духовное, профессиональное, неся понимание необходимости жизни такой программы.

Я помню какой фурор произвели выступления двух учеников Дороти Фэлман в нашем городе! Мальчики собрали полный концертный зал слушателей, играя два вечера подряд! Сольные программы были сыграны в первый вечер и с нашим симфоническим оркестром во второй! Бенджамин Ким и Роджерс Кейт. Первый из них сегодня – лауреат многих международных конкурсов, отмечающий в своих рекламных буклетах, что дорогу на большую сцену ему дал Хабаровск, публику которого он помнит и любит. А второй, закончив Гарвардский университет, работает в крупнейшем банке Америки и по-прежнему занимается музыкой. Расстаться с ней не может. Когда мы были в гостях у их родителей, мы увидели, как трепетно они берегут хабаровские афиши с именами своих детей. Мальчишки были в восторге от встреч, которые не сумело омрачить даже отсутствие горячей воды в течение семи дней их проживания в Хабаровске! Их пришлось проводить к друзьям нашим, в чьих домах была горячая вода, а иначе они отказывались одевать приличествующий выступлению наряд – настоящий фрак! Их сшили им родители специально для поездки в Россию…

Благодаря друзьям из Портленда мы многое увидели и узнали из того, что нам было особенно интересно. Мы имели возможность не просто сравнить разные системы музыкального образования (Россия – США), но и определить минусы и плюсы в них.

Американские педагоги, побывав на уроках в наших детских музыкальных школах, были потрясены масштабностью программ учебных, тем, как много дает школа ученикам. Наши дети помимо специальности – основного предмета – посещают еще несколько музыкальных занятий. У американцев нет ничего подобного. Есть частные студии, где один педагог в силу своей компетентности может на уроках давать элементарные представления о необходимых знаниях. И если наши дети в музыкальную школу ходят по расписанию, то американские – по договоренности с педагогом и в зависимости от материальных возможностей родителей. Уроки могут быть 15 минут, 30, 45 и т. д. – все имеет

Ирина и Вячеслав Соболевские



Ариэл Рубштейн

Встреча с мэром Портленда Верой Кац. 2000

Мастер-класс В.Л. Соболевского в студии Дороти Фэлман. Портленд. 2000

Портленд. Минуты отдыха

свою цену. Как сказала наша знакомая: «Я беру в студию только способных и материально обеспеченных детей».

При такой ситуации и отношение родителей несколько иное, чем у наших. Меня попросили дать мастер-класс на примере занятий с мальчиком, учившим концерт Прокофьева. На урок пришли: мама с видеокамерой, папа с магнитофоном, бабушка, дедушка, и все были при деле. Позднее нам объяснили, что дома всей семьей не раз еще посмотрят, послушают, сделают выводы, позанимаются и только тогда позвонят педагогу и договорятся об очередном занятии. Заплачены деньги! И мальчика тоже приучают к такому отношению – надо работать, и много работать, чтоб оправдать затраченное! Хотят родители иметь результат – просят уроки у известного педагога, но тогда и оплата совершенно иная…

Иногда я просто получал приглашение послушать ученика. Я с удовольствием шел на такие контакты, заранее зная, что «середняка» мне показывать не будут. Запомнилась встреча в музыкальном магазине, где продают рояли. Оформил эту встречу хозяин магазина прекрасно! При входе на улице висела моя афиша, были приглашены любители музыки и его покупатели (кстати, он – хозяин – подарил Дороти пианино в знак благодарности, что она рекомендует своим ученикам именно его магазин). А играл на этой встрече 10-летний мальчик. Чудо-ребенок! Отлично играл прелюдии Шостаковича, и если бы не внешний вид очаровательного мальчика, то можно было бы представить, что играет взрослый талантливый музыкант. Родители делали все, чтоб он получал блестящие знания. Но подобные примеры были довольно редки. Часто дети, исполнявшие музыку того или иного композитора, не знали элементарных сведений о нем, что в наших школах недопустимо.

Среди многочисленных встреч в Портленде особо запомнилась одна, отмеченная особой значительностью личности, пригласившей нас с Ириной в гости. Это был 90-летний Ариэл Рубштейн! В его квартире были развешены афиши с дарственными надписями Мориса Равеля, Сергея Рахманинова, Шаляпина, Горовца и многих других мировых знаменитостей, друживших с ним, бывавших в его доме, в котором посчастливилось побывать и нам. Осознание, что они были в этом доме, приводило нас в трепет! Будто прошлое материализовалось. Вот оно! Рукой подать!..

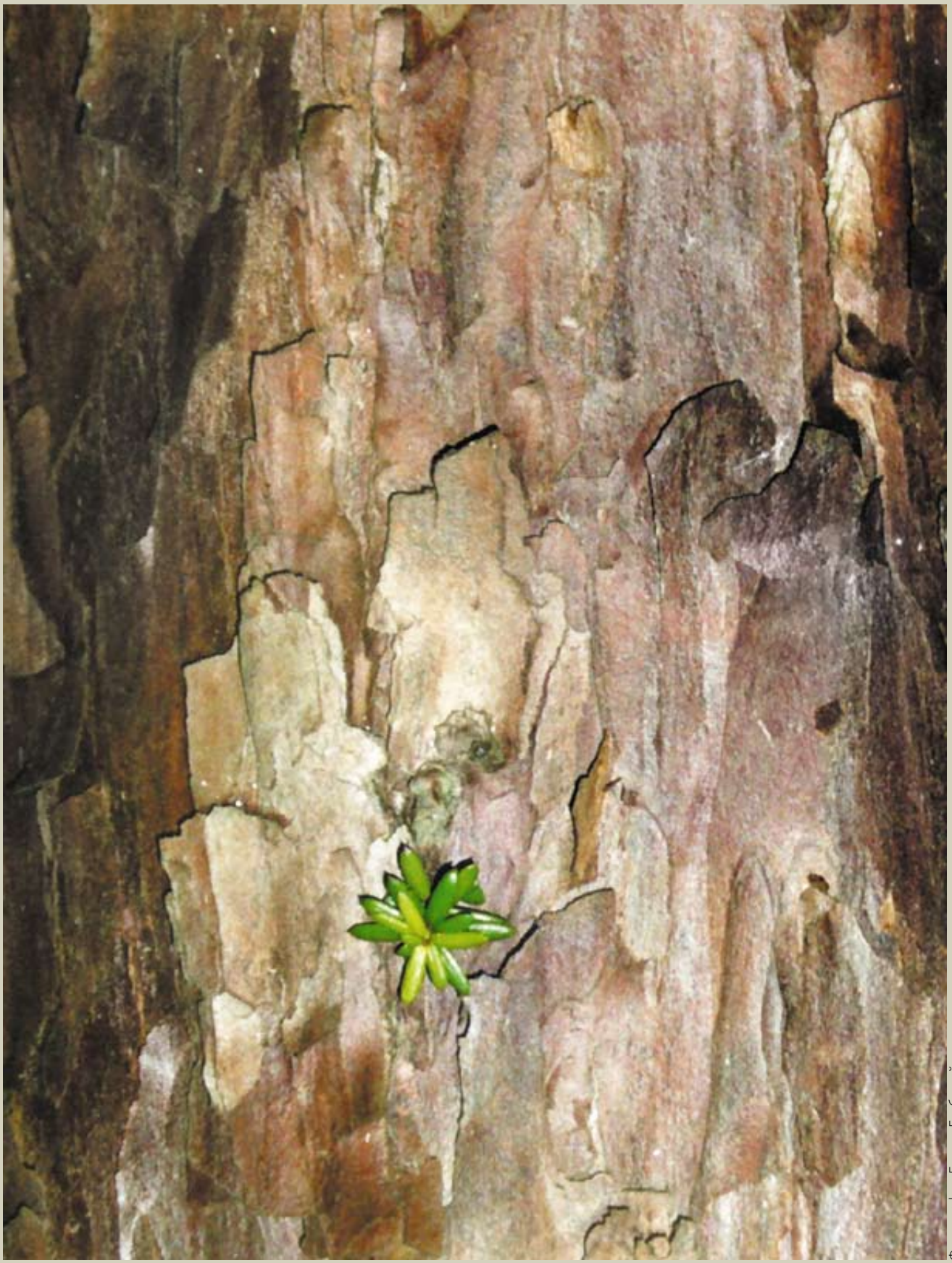
Ариэл Рубштейн был знаменитость исторического для Портланда масштаба. С его именем связано открытие музыкального факультета при университете, открытие и расцвет оперного театра. Нас встретил 90-летний хозяин квартиры – маленького роста, передвигающийся при помощи металлического ходунка, но обладавший огромным запасом интеллекта и говорящим на таком ярком, особого склада русском языке, которого мы и не слышали, а лишь смогли сопоставить (как читатели) с языком Бунина и Набокова. Кстати, редкий случай для американского дома – собрание книг. Ариэль не забыл русский язык, хотя без малого 80 лет прожил в Америке. Перед нами был образец настоящего русского интеллигента! Не обошлось без комплиментов. Он – нам, мы (как смогли) – ему. Он попросил рассказать нас о себе, что мы и сделали, стараясь не утомлять его, а он все расспрашивал и расспрашивал, выражая истинный интерес к приехавшим из России. Настало время и ему ответить на наши вопросы. И мы узнали, что учился в молодости Ариэл в Киевской консерватории, где в то время ректором был Рейнгольд Глиэр, сыгравший особую роль в жизни талантливого студента – он написал Луначарскому письмо с блестящей характеристикой и советом дать возможность Ариэлу Рубштейну продолжить музыкальное образование в Вене. Разрешение было получено, а далее Вена, Париж и очень скоро – Америка, Портленд. Отличный музыкант, блестящий администратор, организатор многих исторически знаковых дел в музыкальной жизни Америки.

Мне повезло, и я (по просьбе Ариэля) играл на его знаменитом рояле… А на следующий день его сын (музыковед и театральный критик) привез Ариэла на мой концерт. Я очень волновался, но, кажется, это и помогло – меня слушал Рубштейн! После концерта он сказал мне много хороших, профессионально интересных слов, поблагодарив судьбу, что еще раз послушал в живом исполнении русского музыканта русскую музыку. Его жизнь подходила к концу. В следующий наш приезд в Портленд его уже не было в живых. Остались воспоминания о нем, которые не исчезают из памяти – настолько сильны были впечатления от встреч…

Портленд – город роз. И праздник роз – один из красивейших. Там есть городской сад с названием Сад роз, где в довольно пасмурный дождливый день, гуляя под зонтиком и наслаждаясь тишиной и окружающей нас красотой, мы вдруг услышали громкие голоса и решили, что так говорить могут только люди из наших краев. Подошли поближе. Так и оказалось – с бутылками шампанского в руках гуляли наши, с Украины, отмечая свадьбу. Мир Портленда несколько обновлялся…

А далее судьба свела нас с Верой Кац – необычайно интересной, энергичной женщиной – мэром города Портленда, жители которого дважды отдавали ей свои голоса (более 80 %!). Мы даже побывали на ее обычном совещании актива, которое, как правило, транслировалось местным телевидением, где мог с вопросом или предложением выступить любой пришедший. Вера Кац, дав каждому не более трех минут, выслушивала и тут же определяла кому непосредственно из ее подчиненных поручить решение данного вопроса, и на следующем совещании эти люди перед телевизионной аудиторией... отчитывались. Практика нас буквально сразила! А мы все говорим, что все должно быть прозрачным. Должно-то должно, да…

При частной встрече Вера Кац подарила нам фарфоровую розу такого совершенного образца, что, когда мы с Ириной сели в самолет и она держала эту розу в руках, оберегая, подошла стюардесса и предложила: «Может быть, вам принести вазочку с водой, чтоб довезти такую прекрасную розу?»



Фотография Елены Глебовой

ЛИТЕРАТУРА

Атлантида русской эмиграции, поднятая из забвения

Александр КОЛЕСОВ
Владивосток

В Дальневосточной государственной научной библиотеке, в феврале 2007 года состоялась творческая встреча с главным редактором тихоокеанского альманаха «Рубеж» и генеральным директором одноименного издательства Александром Колесовым.

Альманах «Рубеж», взявший свое название у знаменитого русского эмигрантского журнала, который издавался в Харбине с 1926 по 1945 годы, уже 15 лет издается во Владивостоке и занимает достойное место в культурном пространстве региона. За это время в свет вышло шесть номеров альманаха большого журнального формата, где помимо литературного материала публикуются редкие фотографии, фрагменты рукописей, автографы и рисунки.

На страницах «Рубежа» – литература дальневосточной и американской русской эмиграции, историко-культурные и краеведческие материалы, древняя и современная литература Китая, Кореи, Японии, Вьетнама, проза и поэзия не только современного российского Дальнего Востока, но и других регионов России. По оценке российского писателя Андрея Битова, члена редколлегии и постоянного автора «Рубежа», альманах является «уникальным изданием в сегодняшней России».

О яркой и во многом уникальной жизни альманаха, а также о его крупных издательских проектах рассказывает Александр Колесов:

– Альманах, изначально задуманный как издание дальневосточное по преимуществу, с акцентом на возвращение культурного наследия русской восточной диаспоры, с каждым новым номером расширяет свое содержание, его временные рамки и географию. Если ознакомиться с содержанием всех на сегодняшний день выпусков альманаха, то можно представить себе литературную карту, отображающую едва ли не половину мира, ведь недаром альманах и называется тихоокеанским, а волны Великого океана достигают многих берегов.

В 2007 году мы начинаем большую издательскую программу. «Счастье копится», – любил говорить знаменитый траппер и первоосвоитель Крайнего Востока России, автор книги «Полвека охоты на тигров» Юрий Янковский. Юрий Михайлович имел в виду, что опыт жизненный и эмоциональный неизменно дает свои результаты. Так вот, двадцатилетний издательский опыт, как видно, привел меня к решению развернуть масштабную издательскую программу, ориентированную главным образом на Центральную Россию, на Москву и Питер. Скажу прямо, это было бы невозможно без помощи моего друга, литератора и бизнесмена Ивана Шепеты.

Пришла пора «распечатать» миф о Дальнем Востоке и дальневосточной литературе – в прямом и переносном смысле. Помимо 10-томной антологии литературы Дальнего Востока, предпечатная подготовка которой продолжается, и альманаха «Рубеж», мы начинаем работу сразу по нескольким направлениям: классика дальневосточной литературы XX века, литература русской эмиграции Китая и Америки, современные авторы и переводная литература стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Есть еще одно направление, особенно любимое читателем, – историческая и экзотическая дальневосточная тематика. Назову лишь книгу «дальневосточного Фенимора Купера» Юрия Янковского «Полвека охоты на тигров» (она вскоре появится на прилавках), новую работу известного российского антрополога, последние годы живущего в Японии, Александра Спеваковского «Камикадзе», а также написанные полвека назад и неизвестные дотоле новеллы последнего китайского император Пу И, которые мы издаем вкупе с документальной повестью личного переводчика императора (во время его пребывания на спецобъекте в Хабаровске в 1945–1950 гг.) Георгия Пермякова «Император Пу И. Пять лет вместе».

К сожалению, сегодня несправедливо забыты, а в столице попросту неизвестны наши дальневосточные классики – Олег Куваев, Иван Басаргин, Николай Наволочкин, Григорий Ходжер, Владимир Санги, Альберт Мифтахутдинов, Станислав Балабин, Николай Рыжих, Юрий Вознюк, Владимир Илюшин… По той же причине обескровлены наши библиотеки, в течение пятнадцати лет в них вообще не поступают книги дальневосточных авторов. Хотелось бы подчеркнуть, что в последние годы на Дальнем Востоке интересно работают сорокалетние прозаики и поэты – Владимир Семенчик, Александр Белых, Евгений Мамонтов, Татьяна Зима, критик Александр Лобычев, книги которых мы также будем издавать.

А начали мы свою программу с двухтомника нашего лучшего поэта Арсения Несмелова, в который вошли его стихи, поэмы, рассказы, повести и мемуары о литератур-

ной жизни Владивостока 1920–1924 годов. Это первое и единственное пока научно подготовленное собрание сочинений дальневосточного автора. Архива Несмелова не существует, но, собранный по крохам группой энтузиастов более чем за тридцать лет, этот выдающийся поэт, по всей видимости, самый значительный поэт Белой армии вообще, возвращается на родину во всем блеске своего дарования.

Арсений Несмелов, Валерий Перелешин, Альфред Хейдок, отчасти Всеволод Н. Иванов (почти полный тезка советского классика Всеволода В. Иванова), живший и издававшийся после 1945 года в Хабаровске, да автор романов об уральской старине Павел Северный – этими именами, пожалуй, исчерпываются наши представления о дальневосточной российской эмиграции, которую принято еще называть «русским Китаем». И это еще одно направление нашей издательской программы. Безусловно, оно представляется уникальным и самым ценным в культурно-историческом смысле, поскольку восточная ветвь эмиграции во многом еще остается для исследователей, историков и читателей скрытой за пеленой времени. Мы имеем достаточно полное представление о русской литературе в Европе – изданы книги и собрания сочинений, монографии, жизнеописания и т. д., тогда как имена поэтов Валерия Перелешина, Марианны Колосовой, Лариссы Андерсен, писателей Альфреда Хейдока, Бориса Юльского, Николая Байкова, Юрия Янковского, Михаила Щербакова и других известны только по ставшим библиографической редкостью эмигрантским изданиям первой половины XX века и отдельным публикациям в российских журналах, альманахах, сборниках, в основном в альманахе «Рубеж».

Редакцией альманаха накоплен богатый и редчайший литературный материал, собранный в эмигрантских изданиях, государственных и частных архивах во всех уголках света – от Китая до Австралии, от Сан-Франциско до Парижа. Многие рукописи были получены из рук бывших харбинцев или их наследников. Например, достаточно давно мы начали переговоры с наследниками Ивана Елагина, «уроженца владивостокского» и крупнейшего поэта русской Америки, и в 2008 году издадим – к 90-летию поэта – его «Избранное», составленное Е. Витковским и В. Синкевич. В него войдут стихи, переводы и письма поэта, а также воспоминания о нем.

В ближайших планах – собрания сочинений самых значительных русских писателей Китая и Америки, произведения которых собраны и хранятся в портфеле альманаха. Среди них четырехтомник популярного в Китае и Японии писателя-натуралиста Николая Байкова (1872–1958), знатока маньчжурской природы, автора знаменитого романа о дальневосточном тигре «Великий Ван», но на родине известного только узкому кругу филологов и историков литературы. Визави, ровесник и добрый знакомый дальневосточного писателя-натуралиста Владимира Арсеньева, Николай Байков с 1901 года жил и работал в Маньчжурии, служил на КВЖД, покинул Китай в 1956 году, а умер уже в Австралии. В 1993 году я гостил в Брисбене у дочери писателя Н.Н. Дмитровской-Байковой, и она любезно передала мне для публикации весь его литературный архив. Опубликованное (главным образом в нашем альманахе) и неопубликованное наследие писателя включает около двух сотен статей и рассказов, больше десятка романов и монографий. В собрание сочинений войдут лучшие произведения: «В дебрях Маньчжурии», «Великий Ван», «Записки маньчжурского охотника» и др.

Мы готовим к изданию однотомник автора авантюрно-мистических рассказов Альфреда Хейдока (1892–1990), чью первую книгу «Звезды Маньчжурии», изданную в Харбине в 1934 году, своим предисловием благословил Н. Рерих. Вернувшись в сороковых годах прошлого века на родину, писатель, хоть и не сразу, но отсидел свои десять лет в лагерях. После эмиграции он писал, в основном, на религиозные и теософские темы, а умер на девяносто восьмом году на Алтае. За полтора месяца до ухода Альфреда Петровича я приезжал к нему в Змеиногорск, а вскоре мы переиздали во Владивостоке «Звезды Маньчжурии». В том избранных произведений А. Хейдока целиком войдет его первый сборник, а также книга новелл «Радуга чудес» и другие рассказы, напечатанные им в 1920–30 годах в харбинском «Рубеже» и других изданиях.

Наиболее талантливый прозаик молодого поколения писателей русского Китая – Борис Юльский (1912–1950), совершенно неизвестен в современной России. Личность и судьба этого человека – одна из самых необычных среди писателей русского Китая. Член русской фашистской партии К. Родзаевского, сменивший затем свои убеждения на монархистские, наркоман, высланный японцами в маньчжурскую тайгу, где служил в русской лесной полиции, Юльский был самым одаренным и многообещающим прозаиком в дальневосточной молодой плеяде. В 1945 году он был арестован советскими властями и отправлен в магаданский лагерь, откуда совершил побег в 1950 году. Дальше следы его теряются. В его книгу избранных рассказов войдут рассказы из цикла «Зеленый легион».

Поэт, прозаик, издатель, путешественник Михаил Щербаков (1891–1956). Судьба писателя многими своими биографическими коллизиями отразилась в его прозаических и поэтических книгах. Родился в Москве, участвовал в Первой мировой и Гражданской войнах, один из первых русских военных летчиков. За годы эмиграции много путешествовал по Азии, двадцать лет прожил в Шанхае. После отъезда из Китая оказался во Франции, где покончил с собой. В том войдут его книга рассказов «Корень жизни», повесть «Черная серия», стихи и переводы.

Заканчивается предпечатная подготовка трехтомника поэта и переводчика Валерия Перелешина (1913–1992), пожалуй, самого яркого литератора русского Китая. В разные годы он жил в Поднебесной в Харбине, Шанхае и Пекине, где выпустил несколько поэтических книг. С 1953 года и до конца жизни он обосновался в Рио-де-Жанейро, продолжал писать и издавать свои книги. В первом номере «Рубежа» мы с Е. Витковским опубликовали переводы В. Перелешина из древнекитайской лирики и включили его в состав редколлегии альманаха. А в ответ успели получить короткое приветственное письмо от Валерия Францевича из далекой Бразилии. Помимо стихов и переводов с китайского, английского и португальского Валерий Перелешин оставил замечательную книгу мемуаров «Два полустанка». В его собрание сочинений войдут стихи, поэмы, переводы и воспоминания о литературной жизни в Китае.

Произведения этих писателей – своего рода эталон дальневосточной литературы. В эмиграции они развивали совершенно отдельное по своей художественной сути направление в отечественной прозе, где восточный материал ложился в русло русского языка и стиля. Если искать какие-то аналогии в мировой традиции, то вспоминается английская колониальная литература, связанная с именами Р. Киплинга, или, например, Д. Конрада. Произведения

дальневосточных писателей всегда сюжетны, полны напряженного действия, по сути, их сочинения – это фрагменты личных судеб авторов и их реальных героев: белогвардейцев во Владивостоке времен Гражданской войны, искателей женьшеня, моряков, ищущих приключений на просторах дальневосточных морей, легионеров лесной полиции в Маньчжурии в 30-х годах прошлого века.

Не перечислить все исторические коллизии и человеческие характеры, запечатленные в лучших произведениях писателей дальневосточной эмиграции, в которых в равной мере отразились судьбы России и Востока в XX веке. Ясно одно – научно подготовленное издание их книг поднимет из тьмы забвения восточную Атлантиду русской эмиграции, и на литературной карте уже навсегда будут очерчены ее выразительные контуры.

Мы хотим прийти на российский книжный рынок со своими именами, своим колоритом, своим материалом – богатейшим, хоть и неизведанным. Предстоит огромная и кропотливая работа. Нам берутся помочь наши коллеги и друзья, московские писатели и журналисты, и с их помощью, я уверен, мы прорвем ту пелену, что висит где-то над Уральским хребтом и делит нашу огромную страну на две неравные части: в Москве и Питере – культура и литературная жизнь, а восточнее Екатеринбурга, в представлении многих россиян, – медвежий край и белое безмолвие…

ЗАМЕТКИ ПУБЛИЦИСТА

Сквозь редакторское сито

Владимир ИВАНОВ-АРДАШЕВ, историк
Хабаровск

Если кто думает, что к рукописям писателя-эмигранта Всеволода Никаноровича Иванова, нашего именитого земляка, редакторы относились с великим почтением, тот ошибается: страницы буквально исчерканы вдоль и поперек. И это, в общем-то, нормальное для литературной среды явление. Другое дело – кто и как реагирует на такую правку.

К примеру, Георгий Георгиевич Пермяков, тоже бывший эмигрант и литератор, крайне ревниво относился к замечаниям редакторов, встречая в штыки любую реплику. В одной из своих архивных папок, названной «Садизм» и разосланной многим знакомым, в том числе и автору этих строк, он вспоминал с обидой:

«Вс. Н. Иванов и я – Г. Пермяков – ходили в Союз писателей Хабаровска и его журнал примерно с 194… . Там были дарованья и бездари. Из-за войны, 1941–45, образованье малое. На пятницах нас громили, чуть не до расстрела. Особенно садизмила Шестачиха (Юлия Шестакова) <...>.

Журнал «Дальний Восток» хронически выбрасывал мои лит<ературные> вещи, за редким исключеньем. Хронически устраивал мне пакости <…>. Хотя я печатался в 70–80 изданьях СССР и заграницы, автор книг и минилауреат, дважды». Жаль, что Георгий Георгиевич столь близко к сердцу принимал обычную литературную критику. Конечно, удовольствия в ней мало, но через это прошли все авторы – тот же Всеволод Никанорович терпеливо сносил замечания рецензентов и основательно правил рукописи. Что касается якобы предвзятого отношения Юлии Алексеевны Шестаковой, то именно она написала рекомендацию Вс. Н. Иванову для вступления в Союз писателей СССР, что потребовало известной смелости – все-таки «бывший белогвардеец, эмигрант».

От редакторов в те годы, замечу, зависело очень многое. Но если в дни моей журналистской юности, выпавшей на 1970-е годы, их часто поругивали, называли «губителями творческих дарований», то сейчас вспоминают с… благодарностью и уважением.

И действительно, редакторы Хабаровского книжного издательства и журнала «Дальний Восток» помогли многим литераторам пройти через горнило учебы, шлифовки своего дара... если он был. Бездарей тогда отсеивали беспощадно. И правильно делали!

Даже зрелый и весьма почитаемый в то время Всеволод Никанорович Иванов основательно натерпелся от своего молодого, но очень дотошного редактора Виктора Шевченко, готовившего к публикации его воспоминания. Мне довелось ознакомиться с этой литературной правкой, и, скажу прямо, зрелище не для слабонервных! Зато Шевченко, наверное, больше других мог рассчитывать на искреннюю симпатию и благодарность пожилого писателя.

Был и другой молодой редактор, Анатолий Ревоненко, который благодаря Всеволоду Никаноровичу не только приобщился к запретной тогда поэзии русского зарубежья, но и начал долгий, трудный и казавшийся несбыточным путь по «собиранию камушков» забытой эмигрантской словесности.

Конечно, были в Хабаровске и редакторы поопытнее, некоторые с учеными степенями и имевшие доступ в архивы, но… была нужна и смелость, упорство в подвижническом деле. А этим как раз и отличались оба упомянутых выше редактора.

Жаль, им не удалось осуществить при жизни многое из задуманного. Но если личный архив Анатолия Ревоненко все же попал в Хабаровский краеведческий музей, и благодаря этим материалам издан весьма содержательный сборник стихов и писем российских поэтов-эмигрантов, живших в Китае, то архив Виктора Шевченко еще ждет своих исследователей…

Мне довелось работать в редакционном кабинете, где прежде корпел над рукописями Виктор Шевченко. И так же, как он, я порой с грустью вглядывался в посмертную гипсовую маску Всеволода Никаноровича Иванова, скрытую от посторонних кумачовым платком. Никакой мистики, а тем паче тяги к собирательству в этом нет, просто один исследователь сменяет другого, и каждый по-доброму вспоминает предшественника, внося свою лепту в познание русского зарубежья…

Нашедший лесные клады

Анна ПЕТРОВА
Хабаровск

В 2006 году исполнилось 70 лет Анатолию Николаевичу Максимову, известному дальневосточному писателю, автору цикла исторических романов о первых исследователях Приамурья и многих книг для детей («Чудаки с Улики», «Петрушина застава», «Подлетыши», «Лесные клады», «Тимкина беда» и др.).

Анатолий Николаевич Максимов родился в Хабаровске 22 октября 1936 года, в возрасте полутора лет с матерью был переселен в Кур-Урминский район Хабаровского края. Детство писателя прошло в таежных деревнях, расположенных на реке Кур. Мальчик рос мечтательным и задумчивым, с ранних лет начал писать стихи, много читал.

В среднюю школу Анатолий Максимов поступил в селе Новокуровка. Молодая учительница Галина Васильевна Черноголовина, преподававшая литературу и русский язык, узнав о писательских интересах и исканиях своего ученика, пригласила его в литературный кружок, где обсуждались и публиковались творения школьников, выпускалась стенгазета. Галина Васильевна во многом направляла литературное развитие мальчика.

Позже, вернувшись в Хабаровск и поступив в ремесленное училище электромонтажников, Анатолий Максимов, по совету учительницы, продолжил писать. Результатом ученических трудов стал роман «В глуши». Однако после окончания учебного заведения начинающий писатель, получивший направление на работу в Челябинск, собрал все свои произведения и, неудовлетворенный результатами своего писательского труда, закопал их недалеко от училища.

Край своего детства Анатолий Максимов покинул подростком, возвратился лишь на двадцать шестом году жизни, поступил на работу в техническое училище мастером-воспитателем. Потребность писать не исчезла. Молодой автор не задумывался, кто станет адресатом его книг, писал по велению сердца. Судьба распорядилась так, что первая же его повесть «Как я жил в тайге» была напечатана в издательстве «Детгиз». Повествование о дальневосточной природе и ее людях стало интересной книгой для детей. Далее в издательствах Москвы и Хабаровска выходят книги «Путешествие в детство», «Барсучата», «Проводник» (1963), «Тимкина беда» (1965), «Лесные клады» (1968). Сюжеты книг взяты из жизни, во многом автобиографичны. Если бы писатель не жил с малых лет в лесу, на пасеке, не был бы рыбаком, охотником – не было бы прекрасных детских книг, повествующих о родной природе и ее богатствах.

Анатолий Николаевич Максимов. 2002

Широко известен роман Анатолия Максимова «Чудаки с Улики», повествующий о деревне, о величественной природе и людях, духовно близких ей. За эту книгу Анатолию Максимову были присуждены премия Хабаровского комсомола и премия, учрежденная правлением Союза писателей России и правлением Союза художников РСФСР.

В 1966 году по рекомендации Н. Задорнова молодой прозаик был принят в Союз писателей. В 1973 году А. Максимов окончил Высшие литературные курсы, к этому времени относится его знакомство с такими известными писателями как В. Солоухин, А. Рыбаков, В. Катаев.

Со временем Анатолий Максимов пришел в своем творчестве к исторической теме освоения Дальнего Востока. Писатель много путешествовал по тем мес-

ПЕТРОВА Анна Игоревна, старший научный сотрудник литературного отдела Хабаровского краевого краеведческого музея им. Н.И. Гродекова. В 2005 году окончила филологический факультет Хабаровского государственного педагогического университета. Сфера научных исследований – тема освоения Дальнего Востока в произведениях дальневосточных авторов, культурная жизнь Хабаровска в XX веке.

А.Н. Максимов. 2000

1970

А.Н. Максимов. Архангеловка. 1990-е гг.

2005

С внуком. Река Тунгуска. 2002

Июль 1999

там, где пролегали пути Г.И. Невельского, Н.К. Бошняка, Н.Н. Муравьева-Амурского, пересек Сахалин по реке Тымь, месяц плыл на лодке от Хабаровска до Татарского пролива. Приключения и испытания, которые пережил писатель, легли в основу повестей «На Амуре», «От Шилки до Зеи», проникнутых восхищением родной дальневосточной природой.

Будущие герои исторических романов А. Максимова стали являться ему во сне. Однажды привиделся Н.К. Бошняк, присев у походного костра, спросил: «О чем пишешь, почему нет истории?» Знаменитый первопроходец был в малахае, с русой бородой и удивительными глазами. Снилась и Екатерина Ивановна Невельская: чистое лицо, светлые волосы, синие открытые глаза, доверительная улыбка. Приходила молча. «Их души требуют, чтобы о них написали», – понял писатель.

Написание исторических романов потребовало тщательной работы в архивах, замысел созревал в течение долгого времени. Результатом работы явилась трилогия: «Русские тропы» (1979), «Губернатор Сибири» (2003) и «Братья Римские-Корсаковы» (2006).

Каждый роман читается как самостоятельное произведение, но по прочтении всей трилогии складывается единая картина истории присоединения Дальнего Востока к России.

Роман «Губернатор Сибири» повествует о неординарной личности Николая Николаевича Муравьева-Амурского, о его славных делах на благо Отечества и неоценимом вкладе в дело присоединения к России Приамурья.

Анатолий Максимов показывает, что Николай Николаевич начал свое губернаторство с искоренения взяточничества, казнокрадства и других злоупотреблений чиновников, повествует о длительном путешествии губернатора по Восточной Сибири и Дальнему Востоку, рисует уважительное отношение людей к строгому губернатору, описывает трогательные отношения Муравьева-Амурского и его жены Екатерины Николаевны, которая была ему верной помощницей во всех делах.

Центральным произведением трилогии явился роман «Русские тропы», посвященный одной из самых героических страниц в исследовании Дальнего Востока – работе Амурской экспедиции под руководством Г.И. Невельского в 1851–1855 годах.

Главный герой романа – молодой офицер, выпускник Морского корпуса Николай Константинович Бошняк. Он внес существенный вклад в освоение восточных окраин своего отечества. Сахалин, низовья рек Амура и Амгуни, озера Эворон, Чукчагирское и Кизи, залив Чихачева (Де-Кастри), западный берег Татарского пролива, гавань Хаджи (ныне Совгавань) – вот маршруты его путешествий, связанные с огромными лишениями, стоившие жизни многим товарищам Н.К. Бошняка.

Прекрасные человеческие качества Н. Бошняка – его честность и бесстрашие, нетерпимость к злу, уважение к простым людям и презрение к карьеристам – все это проявляется не только в речах, но и в поступках лейтенанта, и во взаимоотношениях с различными персонажами романа. Именно ради этой цели – наиболее полной характеристики своего героя – писатель описывает его встречи с генерал-губернатором Н.Н. Муравьевым, супружеской четой Невельских, мичманом Н.М. Чихачевым, прапорщиком Д.И. Орловым, приказчиком А.П. Березиным. Благородство и порядочность Н.К. Бошняка проявляются в трогательной любви к нему гиляцкой девушки Сакони, преданность и дружба раскрываются в совместном преодолении трудностей походной жизни с переводчиком нивхом Позвейном, с казаками Киром Белохвостовым и Семеном Парфентьевым.

Но более всего раскрывают характер главного героя романа письма Бошняка любимой женщине – княжне Саше, которые А. Максимов вводит в повествование. Это вымысел писателя, но очень убедительный, органично вплетающийся в художественную ткань романа. Это письма-исповеди высокой души, это романтика молодости, не омраченная ни утомительными дорогами, ни болезнями от голода и истощения; это, наконец, мастерски нарисованные величественные картины дальневосточной природы.

С большим волнением написана вторая часть романа «Безмолвный остров» – об экспедиции на Сахалин Н.К. Бошняка с нивхом Позвейном. Эта экспедиция оказалась очень удачной: были добыты сведения о климате, месторождениях ископаемых, растительном мире, населении. Она показала, что юный офицер – мужественный и серьезный исследователь, которому многое по плечу. Особенно ясно это становится в последней части романа «Зимняя трагедия»; только великая любовь к Родине и желание видеть освоенным этот край помогли людям выстоять.

Бошняк прожил трудную жизнь, судьба его сложилась трагически, за свои труды он не заработал чинов и славы: как начал экспедицию лейтенантом, так в этом же чине и покинул Дальний Восток через пять лет. Тяжкие испытания выпали на его долю.

Исторический роман «Русские тропы» – это история Амурской экспедиции, рассказанная в художественной форме, страницы жизни Н. Бошняка – талантливого исследователя и географа.

Новый роман писателя «Братья Римские-Корсаковы» освещает жизненный путь Воина Андреевича Римского-Корсакова – мореплавателя, являвшего собой пример высокой образованности, стойкости и достойного служения России.

Воин Андреевич Римский-Корсаков продолжил исследования Г.И. Невельского на Дальнем Востоке, он пробыл в низовье Амура почти три года, был свидетелем первого и второго сплавов по Амуру, при нем заселялись амурские берега первыми русскими переселенцами.

Воин Андреевич не только отважный мореплаватель, но и старший брат знаменитого композитора Николая Андреевича Римского-Корсакова, оказавший на него огромное влияние, прививший ему тягу к морской стихии, отголоски которой незримо присутствуют в музыке Н.А. Римского-Корсакова.

Все три романа объединены одной целью – рассказать о подвигах и беззаветном служении первопроходцев дальневосточных земель.

О своем творчестве писатель отзывается скромно: все, что мог, уже написал, плохо или хорошо, – судить читателям, исследователям. Есть у Анатолия Максимова мечта написать роман о детях декабристов – Михаиле Волконском, Юлии Раевском. Снова зазвучат имена Н.Н. Муравьева-Амурского, Г.И. Невельского и Е.И. Невельской, Н.К. Бошняка. Для писателей Дальнего Востока это тема вечная. Продолжится рассказ о людях, которые не могут быть преданы забвению потомков, память о которых живет на протяжении веков.

Сквозь полосу отчуждения

Наталия РОДИНА
Хабаровск

История эмиграции – всегда хроника человеческих судеб. И какими бы трагическими ни были обстоятельства исхода, бегства, потери родного дома и родственных связей, это выбор самого человека, спасение от гибели или избавление от того, с чем жить немыслимо, надежда на лучшее завтра. Этот огонек надежды, как маяк, помогает вырулить в потоке жизни, сводящем языки, обычаи, религии; принять помощь того, кто волей судьбы оказался рядом, и поделиться тем, чем владеешь сам. Книги хабаровских и приморских издательств, выпущенные уже в XXI веке, интересны не только как пласт эпохи. Разные по форме, жанрам и задачам, они интересны как свидетельства духовной силы, которая способна принять чужой мир, дать ему свое и многократно возрасти при этом. И адрес у них общий – каталог отдела краеведения Дальневосточной государственной научной библиотеки.

Хисамутдинов А.
Следующая остановка – Китай:
История русской эмиграции.
Владивосток: ВГУЭС, 2003.

Известный приморский историк-краевед посвятил свою книгу «тем, кто, уехав из России, не имел обратного билета». Это путь русской диаспоры в Китае, начало которого – закладка первого барака для железнодорожников 23 апреля 1898 года в маньчжурской деревушке Хаобин и продолжение – после 1951 года (передача Китайско-Восточной железной дороги Китаю). «Остановка» в пятьдесят с лишним лет – очерк жизни русских общин Харбина, Тяньцзина, Шанхая, Дайрена. Общественные организации, образование и наука, литература и искусство, русские книги и периодика, православие и национальные диаспоры – все это темы глав, которые и составляют подробный очерк жизни русской диаспоры (автор приводит данные за разные годы – от 100 тысяч до 180 тысяч человек) в пяти городах. Обживались всерьез и надолго: работали предприятия, освящались храмы, открывались учебные заведения, издавались газеты и журналы. Жизнь осложнилась во время японской оккупации и Второй мировой войны и совершила новый поворот с передачей КВЖД Китаю. Для тех, кто не пожелал вернуться в СССР, исход продолжился в 1950-е через эмигрантский лагерь в Тубабао на Филиппинах. В 1953 году его покинул последний русский эмигрант. Следующими этапами пути стали Австралия, Гонконг, США, Южная Америка…

Аурилене Е.Е., Потапова И.В.
Русские в Маньчжоу-Ди-Го:
«эмигрантское правительство»:
(Монография). Хабаровск: Хабаровский погран. ин-т ФСБ РФ. 2004

Авторы сразу обращают внимание на уникальное явление, способствовавшее эмиграции в Маньчжурию из России, – полосу отчуждения КВЖД, и, как следствие, наличие русского уклада. Это и привлекло в Северный Китай к концу 1930-х годов около 125 тысяч россиян, из них около 110 тысяч – в Маньчжурию. Бюро по делам российской эмиграции (БРЭМ) было создано в 1934 году японскими оккупационными властями, и многими патриотически настроенными гражданами как «своя» организация не воспринималось, но широкий охват сфер деятельности дал повод второму названию. Примечательно, что начальниками БРЭМ с 1935 по 1945 год были генералы Белого движения, первым – В.В. Рычков. «Эмигрантское правительство» пыталось решить проблему безработицы, занималось организацией трудовых артелей, пчеловодческих и садоводческих хозяйств, при его содействии обществу российских врачей удалось создать врачебно-санитарную комиссию для помощи эмигрантским медучреждениям. Бюро углубленно занималось вопросами образования русских, в том числе и высшего.

Авторами подробно анализируется деятельность одной из крупнейших эмигрантских организаций, приводятся в приложении интереснейшие документы, среди которых не только свидетельства заботы о хлебе насущном, но и объяснительная записка «Программа преподавания гражданской морали для русских высших военных школ», «Доклад об организации Харбинской оперы» и др.

Также в монографии есть сведения об общественных русских объединениях из источников 1943 года.

Левошко С.С.
Русская архитектура в Маньчжурии.
Конец XIX – первая половина XX века
/ Отв. ред. Н.П. Крадин. Хабаровск: «Частная коллекция», 2003.

«Восточная Москва», «Восточный Петербург», «Маньчжурский Сан-Франциско» и «российский губернский город, типичный колониальный город» – это все о Харбине 1920–40-х. Сам предмет исследований подрывает на корню идеологический пафос и политические амбиции и позволяет говорить о том, что «выявлен ряд важных особенностей развития русской архитектуры и градостроительства в Маньчжурии первой половины XX века, определены векторы и содержание архитектурных взаимовлияний России и двух восточноазиатских стран – Китая и Японии». Проще говоря, архивными изысканиями, работой с хроникально-документальными трудами, мемуарами, собственными натурными исследованиями уже нашего столетия автор выво-

дит читателя на улицы русского Китая – мир А.К. Левтеева – первостроителя Харбина, А.И. Ярона, М.И. Бакича, И.Т. Падлевского, М.И. Осколкова, И.М. Обломиевского и других архитекторов, гражданских и военных инженеров, техников, скульпторов и художников, чьи имена приводятся в «Биографическом словаре». Это их трудами «архитектура выступала средством коммуникации между русской и китайской культурами» и радовала наших бывших соотечественников не только комфортом, но и близкими душе формами и линиями, делая эту землю немного более своей.

Но одним из важнейших источников исследований, по словам автора, и прекрасным иллюстративным материалом стали фотооткрытки из коллекции Е.В. Витковского – известного российского собирателя литературного наследия русской эмиграции, кроме всего прочего позволяющие читателю насладиться уникальным качеством классического черно-белого фото.

В книге есть указатель архитектурных объектов по месту их нахождения – для желающих не только прочитать, но и ознакомиться воочию. И тогда, возможно, для кого-то по-новому зазвучат цитата, приведенная С.С. Левошко: «Россия говорила с Китаем языком вокзалов».

Печатные издания харбинской россики:

Библиографический указатель печатных изданий /Госархив Хабаровского края, сост. Н.Э. Соловьева. Хабаровск: «Частная коллекция», 2003.

В 1992–93 годах в Госархиве Хабаровского края переданы с секретного хранения на общее документы харбинской русской эмиграции, вывезенные хабаровскими архивистами в 1945 году. Аннотированный указатель, составленный на их основе, стараниями коллектива авторов и издателей получился не скучным реестром, а иллюстрированным путеводителем по фондам архива. Его интересно просто перелистать – названия, имена, даты, как фрагменты мозаики, складываются в эпоху, ранее большинству неизвестную и оттого вызывающую сейчас особенно живой интерес. В предисловии А. Хисамутдинова отмечается, что основой для комментирования указателя стал каталог профессора О.М. Бакич (Торонто, Канада). Аннотации 382 журналов, книг, газет, издававшихся с 1869 по 1945 год в России, Китае, Германии, Японии, Франции, не только дают представление о виде и тематике издания, но и особо отмечают его библиографический статус пометой «редкое» или «очень редкое». В числе редких харбинская газета «Русское слово» за 1931–34 годы, очень редких – тяньцзинское издание «Российский антикоммунизм в Северном Китае» 1943 года. Значится и возрождаемый ныне альманах «Рубеж», неполностью, за 1929–45 годы. Полной его подборки, как сообщается в аннотации, нет вообще…

Удобны для читателя традиционный тематический указатель, указатель места издания. Есть еще один интересный раздел – краткие биографические справки писателей, журналистов, литературных и общественных деятелей русской эмиграции. Словом, имеется все (вплоть до цветных вкладок с фотоиллюстрациями), чтобы любопытный читатель получил представление об изданиях того времени, а специалист легко уточнил тему нужной для работы литературы.

«Будто нет расстоянья и времени нет… »:

(Из писем поэтов, бывших эмигрантов, к А.В. Ревоненко).
Хабаровск: Хабаровский краевой краеведческий музей им. Н.И. Гродекова, 2006.

В 1967 году в свет вышла «Антология поэзии Дальнего Востока», в которой впервые после полувекового забытья зазвучали имена русских дальневосточных поэтов-эмигрантов. Многие впервые благодаря ей узнали имена А.И. Несмелова, Л.Е. Ещина, М.И. Колосова. В том, что антология вопреки цензурно-идеологическим рамкам того времени вышла в свет, огромна заслуга поэта и литературного критика А.В. Ревоненко. Нынешнее издание – уникальные материалы, собиравшиеся им в 1960–90-е годы, его наследие, хранящееся в фондах Гродековского музея.

Это переписка в основном с поэтами и близкими к поэтическим кругам дальневосточной эмиграции людьми – Л.И. Хаиндровой, М.Ц. Спурготом, Н.А. Щеголевым, В.Ф. Рамбаевым и другими – воспоминания о литературной жизни Харбина и Шанхая. Они вернулись в СССР и прошли путь репрессий и умолчания, сохранив ясность языка без изобилия аббревиатур и независимость суждений. Их письма – живые свидетельства русской литературной жизни Харбина и Шанхая, рассказы о людях разных – тогда известных, подобно Вс. Н. Иванову, А. Вертинскому, или благодаря им вернувшихся из забытья, как А.И. Несмелов, В. Перелешин, Л. Андерсен.

Но для читателей книги это не только знакомство с уникальными литературоведческими материалами, но и редкое возвращение к языку эпистолярной традиции «от руки» в эпоху компьютерного набора и sms, для которого тоже «…нет расстоянья и времени нет».

Иванов-Ардашев В.В.

Эхо русского зарубежья:

очерки и переписка с писателями-эмигрантами. Хабаровск: Хабаровский краевой краеведческий музей им. Н.И. Гродекова, 2006.

Четыре знакомства – четыре судьбы известных дальневосточных прозаиков, о которых автор – историк и журналист, поведал в воспоминаниях, размышлениях и письмах – если были – в четырех главах. Эти главы-очерки (или эссе?) настолько же самостоятельны, насколько непохожи в жизни их герои – А.П. Хейдок, Г.Г. Пермяков, Вс.И. Иванов, В.Ю. Янковский. Война, лагерь, духовные поиски, работа под цензурой или многолетнее литературное забвение – у каждого в жизни было свое. Так же, как судьбы, естественно, несопоставимы и творения их: разные жанры, стиль, круг читателей у «Храма снов», «Тропой женьшеня», «Черных людей», «От Гроба Господня до гроба ГУЛАГа». Общим был путь с Востока в Россию. Их жизнь, язык, работа, люди были здесь – так они решили. И трудная судьба кроме таланта литературного каждому полной мерой отмерила стойкость духа, умение встать над схваткой, активное творческое долголетие. Читателю, умеющему ценить хороший язык и свежесть мысли, после книги В.В. Иванова-Ардашева захочется продолжить знакомство с его героями – их творчеством.

Масонская символика в русской литературе

Шунейко А.А.

Масонская символика в языке русской художественной литературы XVIII – начала XXI веков. –

Хабаровск: Изд-во ДВГГУ, 2006. – 400 с.

Верное восприятие художественного произведения прямо и непосредственно связано с тем, насколько точно и адекватно прочтены слова, из которых состоит его текст. Например: строки из стихотворения А. С. Пушкина «Генералу Пущину»: «И скоро, скоро смолкнет брань / Средь рабского народа, / Ты молоток возьмешь во длань / И воззовешь: свобода! / Хвалю тебя, о верный брат! / О каменщик почтенный! / О Кишинев, о темный град! / Ликуй, им просвещенный!», – можно прочесть как минимум двумя способами. Первый – автор обращается к родственнику или знакомому – брату, который работает строителем-каменщиком и тем самым просвещает Кишинев. Второй – автор обращается к собрату по масонскому ордену и воспевает его позитивную просветительскую деятельность на благо окружающего пространства. Два эти прочтения диаметрально противоположны: первое из них неверное, а второе – верное.

Получить правильное прочтение в данном случае позволяют знания масонской символики и терминологии (их описание находится в книге Шунейко А.А. Символы и термины масонов. Словарь. Сведения о масонской символике очень актуальны для внимательного читателя, поскольку ее удельный вес в языке русской художественной литературы значителен. Она встречается в текстах многих писателей: Н.М. Карамзина, А.Н. Радищева, А.П. Сумарокова, М.М. Хераскова, А.А. Григорьева, В.Ф. Одоевского, А.С. Пушкина, А.Ф. Писемского, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, И.С. Тургенева, М.А. Осоргина, М.А. Волошина А.Д. Скалдина, А.Белого, Н.С. Гумилева, С. Черного, М. Горького, Б.А. Пильняка, М.А. Булгакова, Ю. Полякова, В.О. Пелевина, Б. Акунина и других авторов.

Книга А.А. Шунейко посвящена тому, как масонская символика функционирует в различных текстах. В ней на очень большом, богатом и интересном иллюстративном материале рассматривается и решается множество вопросов, связанных с характером бытования символов в естественном языке. В кругу этих вопросов четкие и полные ответы найдены на следующие: в чем специфика символа как самостоятельной единицы, как отличить символ одной системы от символа иной системы, каким образом символ реализуется в том или ином тексте и какую роль он в нем играет, как символ воздействует на человека, как символы группируются друг с другом, какие функции они выполняют в картине мира, какие выводы об авторе можно сделать по специфике использования им символов, в чем проявляется многообразное значение символов, каким процессам подчинены исторические изменения символов.

В книге А.А. Шунейко представлена целая галерея авторов, в произведениях которых неоднократно встречаются обращения к масонской проблематике в ее различных аспектах. Из нее можно узнать, например, как отражались символы в контексте «Войны и мира», почему М.А. Волошин в своем творчестве неоднократно сравнивал себя с кузнецом, с какой целью А.С. Пушкин акцентировал внимание на жестах персонажей, по какой причине А. Белый совмещал в одной единице несколько значений, какое путешествие проделал «Заблудившийся трамвай» Н.С. Гумилева и многое другое.

Несомненным достоинством книги А.А. Шунейко является то, что она на конкретном материале показывает несостоятельность ряда укрепившихся в общественном сознании ложных стереотипов о масонстве. Это делается через убедительный показ приоритетных для масонской картины мира категорий блага, света, добродетели, во многом пересекающихся с православной традицией, которая для российских масонов в ее мистическом преломлении была очень актуальной и продуктивно стимулирующей духовные поиски.

Наиболее привлекательным в книге А.А. Шунейко представляется детальный текстовый анализ, раскрывающий перед читателем глубину хорошо известных (например, «Пророк» А.С. Пушкина и «Путешествие из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева) и менее известных (гимны и оды масонов XVIII века) текстов. Это позволяет по-новому взглянуть на различные тексты, увидеть их в действительном содержательном свете. В своей совокупности все эти произведения зримо очерчивают содержательно важное и объемное пространство языка, в рамках которого масонские символы выполняют свои эстетические, познавательные, конструктивные и иные функции.

Можно сказать, что книга возвращает тексты к их исходной семантике, задает тот необходимый уровень комментирования, который приближает читателей к первоначальному замыслу авторов, существенно отличающихся от них своим информационным багажом и характером взглядов на мир. Одновременно она демонстрирует символическую систему как единое целое, очень разнообразное в своих проявлениях. Это динамическое взаимодействие между конкретным и абстрактным задает своеобразный повествовательный ритм, осуществляющий подстройку на нужную волну и группирующий сложные проблемы с простыми решениями.

Особое внимание уделено связям между различными текстами и интертекстуальности; оно проявляется в том, что автор постоянно концентрирует взгляд на перекличках между текстами и задает целые текстовые ряды, объединенные реализацией одной темы, например темы масонского посвящения.

Автор предлагает читателю множество частных и несколько общих глубоких выводов, существенно обогащающих его представления об истории русского языка и литературы, раскрывающих новые горизонты в видении художественного текста. Он приглашает читателя в увлекательное путешествие по таинственным, загадочным, но не пугающим, а светлым лабиринтам, где вместо глухих стен проницаемые словесные формы, вместо пыли веков живое восприятие актуальных фактов, а вместо тусклых ламп животворящие лучи солнца.

Книга будет полезна для всех, кто интересуется сложными вопросами бытования языковых форм, для кого важны непредвзятые оценки литературного процесса, кому актуальны взвешенные идеологические и нравственные приоритеты.

Евгения Савелова,
кандидат культурологии,
доцент, зав. кафедрой
теории и истории культуры
ДВГГУ

Фото Олега ЛИТВАКА. Хабаровск

ЕДИНОЕ ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ

Фрагмент из спектакля «Сухобезводное».
Театр КнАМ (Комсомольск-на-Амуре)

Елена ГЛЕБОВА
Хабаровск

В дальневосточной столице прошел театральный фестиваль, организованный министерством культуры Хабаровского края. По его итогам определены лучшие работы театров Хабаровска и Комсомольска-на-Амуре сезона 2006 года.

Театральные «бутоны» в отсутствие садовников

Театральное жюри, возглавляемое Владимиром Оренovым, доктором искусствоведения, известным российским критиком и режиссером, членом оценочной комиссии национальной премии «Золотая маска», рассмотрело 24 спектакля прошедшего сезона, представленные театрами Хабаровска и Комсомольска-на-Амуре. Кроме того, в рамках фестиваля состоялась конференция. В ее работе приняли участие Ирина Соболевская, заместитель председателя краевого жюри, театровед Анна Шавгарова, а также заведующая отделом театральной критики и член редколлегии журнала «Театральная жизнь» Юлия Маринова (Москва) и редактор «Петербургского театрального журнала», театральный художник Мария Смирнова-Несвицкая (Санкт-Петербург). На конференции сделан подробный профессиональный разбор спектаклей и дана оценка общей театральной ситуации.

По мнению столичных критиков, театры Хабаровского края не самые худшие в России, актерские коллективы на фоне других регионов работают вполне достойно. Владимир Оренов особый акцент сделал на труппе хабаровской оперетты, которая, по его словам, является одной из лучших в нашей стране. Проблема в другом – в отсутствии осмысленного художественного руководства, которое приводит к случайному подбору пьес, чаще всего на потребу зрителю. Полные зрительные залы вовсе не показатель качества. Театры должны воспитывать зрителя, а не наоборот, и столь незамысловатые истины должны быть услышаны, прежде всего, их руководителями. Именно поэтому председатель хабаровского театрального жюри выступил с предложением создать при министерстве культуры Хабаровского края художественный совет, куда бы вошли ведущие актеры, литераторы, музыканты, журналисты. Быть ли такому художественному совету – покажет время.

В любом случае, театральная ситуация в Приамурье отнюдь не критическая, и если краевое министерство культуры осознает существующую проблему и утвердит практику приглашения ведущих театральных мастеров – режиссеров, художников-постановщиков, балетмейстеров и т. д., многое можно исправить. Хабаровск, по выражению Оренова, – город театральных «бутонов», которые пока некому раскрыть. Проблема лишь в садовниках и погоде.

Одним из самых ярких впечатлений прошлого театрального сезона стали режиссерские работы Константина Кучикина, художественного руководителя Хабаровского краевого объединения детских театров, осуществившего на сцене ТЮЗа и кукольного театра два спектакля – сказку-игру «Про кота в сапогах» и «Маленького принца». Пока это единственные постановки из общей театральной палитры края, которые будут рекомендоваться критиками из Москвы и Санкт-Петербурга для участия во всероссийских и международных фестивалях. По итогам краевого конкурса на соискание премии губернатора в области театрального искусства «Маленький принц» стал победителем в номинации «Режиссерская работа года».

Среди других лауреатов – Дмитрий Баркевич, артист Комсомольского-на-Амуре театра драмы, отмеченный в номинации «Лучшая мужская роль года» в спектакле «Зверь», Наталья Чиж, артистка ТЮЗа, победившая в номинации «Лучшая женская роль года» в спектакле «Конек-Горбунок». «Композитор года» – Александр Новиков, создавший музыку к спектаклю «Маленький принц», «Художник года» – Андрей Непомнящий, автор сценографии к этой же постановке. «Балетмейстер года» вновь Ольга Козорез, поставившая в прошлом сезоне танцевальные номера в разных театрах Хабаровска. За новаторство отмечен театр КнАМ из Комсомольска-на-Амуре, известный не только в России, но и за рубежом. Вот уже 20 лет КнАМ идет своей и только своей дорогой в театральном искусстве, вызывая неоднозначные мнения, но при этом никого не оставляя равнодушным. Несмотря на погоду, садовников и нераскрывшиеся бутоны.

Ваш выход, премьера!

Светлана ФУРСОВА
Хабаровск

Театральная жизнь в Хабаровске не балует своих зрителей обилием впечатлений, что обусловлено рядом объективных причин: слабостью, а иногда и отсутствием режиссуры в некоторых театрах, невнятностью репертуарной политики, случайным выбором пьес для постановок. Поэтому она, эта самая жизнь, иногда надолго затухает. Но стоит появиться на театральном небосклоне неординарной личности, взрывается и бурлит, превращаясь в событие и одаряя радостью встречи с прекрасным.

Это вселяет надежду на то, что недостатка в талантливых актерах, режиссерах, художниках в крае нет, просто среда и обстоятельства не всегда благоприятно складываются для творческой личности. Да и удаленность от «культурных столиц» дает о себе знать.

Однако процесс, пусть подспудно, исподволь, все-таки идет. В это очень хочется верить еще и потому, что премьеры сезона 2006 – 2007 гг. в театрах города и края – тому подтверждение. Символично, что почти во всех спектаклях, о которых пойдет речь, тема полета – одна из главных.

Штрихи к «Портрету»

Замысел спектакля «Портрет» по одноименной повести Николая Гоголя зрел в душе художественного руководителя муниципального театра пантомимы «Триада» Вадима Гоголькова в течение нескольких лет, мучил, заставлял приостанавливать работу, чтобы через некоторое время вернуться к ней снова, ища ответы на вопросы: кто мы и зачем живем? Что такое творчество? Есть ли смысл в том, что мы делаем и к чему стремимся, если над нами творит свою волю неведомый и грозный Некто?

Пожалуй, Гоголь самый неразгаданный и таинственный писатель, которому было дано иное, более глубокое, постижение окружающих нас вещей. Не оттого ли все герои его произведений живут в странном мире, на который в свою очередь действуют некие мистические силы, заставляющие человека совершать непредсказуемые экстравагантные поступки, наводящие на мысль о параллельных мирах.

Однако вся жизнь Гоголя, его смерть и то, что происходило и происходит с его произведениями после смерти писателя, не есть ли этот самый параллельный мир, который влияет на нас независимо от того, хотим мы того или нет? Разумеется, можно искать объяснение неправдоподобному в космических явлениях. Можно взывать

Александр Зверев (Чартков)

«ПОРТРЕТ»
По мотивам повести **Н.В. ГОГОЛЯ**
Инсценировка и режиссура – **Вадим ГОГОЛЬКОВ**
Художник – **Павел ОГЛУЗДИН**
Композитор – **Дмитрий ГОЛЛАНД**
Муниципальный театр пантомимы «ТРИАДА»

Наталия Мартынова (Психея)

к Богу. Но что делать, если однажды к тебе вдруг явится Искушение в виде золота, карты или неожиданного предложения, и начинается наваждение, морок, кружение сердца? Те самые, по определению Гоголя, «темные минуты», когда ты понимаешь, что от тебя самого уже ничего не зависит, и весь твой разум и воля замирают, парализованные взглядом чьих-то пронзительных страшных глаз, которые устремляются к тебе в душу и начинают преследовать, не отпуская ни на минуту!

То ли страсть к саморазрушению, то ли инстинкт смерти, который так же присущ человеку, как и инстинкт жизни, но только с этого мгновенья словно какая-то неведомая сила властно вовлекает тебя в свою игру, и человек, вчера еще готовый терпеливо нести свой тяжкий жребий, служа прекрасному и вечному, вдруг соблазняется сиюминутным, ничтожным, прибыльным – и в одночасье теряет свой дар. Ибо «…слава не может дать наслажденья тому, кто украл ее, и не заслужил; она производит постоянный трепет только в достойном ее…».

Спектакль, поставленный режиссером, заслуженным артистом России Вадимом Гогольковым на сцене «Триады», полон тайн и недосказанности, недаром жанр его режиссер обозначил как мистическую драму. Это не портрет – лишь набросок или этюд. Это подступы к Гоголю, попытка осмыслить странную, красивую, какую-то очень пушкинскую повесть средствами пластики, музыки, слова. Да и сценография Павла Оглуздина, будь то аукцион, картинная лавочка на Щукином дворе или каморка Чарткова, напоминает штрихи к коллективному портрету, лаконичные, выразительные. Пожалуй, только музыка композитора Дмитрия Голланда живет своей полной свободной жизнью, наполняя спектакль той легкостью, когда кажется, будто ты летишь в пролетке по знаменитому Невскому проспекту, месту «единственного развлечения бедного на гулянье Петербурга», и сейчас повстречаешь персонажей, знакомых тебе по всей русской классической литературе позапрошлого века. Именно музыка является камертоном происходящему в спектакле, ибо она не просто иллюстрирует или комментирует действие, но является сотворением.

На протяжении сценического времени в спектакле происходят метаморфозы не только внешние, но и внутренние. Исполнитель главной роли Александр Зверев, перевоплощаясь из одного персонажа в другой, словно растворяется в материале. Грани перехода органичны, почти неуловимы: иногда образ напоминает шарж или небрежную зарисовку, а иногда вдруг проглянет портрет, написанный маслом, – мазки точны и плотны, как удары кистью по полотну.

Интересна в спектакле трактовка роли Ростовщика. В исполнении артистки театра Людмилы Селезневой он представлен как обобщенный образ абсолютного Зла, которое может явиться в какой угодно ипостаси – женской, мужской ли. Зло, которое отнюдь не абстрактное понятие, оно живет в глубинах подсознания человека, притаившись, как хищный зверь, который, дождавшись темной минуты, выползает, чтобы искушать и жалить бедную душу. Ему противостоит прекрасная юная Психея (Наталия Мартынова). Белая девушка в ослепительном покрывале – как олицетворение красоты, которая то пытается поддержать художника, то ускользает из мастерской, паря в танце и увлекая за собой Чарткова. Но тщетны ее усилия, красота не спасет этот мир, констатирует театр…

Талант и деньги. Дар, который мстит за предательство и отворачивается от творца, если он продал свою душу дьяволу, оставляя взамен пустые рамы, разрушение, черную бездну небытия – вот итог размышлений, к которому приходит театр, вынося на суд зрителей свою новую работу. Почти не оставляя надежды, и это понятно, ведь Зло в виде загадочного портрета не уничтожено, оно лишь спряталось до поры, чтобы через некоторое время возникнуть на пути другого… следующего...

Не случайно последняя реплика, которая звучит в спектакле: «Продано!» – и удар молотка, как заключительный аккорд в драме жизни под названием «Все на продажу»...

И все-таки хочется надеяться, что «…творенье – выше разрушенья». Как говорит устами одного из героев Гоголь: «Искусство – это молитва, вознесенная к Богу».

В этих словах надежда, ибо зачем весь мир, если человек продал свою бессмертную душу!

Фото Анатолия Попова

Мечта в дырявой корзине

Во все времена взрослые, непоколебимо уверенные в том, что хорошо знают, что нужно детям, без устали растолковывают, объясняют, направляют, оберегают каждый шаг ребенка, стараясь предотвратить малейшее неудобство. Это понятно, ведь они желают своим чадам только добра. Но дети, упрямые мудрецы, хотят сами осваивать окружающее пространство. Выплюнув безвкусную жвачку, предложенную взрослыми, с возгласом: «Я сам!» они бросаются в предлагаемые обстоятельства, чтобы самостоятельно попробовать мир на вкус и на ощупь и сделать свой выбор. Пока это только детские игры.

Поиграть в сказку, с тем чтобы задаться вопросами «А почему?» или «Зачем?», поразмышлять о том, что такое чудо и как сделать, чтобы сказка стала реальностью, предлагает своим зрителям краевой ТЮЗ, представив премьеру спектакля по пьесе благовещенского драматурга Ивана Чернышева «Про Кота в сапогах».

Спектакль-игра, спектакль-приглашение к сотворчеству адресован как детям, так и взрослым. Но встав на позицию детей, создатели спектакля режиссер Константин Кучикин, художник Павел Оглуздин, композитор Дмитрий Голланд, балетмейстер Ольга Козорез сделали все, чтобы детей из пассивных зрителей призвать в соучастники. Отсюда несколько затянувшаяся экспозиция, как показалось, словно известная присказка «…нескоро дело делается» осуществлена режиссером напрямую.

Действие спектакля «Про Кота в сапогах» происходит в гостинице, где хозяин и хозяйка (артисты Александр Фарзуллаев и Ирина Покутняя) немного огорчены отсутствием постояльцев. Нет постояльцев – значит, нет бизнеса, это плохо. Но зато, воспользовавшись паузой, можно сыграть незамысловатую мелодию на пустых бутылках, разбрызгать в воздухе воду из кружки, устроив таким образом дождь, благо что хозяева – люди с воображением.

И вот уже настоящий дождь зашумел за стеной, и два бродячих артиста, два клоуна (Александр Молчанов и

Александр Пилипенко), постучав в дверь, возникли на пороге. Привычно оценив ситуацию, они без лишних слов тотчас включились в игру и, перекликаясь словно птицы, при помощи веселых трелей начали превращать обычные предметы домашнего обихода, метлу, кухонные тазы, краны, в музыкальные инструменты.

Условность, которую безоговорочно и с восторгом принимает зрительный зал, понимая, что знакомый с детства сюжет про кота в сапогах и бедняка Жака – это только повод показать, на что способен каждый из участников представления.

Ибо с этой минуты на сцене начинаются чудеса перевоплощения. Король в одночасье становится нищим, добрейший хозяин гостиницы во втором акте превращается в людоеда, но такого маленького, словно сделанного из металлических конструкций детскими руками, нестрашного робота. А хозяйка и вовсе размечталась до того, что приколов к прическе локоны, стала на время принцессой («Вот такая я!»), влюбленной, легкомысленной, летящей навстречу счастью в карете, сооруженной из обыкновенного таза.

Кому чего недостает, то он в конце концов и получает, стоит только приложить максимум усилий – такова нехитрая мораль, усвоенная нами с детства. Сказку надо выстрадать, вторит театр. Да, но только ведь это уже не чудо, могут мне возразить. Это труд, это пот. Это, если хотите, то, что остается за кулисами и называется кухней театра.

Не оттого ли в финале на глазах всех участников слезы, которые они стараются незаметно смахнуть: цель достигнута, желаемое получено, но стоит ли оно тех усилий, которые на него были затрачены? Ах, не напрасно ли все?

И тут в действие вступает художник спектакля, который дарит героям сказки еще один шанс. Талантливый Павел Оглуздин организовал пространство таким образом, что весь спектакль происходит на авансцене, даже огромные леса и пышные нивы вымышленного маркиза – это всего лишь расписная скатерть, которая «оживает» путем нехитрого движения руки. А главная сцена до поры скрыта глухой стеной.

Это как холст в каморке папы Карло, за которым спрятана волшебная дверь в страну счастья. А может, это только кажется, что там дверь, а на самом деле за ней ничего и нет? Как хочется узнать!

И вот, когда с актеров сошло семь потов и они, натанцевавшись, напевшись, набегавшись, заплакали от счастья, потому что дело пошло к финалу, занавес наконец раздвинулся, и мы увидели воздушный шар с плетеной корзиной, которому надлежит унести участников в счастливую страну. Вот она, награда за труды!

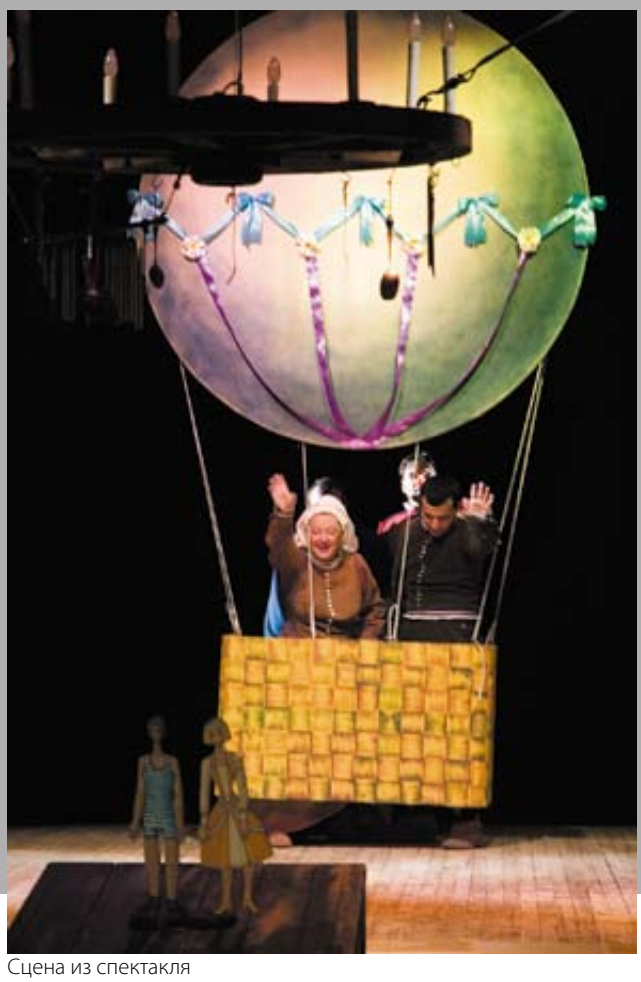
Все побежали занимать места, приготовились к полету, но не тут-то было. Корзина-то без дна оказалась. Шар взмыл ввысь, а они остались, словно высыпавшиеся из корзины картофелины. Прощай, мечта! Чудо, прощай! Вновь счастье поманило и исчезло навсегда, навсегда…

Значит, именно здесь им суждено жить и продолжать свой нелегкий труд. И все актеры – и начинающие, и опытные, и заслуженные – находятся только на подступах к большой Сцене, и путь этот, как дорога к мечте, бесконечен и прекрасен.

Фото из архива
Краевого объединения детских театров

Ирина Покутняя и Александр Молчанов

Иван ЧЕРНЫШЕВ
«ПРО КОТА В САПОГАХ»
Режиссер – **Константин КУЧИКИН**
Художник – **Павел ОГЛУЗДИН**
Композитор – **Дмитрий ГОЛЛАНД**
Краевой театр юного зрителя



Сцена из спектакля

Антуан де СЕНТ-ЭКЗЮПЕРИ
«МАЛЕНЬКИЙ ПРИНЦ»
Режиссер – **Константин КУЧИКИН**
Художник – **Андрей НЕПОМНЯЩИЙ**
Композитор – **Александр НОВИКОВ**
Краевой театр кукол

Плащ для Маленького принца

Тот же принцип приглашения к совместному творчеству использует Константин Кучикин и в спектакле «Маленький принц», постановку которого он осуществил на сцене краевого театра кукол.

Думаю, не найдется режиссера, который не мечтал бы воплотить на сцене философскую сказку-притчу Антуана де Сент-Экзюпери, грустную и светлую одновременно. Тем более в кукольной ипостаси, где один образ так легко трансформируется в другой и белая маска, стоит добавить к ней несколько штрихов, на глазах преображается, превращаясь то в Фонарщика, то в Розу, то в Пьяницу. Все персонажи на одно лицо, скажете? Но, по замыслу режиссера, стоит включить воображение, и белый цвет, который содержит в себе все оттенки спектра, оживает. Из белого шелкового платка (или это кусочек звездного неба?) возникает плащ для Маленького принца, собственно, весь он – это возникшая из белого цвета страна детства. Она еще никакая, и ее будущее зависит от нашего зрительского участия.

Все персонажи, населяющие спектакль кукольного театра, словно из сегодняшнего дня, отсюда нервность, иногда агрессивность, да и сам Принц мало похож на того, который с детства живет в душе у каждого из нас, озвученный голосом известной актрисы. Скорее, это маленький монстр или зомби, который иначе постигает окружающий мир, иначе общается и глядит, да ведь и мир вокруг изменился до неузнаваемости. Но это предостережение взрослым, ибо каков мир, таковы принцы – ничего не поделаешь. В спектакле, который напоминает хорошую студенческую работу, и в помине нет того пронзительного лиризма, которым окрашены страницы повести Экзюпери. Хотя чувствуется, что тема детства режиссером хорошо изучена, что сам он еще «не наигрался». Отсюда масса интересных находок. Однако обилие деталей, в которых порой вязнет действие, рассеивает внимание.

Предоставить зрителям самим «раскрашивать» происходящее и самостоятельно разбираться кто есть кто, предлагать, но не настаивать – девиз создателей спектакля. И вообще, кто сказал, что все должно быть так, как мы привыкли, а не иначе? Ведь он инопланетянин, этот странный ребенок с резковатым голосом, занесенный случайным ветром на нашу безумную и прекрасную планету.

Следя за действием спектакля, понимаешь, что литературный первоисточник предоставляет театру неограниченные возможности для эксперимента, а куклы – поиск необычных форм. Основное условие игры – фантазия, все остальное зависит от степени внушаемости и причастности к игре, основанной на доверии к своему зрителю. Это не означает что надо приседать перед ним на корточки и навязывать свою точку зрения. Это приглашение к разговору на равных. Словно само время, проходя в вышине и цепляясь за белый занавес, как за облако, диктует иные условия. И как бы мы ни стремились уберечь детей от ударов судьбы, жизнь с ними не церемонится, она жестка, неласкова, и порой юному человеку не остается ничего другого, как или приспосабливаться под всеобщее безумье или улететь прямо из детской на другую планету, где тепло, уютно, где елка с подарками, снег и бесконечные игры на свежем воздухе под крылом родных и близких. Для кого-то это становится единственным выходом.

Фото из архива
Краевого объединения детских театров

Обживемся, Ваня?

Преодолеть земное тяготение, оторваться от повседневности и взлететь, чтобы с высоты взглянуть на мир – вековая мечта человечества. Похоже, для жителей деревни из спектакля «Самолет Вани Чонкина», поставленного в краевом театре музыкальной комедии, эта мечта стала реальностью. Вот сейчас они, забравшись в самолет, воспарят и оттуда посмотрят на то бестолковое, нелепое, смешное, невозможное, но такое родное, в котором «то гульба, то пальба», что, уменьшаясь в размерах, остается под стальными крыльями, – Россию.

Свою версию знаменитого романа Владимира Войновича «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина» сочинил известный бард Юлий Ким, с песнями которого для многих из нас связана целая эпоха. Как не без юмора признается сам поэт: « Я давно … паразитирую на чужих сюжетах, которые с удовольствием тащу из сокровищницы мировой литературы». Владимир Дашкевич написал музыку к его тексту, и получился мюзикл. До сих пор нигде в России он не ставился, но этой весной в Хабаровске пьеса нашла наконец свой театр, который в свою очередь пригласил на постановку команду из Москвы и Санкт-Петербурга. С миру по нитке – в результате российская премьера.

За основу оформления художник Владимир Колтунов взял принцип лоскутного одеяла. Словно он вместе с героями спектакля попытался взглянуть на Россию с высоты птичьего полета и увидел ее деревеньки, речки, поля и перелески как веселые заплатки бедности на неброской и милой красоте. А сцены с Гитлером и Сталиным, напротив, окрашены художником в зловещие контрасты – алый и черный.

События в спектакле начинаются с того, что Россия летит в пожар последней кровопролитной войны. Школьный глобус, которым перекидывается председатель колхоза «Красный хомут» Степанида Тимофеевна с полусонными работниками, как символ модели мира, судьба которого в эти минуты решается на политическом уровне двумя полубезумными вождями – Сталином и Гитлером.

Жители деревни, где обитают дураки, умные, добрые, злые, и не подозревают о том, что переживают последние мирные дни; они распевают частушки, влюбляются, тоскуют, мечтают. И вдруг в эту размеренную жизнь, чуть ли не в огородную грядку, к передовой скотнице Нюре Балашовой падает с неба, совершая вынужденную посадку, огромная диковинная птица – самолет. На охрану стратегически важного объекта направляется солдат Ваня Чонкин, человек душевный, обстоятельный и открытый, для которого главные жизненные приоритеты – дом, хозяйство, жена, дети. А все хитроумные планы кровожадных и сумасшедших вождей – ну их к бесу, право!

Вот так, не отходя от охраняемого объекта, наш Ванюша и находит в «Красном хомуте» смысл жизни – конопатую Нюру, которую он готов защищать от красных, от белых и от целой роты НКВД, чтобы уберечь росточек будущей жизни, зародившейся в ней. «Ничего, обживемся», – привычно повторяет Иван, попадая в сложные жизненные ситуации.

Говоря об удачных актерских работах, нельзя не упомянуть народных артистов России Татьяну Маслакову

Владлен Павленко (Гладышев)

Юлий КИМ
«Самолет Вани Чонкина»
По мотивам романа
Владимира ВОЙНОВИЧА
Режиссер – **Владимир Оренов (Москва)**
Художник – **Владимир КОЛТУНОВ (Москва)**
Композитор – **Владимир ДАШКЕВИЧ (Москва)**
Балетмейстер – **Николай РЕУТОВ (Санкт-Петербург)**
Краевой театр музыкальной комедии

Татьяна Маслакова (Нюра), Денис Желтоухов (Иван Чонкин) и бык Борька

Тот самый самолет

Станислав Боридко (Сталин), Владлен Павленко (Гладышев), Дмитрий Стражников (Гитлер)

Людмила Блок (Степанида) на первом плане

(Нюра Балашова), Игоря Желтоухова (Мойше), Валерия Хозяйчева (Курт Шварц), заслуженных – Дениса Желтоухова (Иван Чонкин), Людмилу Блок (Степанида Тимофеевна), Станислава Боридко (Иосиф Сталин), артиста балета Дмитрия Стражникова (Адольф Гитлер), которые работают убедительно, ярко, талантливо, хорошо чувствуя жанр произведения.

В этом созвездии знакомых и любимых зрителями актерских имен неожиданностью стала роль народного ботаника Кузьмы Гладышева в исполнении заслуженного артиста России Владлена Павленко – тоже всенародно любимого. Откуда в этом фрачном герое, красавце, покоряющем женские сердца, тяга к характерности, к гротеску? Актер создает своего селекционера, не боясь быть некрасивым, нелепым, неузнаваемым. Невозможно без смеха и сочувствия смотреть на его перемазанного с ног до головы землей Гладышева, который, истово выращивая невиданный доселе овощ, мечтает растопить лед сердца любимой. Но Нюрка не обращает на несчастного никакого внимания. Ей милее всех на свете Ваня Чонкин, под крылом самолета которого так уютно притулилась ее избушка. Не в силах снести «измену» любимой, и становится Кузьма доносителем. Трагедия, однако.

Не менее важным героем мюзикла «Самолет Вани Чонкина» стал кордебалет. Балетмейстер Николай Реутов, приглашенный на постановку балетных номеров, много работает в этом жанре, его спектакли идут в Санкт-Петербурге, Омске, других российских городах, самого Реутова последнее время можно увидеть в кино, где он выступает как актер («Итальянец», «Танцуй...»). На вопрос, как балетмейстер подходит к созданию того или иного номера, Николай Реутов лаконично отвечает: «Я слушаю музыку, в ней все есть».

Замечу, что танцевальные номера, названные режиссером «вздохом жанра», порой идут вразрез со всем ходом спектакля, например эффектный номер «тарарабумбия» Андрея Семенова, который исполняется в первом акте и повторяется «на бис» во втором, озорной, блестящий, зажигательный. А ироничный танец роты НКВД!.. Редкий случай, когда при исполнении балетных номеров в зале возникает смех. Как это удается? Просто надо обладать чувством юмора, поясняет балетмейстер.

Очевидно, что режиссер спектакля – заслуженный деятель культуры Польши, лауреат премии имени А. Кугеля Владимир Оренов – специально задумал эти номера как вставные, не имеющие к происходящему никакого отношения. Во-первых, чтобы наполнить действие энергией движения, во-вторых, чтобы зрители не забывали, что изображаемая на сцене жизнь – это все-таки театр, в данном случае оперетта, существующая словно вопреки и назло обстоятельствам, какими бы трагичными они ни казались. Неслучайно жанр спектакля обозначен им как деревенский балаган, в котором усталые, от сохи, колхозники, органично вписываются не только в современный характерный танец, но и в классический балет. Элегантно поставленный и исполненный номер на музыку Ференца Легара из оперетты «Веселая вдова» иначе как сном не назовешь, настолько красив, воздушен и нереален этот вальс среди готических колонн.

Выдвинув тему карнавала на первый план, Оренов так все перемешал и запутал, что героям, окончательно утратившим чувство реальности, не оставалось ничего другого, как вместе с Ваней и Нюрой попытаться улететь на охраняемом ими самолете. Все, финита, здесь им больше нечего терять.

Правда, в этом месте в действие вмешалась суровая реальность, не имеющая отношения к сюжету, и не позволила актерам оторваться от земли. Ну что ж, бывает. На то он и театр…

Однако спектакль состоялся. Он уже занял свое место в репертуарной афише, вызывая споры, неоднозначные оценки и мнения. Как тот самолет, появление которого наделало большой переполох в деревне, зато способствовало объединению разных по характеру, возрасту и темпераменту людей.

Ничего, обживемся…

Фото Олеси Александронец

Искусство и добро не имеет границ

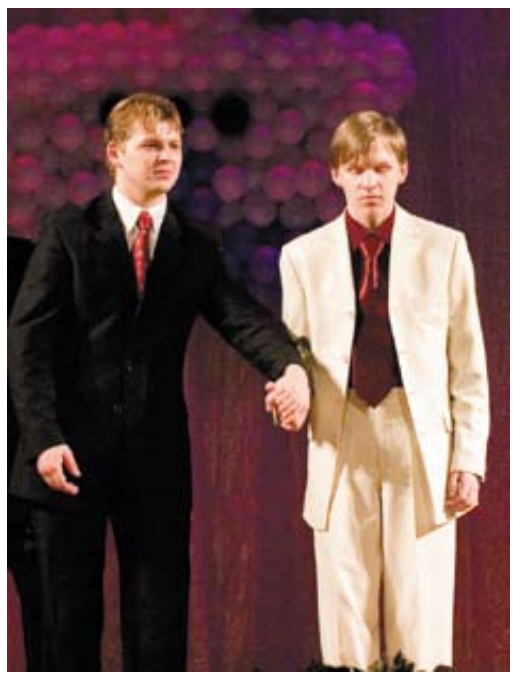
Владлен Блохин
(Комсомольск-на-Амуре)

Елена ГЛЕБОВА
Хабаровск

Дальний Восток стал частью благотворительной программы «1000 городов России» Московского некоммерческого благотворительного фонда «Мир искусства». Вот уже десять лет его основная задача заключается в поиске музыкально одаренных детей с проблемами в физическом развитии.

Следующий и самый важный этап – помощь в их дальнейшем развитии, совершенствовании способностей через консультации педагогов и профессоров Московской государственной консерватории, Академии им. Гнесиных, Академии хорового искусства. За этот достаточно серьезный отрезок времени НБФ «Мир искусства» взял под свое крыло более 15 тысяч юных дарований из самых разных регионов страны, дал им возможность участвовать в смотрах, конкурсах и фестивалях, репетировать и выступать с признанными мастерами отечественной и мировой оперной сцены, знаменитыми оркестрами и дирижерами.

С 2005 года благотворительная программа московского фонда начала действовать на Дальнем Востоке России. Партнерами «Мира искусства» стали общественные организации инвалидов Хабаровского края, Приморья, Амурской области. Среди них Хабаровский краевой благотворительный фонд активного развития, интеграции детей-инвалидов (ХКБФ АРИДИ), который не только самым активным образом включился в московский проект, но и нашел возможность продолжить и развить его на благотворительные пожертвования местных спонсоров.



Андрей Герасименко, педагог летней вокальной школы (Москва) и Иван Лященко (Советская Гавань)

Наталья Федоренко, участница детского хора ЮНЕСКО (Хабаровск)

История о Белом пароходе

Тринадцатый год подряд в благодатные дни августа на просторы Амура-батюшки выходит многопалубный пассажирский теплоход и отправляется в особый рейс. На его борту дети с ограниченными физическими возможностями, для которых это путешествие не только источник оздоровления, общения, но и реальное постижение окружающего мира. Красавец-теплоход везет своих спутников мимо городов и селений, дарит потрясающие приамурские пейзажи, устраивает «зеленые стоянки» на таежных островах. Вместе они встречают рождение солнца и отблески первых звезд, ощущают прикосновение ветра. Здесь их мир – прекрасный, добрый, наполненный творчеством.

День Нептуна

Карнавал на «Белом пароходе»

«Белый пароход» – одна из ключевых программ для детей-инвалидов Хабаровского краевого благотворительного фонда АРИДИ, начало которой было положено еще в 1995 году. По сути, это и стало сбывшейся мечтой капитана теплохода «Василий Поярков» Владимира Петровича Слюсаря, который искал союзников, чтобы возродить давнюю и очень важную традицию Амурского пароходства. Дело в том, что в трудные годы Великой Отечественной войны пароходство собирало детей фронтовиков, определяло их в летнее время на речные суда, где ребята обретали дом, кров, семью, приобщались к профессии речников. И вот в 1995 году, тоже достаточно непростом в социально-экономическом отношении для всей страны и для Амурского речного пароходства, идею капитана Слюсаря о создании детского оздоровительного лагеря на воде поддержала единственная из всех общественных организаций города и края – АРИДИ, имевшая в то время статус ассоциации. Началась история «Белого парохода», связавшего прочной ниточкой прошлое, настоящее, будущее.

Благотворительная программа, подобно живому дереву, росла, развивалась, давала свежие побеги. Каждый новый рейс теплохода-лагеря наполнял программу новыми открытиями. Оказалось, что на борту можно не только отдыхать, но и проводить курс оздоровительного лечения, получать лечебные ванны

в прибрежной бальнеологической здравнице «Анненские воды», устраивать творческие музыкальные фестивали, мастер-классы, конкурсы изобразительного и декоративно-прикладного искусства, туристические спартакиады. «Белый теплоход» зарекомендовал себя уникальной площадкой для реализации права детей с проблемами в физическом развитии на свободу передвижения, занятия искусством, спортом, туризмом. В 2004 году проект вошел в десятку лучших благотворительных программ общественных организаций России. А поскольку случайностей в этой жизни нет, в 2005 году произошла знаковая встреча Хабаровского краевого благотворительного фонда АРИДИ и Московского благотворительного фонда «Мир искусства». Так в пространстве и времени объединились две замечательные общественные программы, направленные на единую цель – помочь детям с проблемами в физическом развитии вопреки врожденным недугам ощутить радость счастливого детства, творчества, мечты, которая сбывается.

Белый пароход становится Кораблем жизни

Первым шагом к сотрудничеству двух благотворительных фондов стал конкурсный отбор музыкально одаренных детей зимой 2005 года. В творческом смотре приняли участие не только ребята с ограниченными физическими возможностями, но и воспитанники детских домов, дети из неблагополучных семей – всего около 30 человек из разных районов Хабаровского края. Конкурс завершился большим фестивальным концертом юных вокалистов и музыкантов, которые своим талантом и жаждой жизни в очередной раз подтвердили простую истину – искусство не имеет границ. Первой дальневосточницей, которую взял под свою опеку фонд «Мир искусства», стала юная хабаровчанка Наташа Федоренко (вокал), получившая затем приглашение на участие в концертной программе фонда, состоявшейся в приволжских городах, а также в Санкт-Петербурге.

Познакомившись с программой АРИДИ «Белый пароход», московские коллеги реши-

У ночного костра

ли принять участие в этом проекте. Так впервые в августе того же года на Дальний Восток приехали представители фонда «Мир искусства», замечательные молодые вокалисты Николай Диденко и Андрей Герасименко. Вместе с детьми – участниками обычной лагерной смены – они отправились в круиз по Амуру, создавая в пути модель специализированной площадки юных вокалистов: устраивали прослушивания, давали мастер-классы для музыкально одаренных детей и в конечном итоге подготовили благотворительный концерт для жителей Николаевска-на-Амуре и участников путешествия. По словам председателя правления Хабаровского краевого благотворительного фонда АРИДИ Ирины Юрьевской, за неполных три недели пути Николай и Андрей естественно и гармонично вписались в мир «Белого парохода», участвовали во всех его событиях. Молодые певцы подарили детворе замечательный праздник – День Нептуна, блестяще исполнив роли морского царя и сказочного музыканта Садко в театрализованном представлении на берегу Амура, и это стало началом большой и настоящей дружбы.

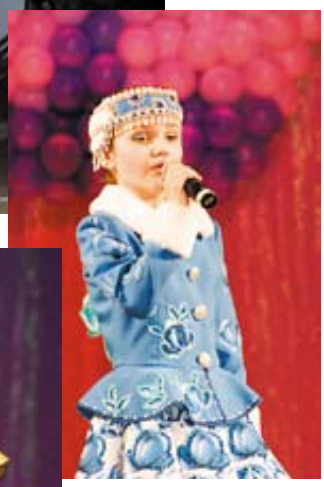
Вернувшись в Москву и подтвердив несомненную значимость «Белого парохода» для региона, Николай Диденко и Андрей Герасименко во многом содействовали тому, что-

Николай Диденко – молодой русский бас...

... и Нептун на Белом пароходе

Александр Покидченко, заслуженный артист России, пианист, композитор (Москва)

Александра Балашова (Хабаровск)



Анна Постнова (Комсомольск-на-Амуре)

Екатерина Сидоренко (Благовещенск)

Анастасия Ширшова (Благовещенск)

Евгений Сычев (Благовещенск)

бы в следующем году программа была поддержана фондом «Мир искусства». И такое решение оказалось очень важным, поскольку, как выяснилось, августовский круиз по Амуру для детей с ограниченными физическими возможностями финансировался в 2005 году из федерального бюджета в последний раз по причине возросшей стоимости детских путевок в лагерь на воде. Дальше – курс в неизвестность. Но благодаря фонду «Мир искусства» программа «Белый пароход» не только получила продолжение, но и расширила свою географию. Предстоящий рейс объединил музыкально одаренных детей из Хабаровского края, Приморья, Амурской области. Занятия в летней вокальной школе на теплоходе под руководством Николая Диденко вели 12 выпускников и студентов Московской академии хорового искусства. Все сошлось: творческий подход к делу профессиональных музыкантов и вокалистов, многолетние наработки АРИДИ по развитию проекта, а главное – понимание того, что никакие физические ограничения и самые неутешительные диагнозы не могут погасить в детях огонек таланта. Рейс 2006 года прошел на высокой ноте. К слову, помимо вокальной школы, на борту «Василия Пояркова» действовала и художественная студия, и руководила ей Наталья Михеева – единственный на Дальнем Востоке художник, профессионально работающий в технике палеха.

Во всей этой истории особая роль у человека, наделенного от природы не только ярким музыкальным даром и артистизмом, но и удивительно чутким сердцем. Николай Диденко, молодой русский бас, который сегодня исполняет ведущие оперные партии на мировых сценах (достаточно назвать Большой симфонический оркестр под управлением Владимира Федосеева, Национальный филармонический оркестр России под управлением Владимира Спивакова, Хьюстон Гранд Опера, Национальную Парижскую оперу, Вашингтонскую национальную оперу и др.). Еще до знакомства с Дальним Востоком молодой певец участвовал в больших благотворительных программах фонда «Мир искусства», среди которых «Звезды мира – детям», «1 000 городов России». И вот уже больше двух лет Николай Диденко организует летние вокальные школы и творческие фестивали для дальневосточных детей с ограниченными физическими возможностями, воспитанников детских домов и школ-интернатов, дает благотворительные концерты с их участием.

Концерт Николая Диденко

Творческий график Николая Диденко расписан от и до – по дням, городам и странам, но с некоторых пор, какие бы предложения ни поступали, даже самые заманчивые, артист всегда освобождает август. Потому что это время «Белого парохода», где его ждут друзья, где он всякий раз делает открытия и находит таланты. К неделям лета постепенно добавились зимние «окна»: несмотря на внушительные расстояния, Николай летит в Хабаровск к своим подопечным, и ему трудно объяснить это словами. Впрочем, истинное добро не нуждается в красивых фразах. Николай говорит, что общение с детьми дает ему самое главное – ощущение своей полезности для конкретного ребенка, для конкретной судьбы. Так и получилось с девочкой-сиротой из Амурской области, с которой Николай познакомился на прослушивании в Благовещенске. Она оказалась обладательницей великолепно-

Гала-концерт лауреатов детского фестиваля «Мир искусства – мир без границ». Хабаровск. 2006

го голоса, да и звезда, под которой родилась юная певица, наверное, была счастливой. Уже в Москве Николай Диденко рассказал о своем «открытии» ректору Академии хорового искусства, поговорил с вокальными педагогами, и когда дальневосточница приехала в столицу, она блестяще прошла прослушивание, став студенткой этого престижного учебного заведения. Впрочем, по мнению Николая, в нашем регионе немало детей с прекрасными вокальными данными – Анна Постнова, Екатерина Сидоренко, Евгений Сычев, Александра Балалаева, Мария Кравцова, Юлия Фридрик – и это далеко не все имена.

В Хабаровске и других городах региона Николай Диденко и его коллеги услышали немало прекрасных детских голосов. Вопрос в том, как можно помочь каждому одаренному ребенку для дальнейшего развития его таланта. Ведь часто дети находятся в сложных социальных и жизненных условиях, и вырваться из них им просто не под силу. Решить же эту проблему может специальный интернат для одаренных детей или школа искусств при каком-то учебном заведении. Подобный опыт, и вполне успешный, уже есть в Новосибирске, Республике Саха (Якутия). Возможно, он найдет поддержку и в Хабаровском крае. Во всяком случае, Николай Диденко во время очередного приезда в Хабаровск в декабре 2006 года встречался с министром культуры Хабаровского края Александром Федосовым, и они обсуждали возможные варианты.

Декабрьский «десант» Николая и его команды уже по приглашению фонда АРИДИ и Дальневосточного симфонического оркестра стал событием в культурной жизни Хабаровска. Маэстро, а вместе с ним композитор и пианист, заслуженный артист России Александр Покидченко, выпускники Академии хорового искусства Андрей Герасименко, Екатерина Рождествина, Сергей Сальников дали два благотворительных концерта в Хабаровской краевой филармонии с участием своих лучших юных учеников, провели серию мастер-классов, прослушивание новых кандидатов в летнюю вокальную школу-2007. Это был настоящий праздник музыки и добра, где нет никаких границ. Генеральным спонсором на этот раз выступила Охотская горногеологическая компания, и она же поддержала программу дополнительного отборочного прослушивания в феврале-марте нового года. Музыканты побывали в Благовещенске, Биробиджане, Хабаровске, Комсомольске-на-Амуре, Солнечном. Собирались лететь в Охотск, но помешал сильнейший мартовский снегопад, и потому охотских ребят оценивали заочно, по аудиозаписям. Прослушали в общей сложности более 300 детей, дали несколько благотворительных концертов, ставших лучшей визитной карточкой предстоящей летней программы, поддержанной генеральным спонсором – Охотской горногеологической компанией и другими бизнес-структурами региона. В итоге участниками рейса «Белый пароход» стали 80 детей с ограниченными физическими возможностями, воспитанников детских домов и школ-интернатов из Хабаровского края, Амурской области, ЕАО, Приморья.

В тринадцатый раз по Амуру на музыкальной волне по маршруту «Мир искусства – мир без границ» отправился «Белый пароход». Этот проект благотворительного фонда АРИДИ на самом деле уникальный. Аналогов ему ни в России, ни в мире до сих пор нет. Проектом дальневосточников заинтересовались в Хьюстоне, где у Николая Диденко много друзей, и в будущем, возможно, программа получит международное развитие. Интересно то, как американцы перевели название «Белый пароход». Для них он «Корабль жизни». И в этом, казалось бы, не совсем точном переложении отразилось самое главное. Без лишних слов.

Сергей Деревянко (Хабаровск)

Альбина Грачева (Хабаровск)

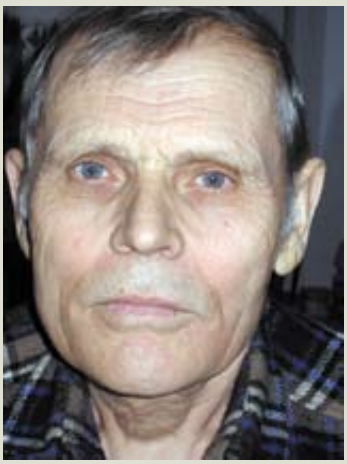
Порыв

Романтический сюжет

…По радио пел Армстронг мелодию
из «Шербурских зонтиков».
Этот симбиоз был настолько прекрасен,
что звезды слезами падали с неба
и расцветали светляками на темных кустах.
Михаил Анчаров. «Самшитовый лес»

Ольга ПРИВАЛОВА,
директор галереи современного искусства
«Метаморфоза», член Союза художников России
Комсомольск-на-Амуре

Осенняя тишина



МАКАШИН Анатолий Викторович
Родился 4 июня 1940 г. Закончил Биробиджанское педучилище, художественно-графический факультет (1958–1963 гг., курс профессора А. Блеоха), а также Хабаровский государственный педагогический институт, художественно-графический факультет (1965–1970 гг., преподаватели С.М. Федотов, Е.М. Фентисов, Е.М. Вольгушев).
Профессиональная художественная деятельность: живопись, акварель.
Работал на кафедре рисунка и живописи преподавателем с 1972 по 1994 г.
С 1965 г. участник городских, краевых, зональных, зарубежных выставок.
1980 г. – член Всесоюзной акварельной группы.
Работал на творческих дачах в г. Горячий Ключ (1975 г.), Челюскинская (1980 г.).
1984 г. – награжден дипломом на международной выставке, г. Портленд (США).

Как неожиданно слились в единый образ романтические мотивы из романа восьмидесятых годов прошлого века и картины Анатолия Макашина «Ночные светлячки», хотя и отдаленные географически и по времени. Чтобы передать ощущение от художественных миров Анатолия Макашина, лучше всего погрузиться в ночную тишину, так как она сродни внутренней динамике его бесхитростных образов, соотнесенных с воображением чувственной памяти. И неважно, что в эту тишину проникает назойливый ритм часов, но далекие городские звуки уводят в вечерне-акварельное настроение «Прогулки», где в сине-фиолетовом потоке угадывается женская фигурка в лабиринте домов. А тишина его утренних речных туманов, в осязаемом голубом мареве которых только изредка слышится всплеск игривой рыбы, и ты каким-то особым то ли внутренним взором, то ли напряжением слуха постигаешь это

Утро

Осенний мотив

неведомое пространство. Малый мир человека с его пространством переживания на фоне большого мира природы.

Творчество художника определяется авторской позицией. Но даже эти слова кажутся громкими для спокойного и тактичного человека, художника Анатолия Макашина. Он в стороне от шумных выставочных дорог, хотя коллекция его работ имела успех в Америке. С друзьями немногословен, предпочитает слушать, поэтому удивила его неторопливая речь, простая и красивая искренним размышлением о сути художественного процесса на встрече со студентами техникума. Оказывается, большая часть жизни отдана преподавательской деятельности. У него пристальный и задумчивый взгляд, уходящий в неведомую глубину. Барометр души художника определяется его творчеством.

Купола России

Лодки

Анатолий Макашин – художник, посвятивший свою жизнь акварели. Акварель – привычный материал, чаще всего применяемый в пленэрной практике. Магия акварели в ее непредсказуемой текучести, способной образовывать бесчисленное количество цветовых нюансов. Современная тенденция окружающей среды тяготеет к декоративной зрелищности, поэтому все чаще художники используют яркую, порой плакатную палитру, принципы дизайна в картине. Акварельные картины Анатолия Макашина возвращают нас к мягкому и нежному, но сложному языку цветовой дифференциации, эмоционально передающему импрессионистическое многоликое звучание природы. В пейзажах художник исследует пленэрную изменчивость, не случайно он избирает мотивы переходного времени года, суток, неустойчивые природные состояния, внимая их взаимопревращению и переводя в образ лирического переживания, – погружение в неуловимую субстанцию акварели метафорически едино постоянной перемене живописной действительности природы.

Наслоение лессировочными слоями создают глубина красочной прозрачности, ощущение бархатистости, богатая внутренняя разработка внутри цветового тона, насыщение рефлексами – и перед нами сюжеты пластической драматургии. Незатейливый мотив с покосившимся забором и приткнувшимся к нему колодцем («Вечерний колодец»), а доминирует в композиции разросшееся дерево. Густую зеленую глубину завоевывает последними багровыми лучами солнце; пигменты зеленой и красной краски, теснясь и выталкивая друг друга, образуют в это мгновение невероятной красоты палитру, обогащенную взаимно дополнительными контрастами, и не думаешь,

Ночные ритмы

Над рекой

что вот-вот это исчезнет под покровом ночи. С его картиной переносишься в реальное состояние неторопливых вечерних прогулок по воду, как будто черпая из колодезного источника силу природы, ее чудодейственную энергию, а еще, глядя на эти красочные контрапункты, почему-то представляются бесчисленные встречи со случайными взглядами около этого своеобразного деревенского клуба встреч, которые или становились счастливыми судьбами, или так в перипетиях жизни оставались воспоминаниями. Та же самая наступательная цветовая мелодия в «Дарах осени», но цветовые нюансы более легкие, изысканнее розово-вишневыми переходами, дополненные кружевными бликами солнечного света, а зеленый тон незаметно прячется в тени.

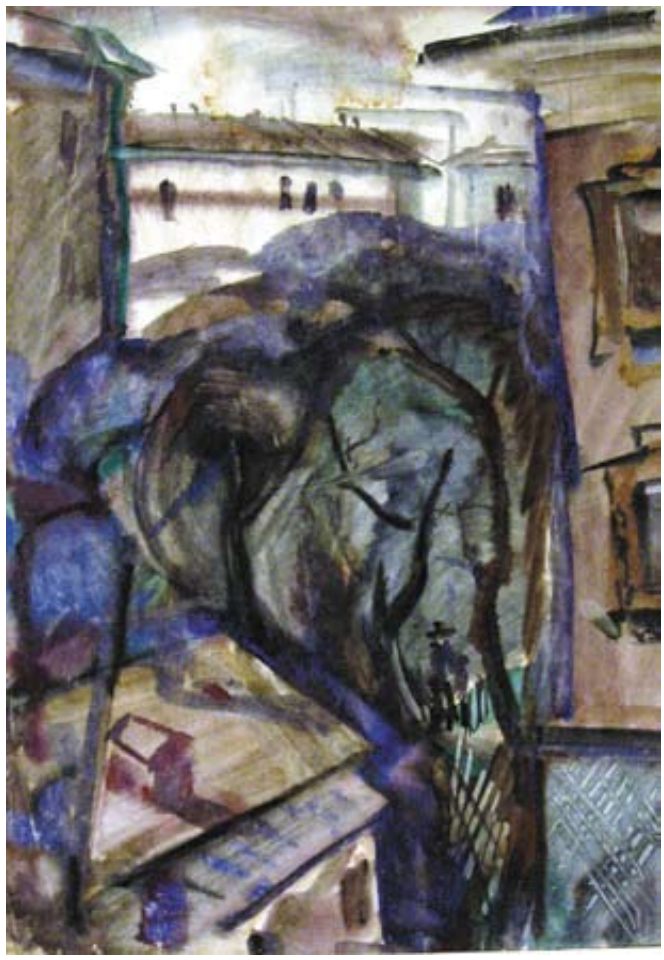
Его пейзажи не являются фрагментарностью пленэра, это сочинительно-обобщенные картины с одновременным ощущением пленэрности и переживанием фрагментов жизненного потока, когда чувствование выходит за пределы картины в эмоционально-духовную память. Его акварели, несомненно, обладают эпическим началом, в них явственно выражена категория интимного и космического, конечного и бесконечного, человеческого и природного. Пространство – вот лейтмотив композиций. Пространство задает философское осмысление всему, что есть в картине. Композиция внешне двухмерная: небо и земля. Проникновение в пространственную атмосферу приводит к осязаемости композиционных планов. Небо представляет гармонию светового потока, выстраивающего цвето-рельефную структуру земли. Этот проникающий свет растворяется в цвете земли, смягчая сопротивление ее тяжести, и образуя единое спокойное пространство в глубинах речных отражений. Но посередине вмещается изображение непрерывного обновления, где происходят все метаморфозы. Это другое измерение, его пластический эквивалент насыщен экспрессией, выявляющей мощь природной энергии. Он не форсирует цвет яркими эффектами, а напрягает звучанием цветового тона, активно разрабатывая тон черной акварели. Художник как будто изучает сопротивление материального, земного потокам света из Космоса: светлые и темные, эластичные и сочные динамичные мазки очерчиваются концентрически мощными графическими мазками, напоминая то барочные эффекты, то выразительную экспансию контрастов Эль Греко («Утро»). Художественная мысль пытается проникнуть в самое сокровенное: какого цвета радуга души в тиши размышлений с приходом заката, ночью, осенними промозглыми днями, дождями, в ожидании, в предчувствии солнца. Архитектоника света в композициях создает сплав чувственной и умозрительной объемности.

Эмоциональность пластического образа невольно увела от внешнего сюжета, демонстрирующего монументальность дальневосточного пейзажа, и настолько в его картинах высока степень верности натуре, что мы вновь совершаем путешествие – общение с природой, которая живет в нас. Удивительно, как органично художник в своих акварельных мирах соединил лирику с патетикой, камерный человеческий мир с вселенской масштабностью («Лодки», «Ночные ритмы»), чувства с ассоциативной мыслью. Его зрение души своей энергией устремлено в некое пространство, где каждый миг –

Дары осени

уникальное открытие, вновь явление и откровение. Последние акварели художника овеяны радостью весенней и легкой летней цветовой гаммы, напоминая особенной ясностью и чистотой пленэрные работы из итальянского цикла известного русского художника Александра Иванова.

Не бывает абсолютной тишины, но композиция «Купола России» – поистине средоточие покоя. Храм, как символ души, его купола уходят в пространство неба: солнце и душа имеют единую природу – свет. Мелодика акварелей Анатолия Макашина не зависит от ритмов современности, она подчинена ритму Природы и Души.



Прогулка

Сикачи-алянская ауха

Работы из новой серии дальневосточного живописца Игоря Кравчука, на которых изображения тигра, рыбы, цветка, петроглифа соединены в причудливые коллажи, хочется разглядывать не спеша. Они словно зашифрованные послания потомкам, несущие в себе полную тайн и очарования загадку. А тайна всегда притягательна. «Наверное, искусство в Хабаровске стало более интеллектуальным, – замечает Кравчук. – Сегодня главный объект, представляющий интерес для зрителей, – внутренний мир человека».

Пылинка вечности на глиняном черепке

Светлана ФУРСОВА
Хабаровск

Дальний Восток издревле привлекал к себе внимание людей не только богатством своей уникальной природы, но и территориальной близостью к Востоку. Однако отнюдь не китайский ширпотреб интересует приезжих и гостей города, а тот характерный для Дальнего Востока колорит, который присутствует в работах дальневосточных живописцев.

Именно месторасположение дальневосточного края, находящегося между Европой и Азией, натолкнуло хабаровского художника Игоря Кравчука на мысль использовать в своих живописных полотнах элементы китайской старинной культуры.

Птица феникс

Властелин тайги

«Когда во время пленэров в нанайском селе Сикачи-Алян, на реках Анюй, Кия, где до сих пор сохранились остатки древних поселений, мне попадались старинные монеты, бусы, глиняные черепки, обломки наконечников с изображением лося, черепахи, солнца, иероглифов, я видел, что они очень похожи на символику приамурских аборигенов, – поделился Кравчук. – Все эти находки, на которых словно лежала пыль веков, волновали воображение, интересовали меня как художника. Они как бы говорили об общности различных цивилизаций, связи веков. А значит, одни и те же символы: река, цветы, рыба, птицы, – для многих народов имели один и тот же смысл».

В процессе изучения восточной символики, знакомства с основами учения фэн шуй художник не мог не отметить такую особенность: каждому элементу присущ свой цвет, своя линия, орнамент. Разумеется, на протяжении времени что-то видоизменялось, утрачивалось, но главная цель: жить в гармонии с природой и в ладу

с собой, нести позитивное отношение к жизни – все же осталось. Ибо искусство, убежден Игорь Кравчук, способно влиять на строй мыслей человека.

Стремление передать через символы быстротекущее время, соединить разрозненные фрагменты в единое целое, в центре которого пристальное внимание художника к человеку, легли в основу нового направления в творчестве Игоря Кравчука. Благодаря изучению современного направления живописи появились работы, выполненные в технике коллажа, то есть наложение на основу материалов другой фактуры, это могут быть предметы археологии, амулеты с символами, металл, керамика и т. д.

Первые выставки вызвали заметный интерес зрителей и привлекли внимание искусствоведов. Цветы, похожие на бабочек, и бабочки, словно легкие цветы на гибких стеблях, экзотические мотивы Сикачи-Аляна – в работах художника одна тема плавно перетекала в другую, получала новое развитие, рождая совершенно новые неожиданные формы.

И хотя Кравчук продолжает писать цветы, натюрморты, пейзажи, но теперь тема эта стала приобретать иной, более глубокий смысл.

Однако интересы художника не ограничиваются живописью. Пять лет назад Кравчук с помощью друга-предпринимателя Евгения Евгеньевича Бегуна открыл в здании Крайсовпрофа на Соборной площади галерею Регионального творческого союза «- 2», которая скоро стала весьма популярной среди художников и коллекционеров, так как объединила в своих стенах людей творческих и инициативных, которые охотно принимают участие во всех начинаниях и проектах. Можно сказать, что открытие галереи на Соборной площади – это тот счастливый случай, когда под влиянием благоприятных обстоятельств затаенные мечты вдруг материализовались и стали реальностью.

Имея за плечами 10-летний опыт работы консультанта и организатора различных выставок, изучая спрос и психологию покупателей в художественном салоне, Игорь Кравчук убежден, что основное условие для выживания и развития изобразительного искусства в городе – поддержка властных структур.

– Отношение властей к художникам, артистам, галеристам, – комментирует художник, – это показатель состояния искусства в стране, городе, крае. Возьмем для примера Москву, там биеннале проводятся в самых престижных и удобных помещениях, это целая программа, которой уделяется много внимания и средств. А у нас в Хабаровске любое начинание подобного рода возможно лишь при помощи коммерческих структур или на голом энтузиазме одного или нескольких человек. Судите сами: единственный выставочный зал Союза художников – художественная галерея имени А. Федотова – был открыт еще при советской власти. И все. Государство сняло с себя все полномочия. С одной стороны, свобода – это хорошо, а с другой плохо, так как минимальная помощь от государства все же должна осуществляться.

– Что конкретно необходимо для того, чтобы изобразительное искусство в крае шло по пути развития?

Бог богатства

Ганеша II

Драконовая черепаха

Ганеша

Дракон – символ успеха и богатства

Счастливый дракон

Собачки Фу

Черепаха

– Предоставлять художникам помещения для проведения выставок и обязать тех, кто этим занимается, самих проводить и организовывать выставки. Тогда на вырученные деньги галереи смогут жить и развиваться. Такой опыт имеется в Москве. Главное, определить требования к галереям: проводить в год не менее шести выставок, работать с профессиональными художниками определенного уровня. Кроме того, галерея – это правдивая информация о художниках, о новых тенденциях в мире живописи, что способствует формированию вкуса и гарантирует качество предлагаемой продукции. Поэтому у нас работают люди, хорошо знающие свое дело, за эти годы сложился вполне стабильный профессиональный коллектив, что тоже способствует упрочению репутации галереи.

– Пять лет существования галереи Регионального творческого союза «- 2» – срок немалый. Что интересного происходило в ее стенах за эти годы ?

– Состоялась совместная выставка Владимира Хрустова и Андрея Павленковича, посвященная Хабаровску, – два непохожих взгляда на родной город, его дома, улицы, старые уютные закутки, где прошло, может быть, и твое детство… Увидели свет работы художников из Санкт-Петербурга. Не оставила зрителей равнодушными персональные выставки Александра Иконникова, Владимира Хрустова – мастеров, хорошо известных не только на Дальнем Востоке. Приятной неожиданностью и открытием нового имени стала выставка работ ученого-лесовода Дмитрия Ефремова, его персональная выставка под названием «Лес и люди. История познания» вызвала большой интерес хабаровчан и коллег художника, сотрудников Дальневосточного института лесного хозяйства. Дважды экспонировались наши художники в Японии, а также в Сан-Франциско. В конце прошлого года гостем нашей галереи стал фотохудожник из Америки Адольф Шапиро. Интерес, который вызвали его фотоработы в России, явился для него сюрпризом… В стенах галереи также были представлены экспонаты сувенирной продукции из частных коллекций. Хочется надеяться, что за эти пять лет галерея превратилась в центр притяжения, где происходят встречи с самыми различными людьми – своеобразный клуб по интересам.

– Что ожидает любителей изобразительного искусства в ближайшем будущем?

– Готовится выставка Вадима Флиссака из Санкт-Петербурга, а также моя персональная с новой серией: цветы, фэн шуй. Выставка карикатуриста Александра Тимягина – работы художника его взгляд на жизнь, думаю, также не оставят зрителей равнодушными.

Вообще значение художественных выставок, открытие новых площадей для выставочных залов, где художники могли бы продемонстрировать свои работы, трудно переоценить. Галерея – это путеводитель в мире искусства, открытие новых имен, это более мобильная форма работы с художниками. Кроме того, галерея – это общение, обмен опытом с западными галеристами, обмен художниками. Смысл работы любой галереи – показать и заинтересовать чем-то необычным, своим, характерным для данного региона, познакомить с изобразительным творчеством как можно больше людей. В дальнейших наших планах – открытие новых галерей, превращение дальневосточного центра в своеобразную творческую Мекку.

Красные маки

Букет с лилиями

Пионы

Подсолнухи

Валантэн де Булонь. **Солдаты, играющие в кости** (копия). XVII в. ДВХМ

Суровый меч и кроткое перо

Покой народам всем, рабам отрады свет,
Спасение навек от горестей и бед
Несут суровый меч и кроткое перо –
Две вещи, вот и все, а третьей не дано.

Мухаммед ас-Самарканди

МЕХОВЩИКОВ Сергей Геннадьевич, научный сотрудник Дальневосточного художественного музея.

Родился в Казахстане. В Хабаровске живет с 1987 года. Окончил исторический факультет Хабаровского государственного педагогического университета. Тема исследования – старинное оружие. Приоритеты в искусстве – художники эпохи Северного Возрождения, поэзия Серебряного века.

Бургиньот («Мертвая голова»). XVII в. ДВХМ

Сергей МЕХОВЩИКОВ
Хабаровск

В Дальневосточном художественном музее хранится замечательная коллекция старинного оружия, большинство экспонатов которой поступило из Государственного Эрмитажа в 1931 году. Коллекция насчитывает 63 предмета европейского, русского и восточного оружия и представляет несомненный интерес как для специалистов, так и для любителей истории.

Изучение музейных предметов позволяет прикоснуться к таинственному миру мастеров-оружейников, превращавших зловещие атрибуты войны в подлинные произведения искусства, беспощадных воинов и, как ни странно, художников. Мастера кисти часто изображали заказчиков при оружии (например знаменитый «Ночной дозор» Рембрандта из Рейксмузеума, Амстердам), ибо оно не только подчеркивало мужественные черты лица и благородное происхождение (таков «Портрет Иоганна Фридриха, курфюрста Саксонского» работы Тициана из музея Прадо, Мадрид), но и придавало воинственный вид даже торгашам и никчемным правителям, кроме того, они часто работали над эскизами различных видов оружия, например знаменитый швейцарский кинжал «гольбейн» (в 1930-е он был скопирован нацистами для форменного кинжала) получил свое название от фамилии великого художника Ганса Гольбейна-младшего, который рисовал эскизы для рукоятей и ножен этих кинжалов. Богатое декорирование

оружия отражало не только тщеславие и богатство его владельца, но уходило в религиозно-магическую практику древних народов. Оружие, от которого зависела жизнь его обладателя, наделяли сверхъестественными свойствами, поэтому на клинках и защитном вооружении помещали изображения святых, заклинания и молитвы, призванные даровать победу, давали личные имена, например, Дюрандаль – меч графа Роланда, Зу-л-Факар – меч пророка Мухаммеда, ставший одним из главных символов ислама. Использовали оружие и в ритуальных целях, оно было призвано сопровождать воинов в загробной жизни, сопутствовало коронациям и свадебным обрядам.

В разных частях света появлялись военные сословия, будь то рыцари или самураи, для которых оружие – это нечто большее, чем кусок железа. Возможно, говоря о своем клинке, они согласились бы со словами, начертанными на двуручном «кошкодере» ландскнехта на одной из гравюр художника и воина Урса Графа: «Ты мой единственный напарник».

В данной статье представлены несколько экземпляров европейского и восточного оружия, которые нашли отражение на картинах и гравюрах из фондов ДВХМ. Данный метод позволит окунуться в эпоху, когда эти предметы были не музейными экспонатами, а практически необходимыми атрибутами воинов. Кроме того, наглядный материал помогает реконструировать их внешний облик, а также способы крепления и ношения оружия.

Для начала рассмотрим европейское оружие. Предмет, который хранится под безликим номером П-236, позволит нам по-иному взглянуть на некоторые картины и проследить эволюцию шлема, именуемого в литературе по оружиеведению бургиньот (фр. bourgignot) или штурмхаубе (нем. sturmhaube). Классический бургиньот можно распознать по нескольким характерным элементам: козырьку, подвижным нащечникам и четко выраженному назатыльнику (воины в бургиньотах изображены на копии картины Валантэна «Солдаты, играющие в кости» из фондов ДВХМ).

Во второй половине XVI века появляются шлемы, соединившие в себе лучшие черты армэ и бургиньота. Взяв общую конструкцию с присоединенным ожерельем (оно равномерно распределяло вес шлема на плечи) от армэ, новый шлем отличался от него устройством забрала, на котором непременно присутствует козырек. Забрало, крепящееся на двух боковых шарнирах, как правило, двух

Ю. Сустерманс.
Портрет Фердинанда Медичи, герцога Тосканского.
ДВХМ

видов. В первом случае оно образовано несколькими вертикальными прутьями, составляющими решетку, поэтому шлем иногда называют решетчатым, либо одним центральным прутом (подобный шлем изображен на картине Ю. Сустерманса «Портрет Фердинанда Медичи, герцога Тосканского» из фондов ДВХМ). Во втором случае забрало имеет вид выгнутой пластины с большими прорезями для глаз, а иногда для рта, как на музейном шлеме. Козырек, заимствованный у бургиньота, неподвижно прикреплен к

Питер Кваст.
Борьба за знамя (фрагмент).
Нидерланды, XVII в.
ДВХМ

Седельный пистолет.
Западная Европа, XVII в.
ДВХМ

забралу и двигается вместе с ним. По внешнему виду забрала, отдаленно напоминающему череп, в Германии шлем назывался «мертвая голова» (нем. totenkopf). Под этим названием он известен и в русскоязычной литературе. На картине голландского художника Питера Кваста (1606–1647) «Борьба за знамя» на некотором удалении от боя изображен на первый взгляд ничем не примечательный всадник. При более внимательном рассмотрении это изображение дает обильную пищу для аналогий с музейными экспонатами. Голову всадника защищает шлем с красным плюмажем и забралом, стилизованным под череп (totenkopf). Тело, руки и ноги до колен защищены так называемым трехчетвертным доспехом черного цвета. По цвету доспехов можно предположить, что этот кавалерист не кто иной как «черный» рейтар, хотя по другой версии слово «черный» употреблялось как синоним слова простой (незнатный, неродовитый). В руке у него характерное для рейтаров оружие – седельный пистолет. Появление седельного пистолета в середине XVI века стало возможным благодаря изобретению колесцового замка. В отличие от фитильного он позволил производить выстрел при помощи одной руки. Рукоять седельных пистолетов располагалась под малым углом наклона по отношению к стволу. Такая конструкция затрудняла прицеливание, но зато позволяла легко выхватывать оружие из седельной кобуры (ольстры), отсюда название – седельный пистолет. Вооруженные пистолетами рейтары разработали специфичную тактику ведения боя – караколе (улитка), где первые ряды всадников, разрядивших свое оружие, сменяли поочередно задние ряды, пока первые заряжали пистолеты. Таким образом создавался эффект непрерывной стрельбы, а пистолет вытеснил копье из вооружения кавалерии. Ольстры изображены на картине

художника А.О. Орловского (1777–1832) «Верховые». Картина также дает представление о комплексе защитного вооружения, характерного для польских гусар XVII века. Вооружение включает кирасу, которая в набрюшной части состоит из трех горизонтальных полос на шарнирном креплении, наплечники, ожерелье и гусарский шишак, сочетающий черты европейского бургиньота и восточной ерихонки, и наступательное оружие: меч, пистолет и карабин. В целом оружие соответствует вооружению гусара, а отсутствующие элементы: копье, базубанды и крылья оставим на совести художника. Карабин, притороченный к седлу, по конструкции очень похож на ружье из музейных фондов, которое представляет собой охотничье ружье с аркебузным прикладом и кремниево-ударным замком, вероятно немецкого происхождения. В руке гусара шпага или меч, отличить которые по изображению весьма сложно, однако, это возможно на примере музейных предметов. Отличие шпаги от меча можно проследить по более узкому граненому клинку, сложной гарде и наличию рикассо – незаточенной части клинка, к которой примыкают дужки для большого и указательного пальца (фр. Pa d'Ane – ослиная подкова).

Таким образом, оружие в сочетании с изобразительным искусством, позволит реконструировать внешний облик всадников, которые могли встретиться на полях сражений Тридцатилетней войны (1618–1648) – самого страшного потрясения для Европы XVII века. Всматриваясь в лица суровых воинов, задумаемся хоть на миг: кто они, эти красиво одетые, словно актеры из гламурных исторических фильмов, люди? Не они ли украсили Европу «деревьями ужаса», чьи ветви прогибались под тяжестью десятков повешенных? Не они ли жгли, грабили, насиловали и убивали, ни в грош не ставя ни свою, ни чужую жизнь? Не их ли постоянными спутниками были эпидемии и голод, собравшие страшную жатву с европейских стран? Приведу немного скучной статистики: в Саксонии с 1630 по 1632 год убыль населения составила 934 000 человек, в Пфальце из полумиллиона жителей в 1618 году к концу войны осталось 48 000, а в одном из округов Тюрингии количество населения, соответствующее переписи 1634 года, восстановилось лишь в 1849 году. Так что эти бравые ребята, смотрящие на нас с полотен, подобно апокалипсическим всадникам, пропитанные запахом человеческого страха и отчаяния,

Меч кавалерийский. (фрагмент).
Западная Европа. XVI в.
ДВХМ

Кираса.
Западная Европа. XVII в.
ДВХМ

Аркебуза (фрагмент).
Германия (?). Кон. XVII – нач. XVIII в. ДВХМ

А.О. Орловский. **Верховые**. Кон. XVIII – нач. XIX в. ДВХМ

Костюмная шпага.
Германия (?)
Кон. XVIII в.
ДВХМ

Шпага.
Западная Европа.
Кон. XVI – нач. XVII в.
ДВХМ

Н.С. Мосолов.
Афганец.
XIX в. Гравюра.
ДВХМ

оставляли после себя лишь пепелища и всепроникающий смрад трупного тления, а нас, надеюсь, заставят еще раз задуматься над страшным и безжалостным словом «война».

Завершающий этап эволюции шпаги возможно проследить на примере другого музейного экспоната. Это некогда грозное оружие воинов и дуэлянтов к середине XVIII века превращается в декоративное, которое имеет много названий: гражданская, придворная или костюмная шпага. Шпага состоит из легкого колющего клинка, рукояти с тонким череном, яйцевидного навершия и закрытого эфеса с двухчастным щитком. Данный вид шпаги потерял свое боевое значение (о чем говорят рудиментарные Pa d'Ane) и использовался как неотъемлемый атрибут повседневного дворянского костюма. На портрете архитектора и первого ректора Академии художеств А.Ф. Кокоринова работы П. Ксидиаса с оригинала Д.Г. Левицкого мы видим изящную шпагу, относящуюся к той же конструкции, что и музейный экспонат.

Восточное оружие, вызывающее неподдельный восторг качеством отделки, также нашло отражение в произведениях изобразительного искусства, представленных в ДВХМ.

Комплекс защитного вооружения, характерный для индо-персидского региона, изображен на гравюре Н.С. Мосолова с оригинала В.В. Верещагина «Афганец». На этом до зубов вооруженном головорезе надета кольчуга и оригинальный доспех – чар-айна («четыре зеркала»). Чар-айна появилась в Иране как альтернатива кольчато-пластинчатым доспехам (юшман, бахтерец) не ранее XVI века. Классический доспех состоит из двух прямоугольных пластин (иногда встречаются пластины, у которых верхний край в виде арки) с немного выпуклой поверхностью, для более плотного прилегания к телу, предназначенных для защиты груди и спины, и двух боковых пластин с выемкой по вернему краю. На внешней стороне пластин прикреплены застежки, в которые продевались кожаные ремни, соединявшие «зеркала» между собой. Передняя и задняя пластины дополнительно соединялись друг с другом при помощи плечевых ремней. Эти ремни, как наиболее уязвимые для перерубания, защищались металлическими пластинками или кольчужной сеткой.

Кольчуга, представленная в музее, скорее всего восточного происхождения. По креплению колец данный предмет относится к виду кольчатого доспеха, именуемого в России панцирь (от греч. пансидерион – железо). Отличие от кольчуги состоит в способе крепления колец. В кольчугах кольца скреплялись между собой при помощи гвоздя, проходящего сквозь отверстия в кольцах, тогда как в панцирях практиковалось крепление на шип, укрепленный на одном из концов кольца. Ударом молотка или особыми отжимными щипцами шип вгонялся острием в отверстие на другом расплюснутом конце кольца. Таким обра-

Щит «Сипар». Иран. XVIII–XIX вв. ДВХМ

зом, этот способ крепления значительно проще и быстрее других, а кроме того, шип выходил на внешнюю сторону доспеха и не рвал одежду. Косвенным указанием на происхождение панциря может служить нагрудная пластинка из желтого металла, соединяющая края горлового выреза. Возможно, это «кантха собха» (шейный щиток), напоминающая европейские нагрудные знаки офицеров XVIII века, характерная для индийских кольчатых доспехов.

За поясом афганца целый арсенал клинкового оружия, не имеющего аналогий в музейной коллекции, а за спину перекинут щит. Щит лучше виден на картине К.Ф. Гуна (1830–1877) «Арабский воин». Металлический иранский щит-сипар ведет свое происхождение от щитов из кожи или сплетенных прутьев (калкан). На внешней поверхности музейного щита прикреплены четыре полусферических умбона, которые служат для придания прочности и украшения щита. Сюжеты, типичные для иранского искусства, и надписи на персидском языке придают щиту парадный вид. Несмотря на парадное оформление, подобные щиты сохраняли боевое значение в иранской коннице вплоть до XIX века. Кроме щита на картине изображена сабля-саиф, конструктивно восходящая к иранской сабле типа шамшир. Шамшир (шамшер, шимшир – львиный хвост, львиный коготь) появился в Иране скорее всего в XVI веке. Благодаря клинку, который удачно сочетал в себе режущие и колющие свойства, получил широкое распространение на Кавказе, в Средней Азии, Турции и России. В каждом регионе имел свои особенности в конструкции рукояти и декоре. Музейная сабля состоит из узкого булатного клинка большой кривизны, которая начинается от пяты и резко нарастает к острию. Рукоять, типичная для иранских сабель, состоит из двух костяных щечек, соединенных заклепками. Крестовина из белого металла с короткими концами, заканчивающаяся шишечками, украшена растительным узором, а на лицевой стороне изображен хищник из семейства кошачьих (барс?). Головка рукояти металлическая в форме колпачка с четырьмя язычками для крепления.

К.Ф. Гун. **Арабский воин**. ДВХМ

Шамшир. Иран. XVIII–XIX вв. ДВХМ

С. С. Щукин.
Павел I.
ДВХМ

Эспонтон.
Россия. 1800
ДВХМ

Итак, дополнив оружие изобразительным материалом, мы имеем возможность воссоздать облик восточных воинов, противостоявших русским войскам Черняева и Скобелева, которые освободили Среднюю Азию от средневекового мракобесия, междоусобных войн и работорговли.

Для более полного представления о коллекции целесообразно привести один из предметов русского оружия. В качестве примера приведу эспонтон – офицерское древковое оружие, не имеющее прямых аналогий в изобразительном искусстве из фондов ДВХМ. Однако декор на наконечнике эспонтона находит продолжение на портрете Павла I кисти С.С. Щукина (1762–1828), на котором император изображен с крестом ордена Св. Иоанна Иерусалимского на цепи. С чем это связано? Как известно, в 1797 году Павел I принимае титул «протектора», а в 1798 году избирается гроссмейстером Мальтийского ордена, поэтому символика этого рыцарского ордена появляется в русской геральдике. Так, 10 августа 1799 года мальтийский крест и корона были включены в состав Государственного герба Российской империи. Эти изменения в геральдике наглядно демонстрирует музейный эспонтон, наконечник (перо) которого украшен с обеих сторон изображением двуглавого орла под короной, на груди орла – мальтийский крест с Георгием Победоносцем в медальоне и мальтийская корона. Так причудливым образом переплетается история ордена иоаннитов, последнего отголоска эпохи крестовых походов, с историей православной Российской империи.

В заключение хочу обратить ваше внимание на гравюру замечательного художника, ученика А. Дюрера Ганса Зебальда Бегама «Взятие Иисуса в Гефсиманском саду», и не потому, что стражники вооружены алебардами (пылитесь с миром в музейных сейфах), а чтобы напомнить слова Спасителя: «…возврати меч твой в его место; ибо все взявшие меч мечом и погибнут» (Мф. 26. 51-52).

Ганс Зебальд Бегам.
Взятие Иисуса в Гефсиманском саду

Сосновый бор. 1895. Холст, масло. ДВХМ

Открывший эпоху русского пейзажа

К 175-летию со дня рождения И.И. Шишкина

И. Крамской. Портрет И.И. Шишкина. 1880. ГРМ

Корни Ваши так глубоко и накрепко вросли в почву родного искусства, что их никем и никогда оттуда не выкорчевать.

Из письма В.М. Васнецова к И.И. Шишкину. 1896 год

Наталья СТАРУН,
заведующая отделом русского искусства ДВХМ
Хабаровск

Обращение к художественному наследию Ивана Ивановича Шишкина, открывшего в России новую эпоху пейзажного жанра, всегда вызывало интерес ценителей русского искусства. И сегодня работы великого пейзажиста, хранящиеся в Дальневосточном художественном музее, неизменно останавливают восторженных зрителей.

С 1928 по 1931 год из Государственного Русского музея поступили его работы: живопись «Сосновый бор», экспонировавшаяся на передвижной выставке в 1895 году в Петербурге, и рисунок «Дорога». В это же время из Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина поступил офорт «Тайга». Позднее, в 1955 году, из Государственного Русского музея поступили офорты его знаменитого альбома «60 офортов профессора Ив. Ив. Шишкина»: «Крымский вид» и «Первый снег», а также литография «Осины».

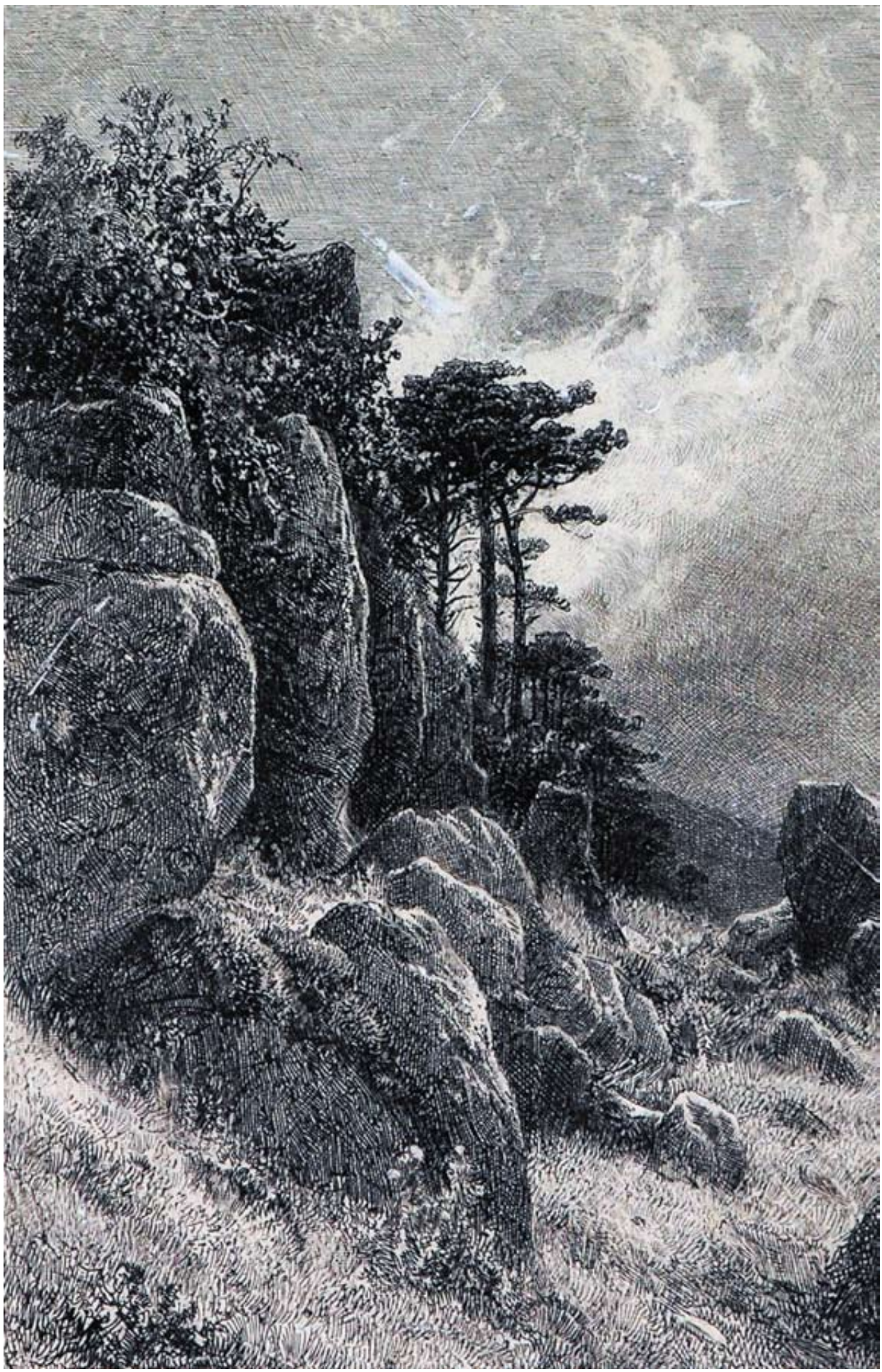
Основной темой этих работ, как, впрочем, и всего творчества И.И. Шишкина, является русская природа. Пейзаж, по его убеждению, должен быть глубоко национальным и даже местным. Для этого художника картины были связаны не только с конкретным видом мест-

Первый снег. 1892. Бумага, офорт. ДВХМ

ности, а с определенным идейным содержанием. Об этом свидетельствуют уточняющие авторские определения: «Простор. Угодье. Божья благодать, Русское богатство». Он мечтал, что «придет время, когда вся русская природа, живая и одухотворенная, взглянет с холстов русских художников». В одном из посланий Павлу Михайловичу Третьякову, меценату и основателю Государственной Третьяковской галереи, Иван Иванович Шишкин писал: «Милостивый государь! Очень рад, что картина попала в такое богатое собрание русских художников!» Эти слова можно отнести и к коллекции нашего музея. Картина И.И. Шишкина «Сосновый бор» находится в экспозиции русского искусства в таком замечательном соседстве, как И.И. Айвазовский, И.И. Левитан, Ф.А. Васильев, М.К. Клодт, А.И. Куинджи, П.П. Верещагин, о котором и мечтал художник. Однако Шишкин превзошел пейзажистов 50–60-х годов XIX века в смелости и целесообразности приемов нанесения краски на поверхность холста. Все его работы, как и картину «Сосновый бор», отличает стремление как можно точнее передать своеобразие природы: изображая гладь воды, он неизменно загладит и краску, а густым, шершавым слоем передавал хвойную фактуру сосновых лап. Он считал, что первый план надо писать всевозможными способами и приемами, добиваясь подробной детализации, отчего сильнее выигрывает трактовка последующих планов – лес кажется широким и удаленным.

В каждой работе Шишкина есть продуманная организованность. Зритель может заметить, как в «Сосновом бору» два больших, симметрично расположенных ствола, за ними еще по два уравновешивают картину. Ритмичность в расположении высоких прямоствольных сосен, ясность их контуров, взаимоуравновешенность воздушных масс и горизонтальный формат холста – все придает картине конструктивную устойчивость, крепость. Теплый свет, проникающий сквозь зелень ветвей, тончайшие оттенки цвета, различающего деревья одной породы, – важнейшие приметы пейзажной живописи И.И. Шишкина.

При всем многообразии живописных приемов в основе работы этого художника всегда лежал четкий академический рисунок. И потому нельзя представить творчество И.И. Шишкина во всей его полноте без графики. Рисунок является не только самым крупным разделом его творчества, но и особенно им любимым. Уже ранними, филигранно отточенными в деталях графическими работами Шишкин завоевал славу виртуозного рисовальщика. Во время его обучения в Петербургской академии художеств академический совет постановил сделать именно шишкинские рисунки образцом для учащихся. После успешного окончания Академии художеств, будучи командированным пенсионером за границу, он писал своему другу из Цюриха: «От моих рисунков здесь просто рот разевают, да немного того и от моих этюдов». Испытать восторг от рисунков юбиляра, к сожалению, зрители нашего музея пока не смогут, т. к. все поступившие работы находятся в запасниках. Однако пять репродуцированных в этом журнале графических работ позволят судить о безупречном мастерстве Шишкина-рисовальщика.



Крымский вид. 1882. Бумага, офорт. ДВХМ

Дорога. 1892. Бумага, карандаш. ДВХМ

Карандашный рисунок «Дорога» выполнен в свободной линейно-штриховой манере. В нем чувствуется шишкинская «музыка карандаша», где линия то подвижная и гибкая, иногда плавная, иногда упругая и сильная, иногда легкая и волнистая. Живее и разнообразнее становятся его штрихи, подчас резкие, сгущенные да черноты. Так и представляется рисующий И.И. Шишкин с образных слов И.Е. Репина: «… Публика, бывало, охала за его спиной, когда он своими могучими лапами ломового и корявыми мозолистыми от работы пальцами начнет корежить и затирать свой блестящий рисунок, а рисунок точно чудом или волшебством каким от такого грубого обращения автора выходит все изящней и блистательней». Лаконично и экспрессивно изображен на рисунке удаляющийся к величественному лесу путник. Фоном служит облачное небо, встревоженное стаей птиц. Возникает удивительный эффект узнавания рус-ского пейзажа, достигнутый скорее путем образного, а не повествовательного решения сюжета.

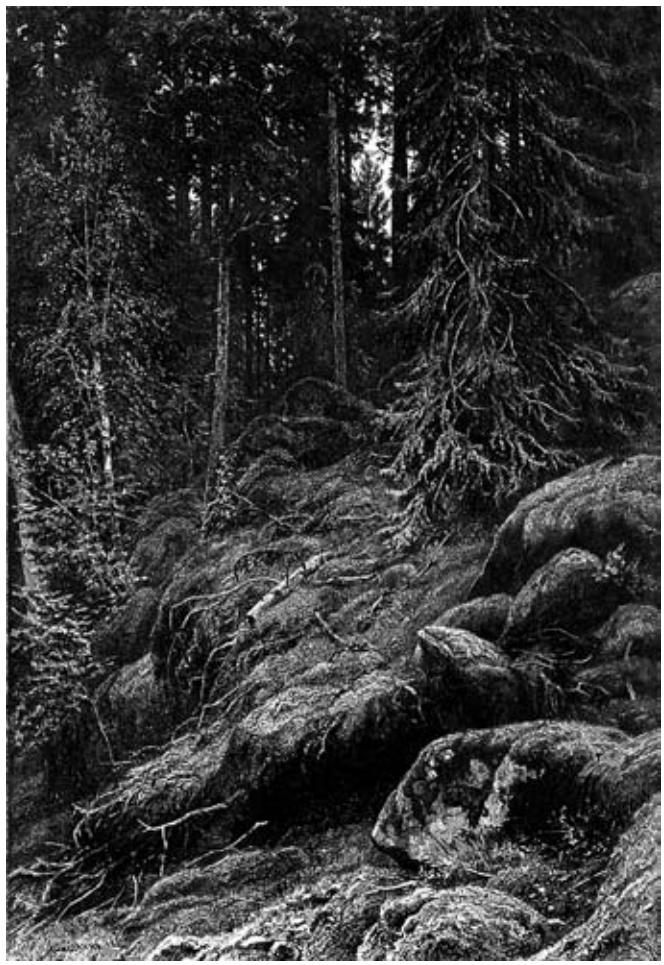
В 70–80-е годы XIX века за Шишкиным закрепилась репутация крупнейшего русского гравера своего времени. Офорты для него – своеобразная лаборатория для экспериментов в технике, а также демонстрация своего мастерства. В офорте «Тайга» большую часть композиции занимают вертикально размещенные стволы елей, сосен, осин. Перед ними диагонально нагроможденные валуны создают препятствие, отчего величественная красота тайги казалась бы недоступной, если бы не яркий луч света вдали, пронизывающий листву. И густая чаща уже вызывает желание в нее устремиться.

Особый интерес вызывают его работы из четвертого альбома 1895 года, включающего 60 лучших офортов, созданных художником за 20 лет: «Крымский вид» и «Первый снег». Они обладают большой эмоциональностью, поэтичностью и свободой выражения, отличаются простотой и точностью изображения рисунка. Различные оттенки черного в них, звучность белого цвета, желтоватая просвечивающая бумага придают этим офортам особую выразительность. Не пренебрегая деталями, Шишкин не замыкает ими все пространство: незаполненность, освещенность диагональных участков переднего плана и высокое небо, занимающее половину пейзажа, дают ощущение величественных просторов. Как и во всех его лучших работах, ведущая для передвижников народная тема раскрывается им через образ родной природы.

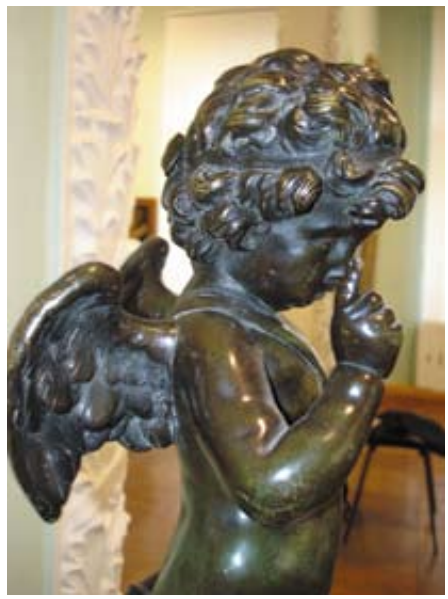
В литографии «Осины» в полной мере сказалась способность автора концентрировать внимание на главном и одновременно вести подробный неторопливый рассказ о жизни леса. Здесь художник в полной мере нашел свой идеал – синтез гармонии и величия.

Познакомиться с этим «патриархом лесов», приобщиться к его опыту, услышать его рекомендации являлось мечтой многих вступающих на путь искусства. К «школе» Шишкина на первых порах обращались почти все пейзажисты молодого поколения, что обусловило их дальнейшее уважительное отношение к нему и к его творчеству. Однако последователей у Шишкина не оказалось. Слишком суров, требователен к себе и скрупулезен в работе был этот великий труженик. Иван Николаевич Крамской, один из главных идеологов движения передвижников, утверждал, что «когда Шишкина не будет, преемник ему не скоро сыщется». Увы! Нет его и поныне!

Осины. Бумага, литография. ДВХМ



Тайга. 1880. Бумага, офорт. ДВХМ



Этьен Морис Фальконе. **Амур**.
Бронза. ДВХМ

Образ живой, одушевленный, страстный

Анастасия БЕРКОВСКАЯ,
заведующая отделом западноевропейского искусства ДВХМ
Хабаровск

Самым ярким событием в истории скульптуры эпохи Екатерины II было сооружение бронзового конного монумента в честь Петра Великого, созданного знаменитым французским скульптором, который работал над ним целых двенадцать лет. Этьен Морис Фальконе (1716–1791) прославился в России Медным всадником, а в Париже он слыл непревзойденным исполнителем амуров – божеств любви – в мраморе и бронзе.

Мифологические стрелы Амура, пронзая сердца богов и людей, пробуждали любовь. Миф об Амуре лежит в основе многих сюжетов, привлекавших внимание художников на протяжении многих столетий. Трактовка их менялась в соответствии со вкусами общества. В античном искусстве Амура представляли в виде юноши. В эпоху Возрождения образ Амура соединился с ангелом и изображался на полотнах парящим в небесах младенцем – путти. Символом чувственного наслаждения – веселым, шаловливым ребенком с луком и колчаном, наполненным стрелами, – предвестник любви стал в галантном веке рококо. По словам Сергея Даниэля, это было время свободы наслаждаться игрой мысли, чувств, воображения, слов, звуков, линий, красок, как это делали Ватто, Дидро, Буше, Фальконе, Казанова, Лакло, Бомарше, Моцарт. Перефразируя Талейрана: «Кто не жил в галантном веке, тот не знает сладости жизни».

Этьен Морис Фальконе родился в Париже в семье столяра. Ремесло скульптора он начал осваивать у своего дяди Ж.-Б. Лемуана, рано распознавшего способности своего ученика. Лемуан участвовал в расцвете его таланта и всю жизнь оставался одним из немногих преданных друзей. В 1757 году Фальконе возглавил скульптурную мастерскую на Севрской фарфоровой мануфактуре, где создал десятки моделей для мелкой пластики. Его влияние на скульптуру Севра было столь велико, что современники называли десять лет его работы «периодом Фальконе». Его произведения являлись воплощением стиля рококо в скульптуре. Миниатюры «Грозящий Амур», «Купающаяся нимфа», выставленные в парижском Салоне и исполненные для особняка маркизы Помпадур, принесли автору большой успех. Многие мастера Франции того времени обращались к образу бога любви и соперничали друг с другом в наиболее изящной трактовке галантной темы. По словам Немиловой, художники эпохи рококо сумели перевести в пластику и зримые формы зарождение склонности, нежность, ревность, разочарование, кокетство. Лишь выразительность линий по силе воздействия заменяла целую любовную сцену. В «Размышлениях о скульптуре» Фальконе писал: «Натуру живую, одушевленную, страстную – вот что должен изображать скульптор в мраморе, бронзе, камне». Силою своего дарования Фальконе превратил твердый холодный материал в пульсирующую пластическую форму.

Большинство произведений мастера были исполнены им во Франции и привезены с собой в Россию. Эрмитажные работы Фальконе, по мнению Воронихиной, раскрывают и его восприимчивость ко вкусам эпохи, и творческие метания этого талантливого скульптора, желавшего преодолеть границы условных форм, принятых Салоном. Образ Амура, многократно воплощенный мастером в различных материалах, формах и типах, всегда соответствовал духу французского аристократического общества. «Амур» из коллекции Дальневосточного художественного музея был передан Эрмитажем в 1931 году, и находится в постоянной экспозиции зала французского искусства. Даже неискушенному зрителю привлекательно изящество и текучесть контура скульптуры, идеальное пропорциональное соотношение размера и формы. Естественной грацией веет от всего облика Амура. Его локоны, крылья, ленты, лук и колчан со стрелами воспринимаются как совершенно выполненные декоративные элементы. Такая скульптура была украшением интерьера XVIII века, изысканностью ублажая взор посетителей салона. Жест указующего, грозящего пальчика рождал мысль: «Берегись любовных стрел, твое сердце во власти Амура», увлекая куртуазным диалогом. Образ передавал состояние изнеженности, чувственного наслаждения. Кажущаяся легкость бронзовой скульптуры по сей день впечатляет совершенным владением формой. Обладать таким мастерством доступно поистине выдающемуся таланту.

Дени Дидро характеризовал Этьена Фальконе человеком одаренным, обладающим всевозможными качествами, совместимыми и несовместимыми с гениальностью: «У него вдоволь тонкости, вкуса, ума, деликатности, благородства и изящества; он груб и вежлив, приветлив и угрюм, нежен и жесток; он обрабатывает глину и мрамор, читает и размышляет; он нежен и колок, серьезен и шутлив; он философ, который ничему не верит и хорошо знает, почему». В декабре 2006 года исполнилось 290 лет со дня рождения французского скульптора, творение которого в подлиннике восхищает почитателей искусства в Дальневосточном художественном музее.

«Прогулка» Дюрера и страхи Средневековья

Сергей МЕХОВЩИКОВ, научный сотрудник ДВХМ
Хабаровск

Величайший немецкий художник и гуманист эпохи Возрождения Альбрехт Дюрер представлен в ДВХМ двумя гравюрами: «Прогулка» (1496–1497 гг.) и «Св. Варфоломей» (1523 г.). Обе работы поступили в ДВХМ из Музея изящных искусств (ныне Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина) в 1931 г.

Альбрехт Дюрер. Юная пара и Смерть (Прогулка).
Около 1496–1498. Резцовая гравюра на меди. ДВХМ

Юная пара и Смерть (Прогулка) в оригинале

«Прогулка» – одна из тех прекрасных гравюр, которые неизменно привлекают к себе внимание ценителей искусства благодаря технике исполнения и загадочному сюжету.

Что касается исполнения, то «Прогулка» выполнена в технике гравюры на меди. Стоит отметить, что до Дюрера гравюра на меди в Нюрнберге не была распространена, и с данной техникой молодой художник познакомился в Кольмаре у братьев Шонгауэров во время своего первого путешествия. Гравюры на меди привлекали Дюрера тем, что художник сам режет рисунок на медной доске, а не зависит от мастерства резчика, кроме того, он опирался на опыт работы с металлами, полученный в ювелирной мастерской отца. Первые практические шаги в гравюре на меди Дюрер предпринимает в середине 90-х годов XV века («Аллегория смерти», «Морское чудовище» и т. д.), в числе первых работ и «Прогулка».

Гравюры на меди в силу своей дороговизны и изящного исполнения, передающего все нюансы рисунка, были рассчитаны на узкий круг образованных людей и ценителей искусства, поэтому тематика гравюр весьма разнообразна. Мифологические, аллегорические и бытовые сюжеты преобладали над религиозными. Религиозные композиции Дюрер предпочитал делать в ксилографии, т. к. они

были рассчитаны на широкие круги покупателей и некоторые из них приобретали огромную популярность, как, например, «Апокалипсис».

Сюжет «Прогулки», на первый взгляд, незамысловат: молодая бюргерская пара в богатых костюмах прогуливается за городом, на заднем плане виден сельский пейзаж и дерево. В таком виде гравюра находится в ДВХМ и представляет собой жанровую сцену без какой-либо смысловой нагрузки. Однако в оригинале из-за дерева выглядывает Смерть с песочными часами над головой. На музейном экспонате от нее видны лишь правая нога и часть развевающегося плаща. С утратой данного фрагмента теряется и заложенный автором глубокий философский смысл сюжета. Без него невозможно понять, почему так задумчивы лица молодых людей. Особый смысл приобретает и безрадостный пейзаж, навевающий какую-то безнадежную тоску, куст травы с острыми и сухими листьями, безвольно гнущийся под ветром, и прямо-таки «булгаковское» засохшее дерево, на котором «так и тянет повеситься». Все напоминает о временности бытия. Виднеющееся вдали селение как будто отгорожено от молодой пары фигурой Смерти, вселяет острое чувство одиночества и оторванности от мира.

Тема гравюры перекликается со стихами современника А. Дюрера Себастьяна Бранта из книги «Корабль дураков»:

Честь, знатность, юность, денег власть –
Перед тобой должны все пасть,
О смерть! Все смертно, что живет,
Всему наступит свой черед.

Молодость и богатство только усиливают впечатление тщетности мирской суеты и напоминают грешным обитателям земли слова Спасителя: «… говорю вам: удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царствие Небесное» (Мф. 19.24). Не эти ли слова дамокловым мечом висят над самонадеянными щеголями? Так зачем зовет юноша жестом свою спутницу с мрачным лицом, если глумливая смерть неумолимо отсчитывает отпущенное время? Разве что за индульгенцией?

И все же, почему столь часто обращается художник к образу смерти? Ведь «Прогулка» – лишь одна из многочисленных работ Дюрера посвященных теме «Memento mori». Достаточно вспомнить ряд знаменитых работ – шокирующую своей откровенностью «Аллегорию смерти», одну из «мастерских» гравюр «Рыцарь, Смерть и дьявол» и серию гравюр «Апокалипсис», а также менее известные работы – «Смерть и общество за столом», «Рыцарь и Смерть», «Смерть и ландскнехт», «Memento Mei» и т. д.

Какие причины побудили художника обратиться к этой теме? Чтобы понять, необходимо рассмотреть несколько основных причин. Конечно, логично искать причины в личной жизни. Как известно, в семье Дюрера-старшего из восемнадцати детей до зрелого возраста дожи-

Альбрехт Дюрер. Молодая женщина и Смерть (Насильник).
Около 1494. Резцовая гравюра на меди

Ганс Бальдунг. Шабаш ведьм. 1510.
Ксилография кьяроскуро, одна очерковая доска, одна тоновая доска

Memento Mei

Альбрехт Дюрер. Ведьма верхом на козле.
Около 1500. Резцовая гравюра на меди

ло только трое. Так что со смертью художник столкнулся в раннем возрасте.

Но скорее всего причины кроются в менталитете средневекового западного человека. Ранняя смертность, непрекращающиеся войны и особенно эпидемии чумы (этой теме посвящен рисунок «Memento Mei») вызывали у средневекового человека патологический религиозный страх смерти и адских мучений. Но самое ужасное заключалось в том, что в Западной Европе этот панический страх приобретал характер массовой истерии. Иначе не назовешь умопомрачение, охватившее все слои населения в ожидании прихода Антихриста и наступления Страшного суда в конце первого тысячелетия, а затем ожидание конца света в 1033 году. С поглощенностью темой смерти связано и быстрое распространение веры в чистилище – «третьего загробного мира», в XIII веке его существование было официально утверждено папой Иннокентием IV. Вера в чистилище должна была компенсировать религиозный ужас, вызванный представлениями о том, что души после смерти отправляются непосредственно в рай или ад. Отсюда невиданное распространение индульгенций (например, покровитель Дюрера епископ Альбрехт Бранденбургский приобрел «отпущений грехов» на 39 245 120 лет) и популярность так называемых посмертных месс, которые должны были сократить время пребывания души в чистилище.

В XV веке после череды опустошительных эпидемий чумы страх смерти достиг своего апогея. Этот страх нашел свое отражение в изобразительном искусстве в качестве так называемых «La danse macabre» – «Пляска смерти». Появившееся во Франции слово «macabre» (погребальный, жуткий), по мнению Й. Хейзинга, суммирует все представления о смерти в позднем Средневековье. Сущность слова «macabre» имеет более глубокий и скрытый смысл, нежели его русский перевод. Изображенные танцующие скелеты и разлагающиеся тела – это не смерть и не мертвецы, а «мертвое Я», двойник живого человека. В таком случае «macabre» – это скорее ощущение постоянного незримого присутствия смерти. Так воплощается средневековый страх смерти, который по выражению датского философа С. Кьеркегора: «…никогда не отпускает – ни в развлечениях, ни в шуме повседневности, ни в труде, ни днем, ни ночью». В католическом восприятии смерти совершенно отсутствуют лирические мотивы, свойственные другим религиям, – лишь высокий и чистый ужас.

Как ни странно, но Реформация только усилила религиозный страх, добавив к нему и чувство одиночества, чему способствовал распад общины церковной, ремесленной, крестьянской. По мнению Э. Фромма: «Про-

тестантизм и кальвинизм обратились к чисто патриархальному духу Ветхого завета и устранили материнский принцип из своих религиозных представлений. Материнская любовь церкви и Богородицы не простиралась больше на человека. Он предстал одиноким перед серьезным и строгим Богом, чьей милости мог добиться только благодаря абсолютной покорности». Страх перед одиночеством заставлял людей сбиваться в коллективы, порождая в будущем отвратительные химеры западной цивилизации – шовинизм, расизм и фашизм.

Об усилившемся страхе говорит не поддающаяся рациональному объяснению «охота на ведьм». Причудливые фантазии и суеверия, свойственные народной религиозности (эти представления отражены в гравюрах Бальдунга Грина) выплескивалась в жуткие вспышки паники и насилия, бродившие по Европе подобно Черной Смерти, освещая сумерки Средневековья кострами мракобесия.

Постоянное присутствие в жизни человека образа смерти и грядущих адских мук вызывали большой спрос на гравюры с тематикой смерти. По-видимому, эти ощущения и передавались художниками, остро улавливающими настроения современников. Неудивительно, что к теме «Memento mori» обращаются многие выдающиеся современники Дюрера: Ганс Гольбейн-младший, Бальдунг Грин, Урс Граф, не говоря о кошмарных видениях Иеронима Босха.

Так возможен ли выход из порочного круга отчаяния и вселенского одиночества перед лицом неизбежной смерти? Скорее всего ответ можно найти в жизни и творчестве самого Альбрехта Дюрера. Глубокая религиозность Дюрера, осознание греховной сущности человека заставляла художника творить во имя Господа Бога, прилагая знания лишь как средство для воплощения духовных потребностей: «Ибо ложь содержится в нашем знании, и так крепко засела в нас темнота, что, следуя ощупью, мы впадаем в ошибки» (А. Дюрер).

Гравюра «Рыцарь, Смерть и дьявол», которая, по одной из версий, является осмыслением трактата Эразма Роттердамского «Руководство христианского воина», показывает путь освобождения, на котором только вера позволяет рыцарю, поглощенному своей устремленностью к некоему высшему идеалу, не обращать внимания на козни дьявола и преодолеть страх перед навязчивым образом смерти, ибо его девиз: «Non est fas respicere» («Нельзя оглядываться»).

В заключение статьи стоит напомнить лаконичную и проникновенную эпитафию Вилибальда Пиркгеймера: «То, что было смертным в Альбрехте Дюрере, покоится под этим холмом». Да, упокоился ремесленник Альбрехт в земле имперского города Нюрнберга, оплаканный сварливой и жадной женой, друзьями и верными учениками. В прах обратилось тело мастера, выручавшего за свои красивые поделки унылый перечень фунтов, гульденов, пфеннигов и прочей нумизматической дряни. Но в веках живет дело художника и гуманиста, заставляя нас, смертных, задуматься о несиюминутном, в который раз обращаясь к отчаянию крылатой женщины в «Меланхолии», к решимости Рыцаря и умиротворенности святого Иеронима.

Альбрехт Дюрер. Рыцарь, Смерть и дьявол. 1513. Резцовая гравюра на меди

Литература:

Зарницкий, С. В. Дюрер / С. В. Зарницкий. – М. : Молодая гвардия, 1984. – 351 с. – (Жизнь замечательных людей).

Кара-Мурза, С. Г. Манипуляция сознанием / С. Г. Кара-Мурза. – М. : ЭКСМО, 2003. – 830 с. – (История России. Современный взгляд).

Либман, М. Я. Дюрер и его эпоха. Живопись и графика Германии конца XV и первой половины XVI в. / М. Я. Либман. – М. : Искусство, 1972. – 240 с. ил.

Львов, С. Л. Альбрехт Дюрер / С. Л. Львов. – М. : Искусство, 1977. – 302 с. : ил. – (Жизнь в искусстве).

Монтер, У. Ритуал, миф и магия в Европе раннего Нового времени / У. Монтер. – М. : Искусство, 2003. – 288 с.

Нессельштраус, Ц. Г. Альбрехт Дюрер / Ц. Г. Нессельштраус. – Л. ; М. : Искусство, 1961. – 226 с. : ил.

Хёйзинга, Й. Осень Средневековья. В 3 т. Т. 1. Исследования форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV вв. во Франции и Нидерландах / Й. Хейзинга ; сост. и пер. Д. В. Сильвестров ; вступ. ст. и общ. ред. В. И. Уколовой ; заключит. ст. и науч. коммент. Д. Э. Харитоновича ; [Рос. акад. наук]. – М. : Прогресс ; Культура, 1995. – 413,[2] с. – (Памятники исторической мысли).

Зимняя рапсодия

Кусочек бирюзы в мозаике жизни

Светлана ФУРСОВА

Дискуссия на привале

Встреча на маршруте

Недолго длится зимний день в лесу. Кажется, только развиднелось, проглянуло сквозь плотные облака неяркое солнце, и уже пошли на убыль краски. Лес, в котором небо и снег слились в одно целое, затаился, притих. И в этом белом пространстве возвращались с охоты трое людей. Неторопливо переговариваясь, они присели на валежник, закурили, мечтая о тепле, печке и горячем чае. Потом двое из них встали и продолжили путь. А третий задержался. Привычно достав из охотничьей сумки блокнот и карандаш, он легкими штрихами торопливо набросал на листке бумаги бредущих по глубокому снегу товарищей, очертания отягощенных снегом веток – и обыкновенный день из жизни ученых-лесоводов, запечатленный рукой художника, стал одним из экспонатов персональной выставки Дмитрия Ефремова «История познания. Лес и люди», которая в конце 2006 года состоялась в выставочном зале Регионального творческого союза.

Эх, дороги! Автошарж

Утро 1947 года. В школу

Мама

Отец

Дмитрий Федорович Ефремов – ученый, кандидат сельскохозяйственных наук, заслуженный лесовод России, автор более 200 научных работ – прошел путь от младшего научного сотрудника до директора Дальневосточного научно-исследовательского института лесного хозяйства (ДальНИИЛХ), которым он руководил более пятнадцати лет. Темой его трудов, интересов, исследований является лес, он же стал любимой натурой в живописи и графике. В архиве Ефремова хранится бесчисленное количество этюдов, набросков, рисунков, натюрмортов, отражающих почти полувековую жизнь в науке: здесь и природа Камчатки и Дальнего Востока, и мгновения жизни людей, эту природу преобразующих, и дружеские шаржи на коллег и самого себя, и портреты. Эти небольшие по размеру зарисовки, как разноцветные камешки на дне реки жизни, складываются в мозаичное полотно, с каждым кусочком которого связана своя история. А «подручные средства» – листок бумаги в рабочем блокноте, карандаш или шариковая ручка – всегда с собой.

Лесной штаб

– Мне легче нарисовать, чем отыскивать слова для описания того или иного явления, – признается Дмитрий Федорович. – Можно сказать, что я просто фиксирую мгновенья жизни или иллюстрирую их. Например, сижу на лекции и вдруг чувствую, что рука тянется к карандашу, стремясь запечатлеть чей-то колоритный затылок или профиль. Через пять-семь минут набросок готов. Это как стихи или музыка: подступит – и все. Самое интересное, что голова в этом процессе не принимает никакого участия. Порой я сам удивляюсь тому, что выходит из-под моего карандаша.

Любопытно, что поначалу Ефремов пришел в зал галереи для того, чтобы оформить некоторые особенно дорогие сердцу работы. Просто так, для памяти. Человек огромного обаяния, глубоких знаний и при этом необычайно скромный, Дмитрий Федорович никогда не думал, что его рисунки могут представлять

Лунная ночь на Камчатке. Поселок Козыревск

Добрый дяденька

Яйценята (после сплава по реке Яй)

Речная гребенка

Проточка

Река Коппи

интерес для специалистов. Однако хабаровский художник Игорь Кравчук, увидев графические наброски, которые принес посетитель, решил, что они из коллекции профессионального художника, и заинтересовался ими. Когда выяснилось, что автор перед ним, Кравчук убедил ученого, что его работы стоят того, чтобы их увидели люди. Сначала выставку организовали в ДальНИИЛХе, где она была чрезвычайно тепло принята коллегами Ефремова, затем в Выставочном зале Регионального творческого союза.

Стоит ли говорить, что любая выставка – это открытие и знакомство с огромным неведомым миром. А если художник при этом оказывается интересным собеседником, то такая встреча радостна вдвойне.

– Я родился в городе Серпухове Московской области в семье лесничего. Перед войной отец перевез семью в лесничество, так что детство прошло среди природы – рек, деревьев, птиц, зверей, – вспоминает Дмитрий Федорович. – Рисовать начал уже в шесть лет, это восполняло недостаток общения со сверстниками. Каждый день, проведенный в лесу, становился событием. Помню, это было в третьем классе, выходим из дома с сестрой и прислушиваемся, в какой стороне волки. Если воют за березняком, значит, это еще не опасно и путь свободен. А вот если в осиннике, то тогда берегись. Школа находилась в деревне, до которой шагать четыре километра, по дороге всякое случалось… Все, что видел вокруг, я потом рисовал, чтобы излить свои впечатления. В нашей семье не было художников, моим учителем стал лес, он повлиял на меня, поражая воображение своей красотой и богатством. Однажды был курьезный случай: я нарисовал лесника Тимошу, а у него были большие усы. Кто-то из взрослых, увидев рисунок, сказал: «Как у Сталина». Мои родители, помню, страшно перепугались, услышав подобное сравнение.

Школу Дмитрий закончил в 1955 году, это было чудесное время свободы, радос-

В электричке

Алла Лебединская

Академик В.Н. Сукачев

Бродяга Фурин

Профессор Н.Е. Кабанов – ученик Арсеньева

Сосед-озорник

Бич-первопроходец

Законченный почвовед

ти, единения. Поколение, детство которого пришлось на военное время, рано повзрослело, поэтому молодые ребята в первое мирное десятилетие спешили добрать то, что было отнято у них войной – беспечность, бесшабашность, радость и полноту жизни.

После окончания школы молодой человек поехал в Москву, отнес свои работы в Суриковское художественное училище, и они были приняты. Оставалось сдать экзамены по общеобразовательным дисциплинам, но внезапно абитуриент забирает свои документы из училища и относит их в Московский лесотехнический институт. Казалось бы, необъяснимый поступок. Но только на первый взгляд.

– Я рисовальщик, не художник, – признается Дмитрий Федорович. – Моя вселенная – лес. По природе я закоренелый лесовод, хотя любовь к изобразительному искусству сопровождала меня всю жизнь. Но художником себя назвать не могу.

Наверное, умение образно видеть и постигать окружающее через «картинки» было для ученого тем параллельным миром, который сопутствовал основному делу, давал возможность скрасить трудности полевой жизни, взглянуть со стороны на себя и своих коллег. Дмитрий Федорович изучал много книг по живописи, всегда интересовался новыми направлениями в живописи и графике, посещал выставки. Но основным все же оставался лес, во всем богатстве и многообразии форм – удивительным подземным миром, где происходит борьба, притяжения, отталкивания. Тем более что лес как совокупность живых организмов обладает теми же функциональными проявлениями, что и человек, уверяет Дмитрий Федорович, в нем происходит борьба внутренняя и борьба с себе подобными. Как и человек, лес требует бережного к себе отношения, и от правильного использования его богатств зависит природный ресурс, прирост и его дальнейшая судьба. Равно как и судьба человечества.

Еще будучи студентом Дмитрий Ефремов в составе Камчатской комплексной экспедиции АН СССР по изучению производительных сил впервые попал на Камчатку, удивительную страну, где не найдешь ни одного места, про которое можно сказать, что оно типично для края. Здесь все разное, непохожее друг на друга, напоминает живописное полотно или лоскутное одеяло.

Разумеется, юноша был покорен уникальной красотой новых мест, влюбился в край вулканов и гейзеров. К тому же в экспедицию входили известные ученые с мировыми именами, яркие, интересные личности. Было много талантливой молодежи, которая в будущем приумножила славу

Мечта таежника

У костра

Будущий профессор – Л.Т. Крупская

Из окна студенческого общежития

Полевой натюрморт

Заснеженная тайга

науки. Жизнь была интересной и насыщенной.

По окончании института Дмитрий Федорович добился, чтобы его распределили на Камчатку, хотя его оставляли в столице.

– С тех пор я здесь, сперва работал на Камчатке директором опытной лесной станции, затем перевели на Дальний Восток, в Хабаровск. Изучал лесные ресурсы на Камчатке, в Магаданской, Амурской и Сахалинской областях, а также в Приморье, Якутии и Сибири. Как ученый объездил полмира, но лучше России ничего нет.

Хотя большая часть жизни ученого-лесовода прошла в поле, она была полна разнообразия и удивительных открытий и встреч, равно как и лес, о котором Ефремов может говорить бесконечно.

– К сожалению, то, что было накоплено в России за 200 лет существования лесного хозяйства: знания, колоссальный опыт многих людей, сегодня оказалось невостребованным, – не без горечи признается ученый. – Мы вступили в фазу разрушения и надлома, и отношение к исходному качеству и параметрам уже никогда не вернется. На этом месте может возникнуть что-то другое, качественно новое, но это уже другая история.

Может, чтобы уберечь себя и себе подобных от истребления, ученый при помощи пера, карандаша, реже кисти и красок и создавал на протяжении жизни своеобразный заповедник. Ибо не чем иным, как историей созидания Души, не назовешь его экспромты, выполненные в порыве сердца. Линии и штрихи, летящие, обрывающиеся, напоминающие росчерк в небе или таинственный знак на снегу – они как послания в Вечность. Сентиментальные, восхитительно бесполезные, как, например, соль или сахар. Без них ведь не умирают. Да, но и не живут.

Как заметила хабаровская художница Надежда Хрустова: «Главное впечатление от выставки Дмитрия Ефремова «История познания. Лес и люди» – ощущение тишины. Чтобы познать природу, которую изображает, художник глубоко проникся этой тишиной и в таком умиротворенном состоянии передает свои впечатления. В его набросках нет напряжения, суеты, это этюды, сделанные в минуты отдыха – рано утром или при свете вечернего костра. Очень теплые работы, на которых человек предстает как часть природы, земли и неба. Человек – созидатель, стремящийся сберечь и обогреть землю, на которой живет».

Сладкий сон

Кирюшка

Феденька

Левушка

Первый хабаровский джазовый фестиваль. 1968

Соло для саксофона

Светлана ФУРСОВА
Хабаровск

С самого начала беседа с народным артистом России Вячеславом Захаровым, дипломантом международного фестиваля джаза, который проходил в 1967 году в Таллине, лауреатом многих фестивалей искусств, напоминала джазовую композицию, в которой я упорно тянула свою партию (задавала вопросы), а Вячеслав Трофимович шутил, острил, рассказывал веселые байки, сам принимался расспрашивать, одним словом, импровизировал.

Это не мешало, хотя порой казалось, что главная тема растворилась, пропала совсем, бросив тебя на произвол судьбы посреди незнакомых улиц. Но вдруг, словно вынырнув из-за угла, почти не узнанная в новой интерпретации и все-таки радостно узнаваемая, любимая мелодия вновь окликает тебя, и ты устремляешься за ней, окрыленный надеждой на новую встречу.

В 2006 году Вячеслав Захаров отметил 65-летие. Вечер, посвященный его исполнительской деятельности, состоялся на сцене краевого театра драмы, той самой, где когда-то, лет эдак 20 назад, впервые всю ночь напролет лучшие музыканты города играли джаз. Среди них заметно выделялся молодой Вячеслав Захаров со своим саксофоном, который пел, сверкал в его руках, заражая слушателей весельем и оптимизмом.

Это было необычно для патриархального Хабаровска. Словно бодрящий душ обрушился на слушателей, хотелось подпевать, танцевать, смеяться. А для кого-то этот ночной концерт стал приобщением к новому жанру в музыке.

С тех пор в городе так и повелось: говорят «джаз», а подразумевают Захарова.

– Кстати, что означает слово «джаз»? Ни в одном словаре я не нашла ответа на этот вопрос.

– Луи Армстронг по этому поводу высказывался так: «Если вы не знаете, что такое джаз, то зачем вы спрашиваете?..» Это самый молодой жанр, которому недавно исполнилось немногим более ста лет. Но за это время джаз успел довольно громко заявить о себе. Считается, что зародился он в Америке (та самая пресловутая «музыка толстых»), хотя Леонид Осипович Утесов, например, утверждал, что родина джаза – Одесса.

– А для вас?

– Для меня родина джаза – это Дальний Восток, поскольку я здесь родился, вырос, учился. Долгое время мы и не знали что играем джаз. Тогда музыка подразделялась на классическую и эстрадную. Мы играли инструментальную музыку с элементами импровизации, может, это и был джаз, не знаю… У меня от того времени осталась огромная коллекция записей Александра Цфасмана и других исполнителей – это была целая школа легкого жанра.

– И все-таки, как начинал мэтр отечественного джаза, тогда никому не известный музыкант Слава Захаров?

– После того как два года проучился в музыкальной школе, я поступил в Хабаровское училище искусств на отделение духовых инструментов по классу кларнета. Но с детства меня влекла другая музыка, и постепенно я начал осваивать игру на саксофоне самостоятельно, тогда даже учебников никаких не было. В результате я не стал классическим музыкантом, не стал музыкантом симфонического оркестра и даже музыкантом оркестра театра музыкальной комедии я тоже не стал. А избрал легкий жанр, который на самом деле не очень-то легок, так как требует от музыканта хорошей профессиональной подготовки. Так этот необычный по тем временам жанр незаметно перетянул меня на свою сторону.

– Считается, что джаз – это свобода, стихия импровизации… Вы стихийный человек?

– А вы знаете, что такое импровизация? (Вячеслав Трофимович раскрывает учебник и цитирует): «Термин «импровизация» означает сочинение музыки в процессе исполнения, а это значит, что необходимо в домашней работе тщательно отбирать средства…» Другими словами, у музыканта должно быть много стандартов, с помощью которых создается импровизация. Среди музыкантов существует такая шутка: джаз удобен тем, что требует малого количества нотной бумаги…

– То есть весь вечер импровизируешь, играешь – и все, мгновенье больше не повторится…

– Ну почему? Есть музыканты, которые исполняют свою одну и ту же версию несколько раз. А прагматичные американцы, например, когда появилась грамзапись, вообще стали оставлять все дубли на записи, на их основе потом создавали учебники с циклами импровизаций. У Баха это называлось вариациями на тему, а в джазе – импровизацией. Для меня критерий джазового музыканта – это умение управляться с мелодией.

– В чем смысл импровизации? Всегда ли это встречается с пониманием слушателями?

– Если подкреплено достаточно высоким уровнем исполнения, то да. А смысл в том, чтобы заразить своим настроением слушателей, передать им то, что ты чувствуешь и умеешь. Есть два типа импровизации – лениарный (сочинение мело-

2-й фестиваль «Джаз над Амуром». Играют и поют блюз: Валентина Пономарева, Александр Фишер, Вячеслав Захаров и биг-бэнд под управлением Морозова. Дирижер Александр Миллер. 1986

дии на гармоничную основу темы) и парафразный (создание вариации на мелодию темы), но самое главное в джазе – правильно донести мелодию до слушателей, чтобы она запомнилась, отложилась в памяти с самого начала.

– Как сложилась ваша жизнь после окончания училища?

– Служил в армии. Потом стал работать в ансамбле при Доме офицеров под управлением Вадима Горовца. Играл в других оркестрах, которые по форме не укладывались в рамки классики, а также выступал в различных по составу ансамблях. Мы играли в городских кинотеатрах перед сеансами, в ресторанах, на танцплощадках, ездили по воинским частям, исполняли музыку из репертуара популярных в те годы Гелены Великановой, Нины Дорды, Леонида Утесова. Вот тогда-то в нашу жизнь и ворвалось это слово – джаз. Я считаю, что именно с квинтета Вадима Горовца и началась моя деятельность по популяризации этого жанра на Дальнем Востоке. Мы очень много ездили. Гастроли, поездки, встречи с разными людьми – это было замечательное время. Вскоре к нам присоединился трубач Александр Фишер. В мае 1968 года мы стали лауреатами джазового фестиваля, который проходил в Москве. Вернулись окрыленные, счастливые, и уже в декабре провели в Хабаровске первый фестиваль джаза – участники и оргкомитет в одном лице. Это стало грандиозным событием для города.

– Правда ли, что джазмены тогда подвергались гонению?

– Может, потому, что уже наступил период оттепели и фестивали джазовой музыки стали проводиться на международном уровне, особых гонений на джаз я не помню. Другое дело, что музыкантам могли ***посоветовать*** (курсив автора. – Ред.) включать в концертный репертуар больше советских композиторов, но чтобы запрещали?… Нет, такого не помню.

– Вы много ездили, были в Америке. Расскажите, что это были за поездки?

– Я всегда был гастролирующим музыкантом, никогда не отказывался и не отказываюсь от выступлений, но в то же время всегда отдаю себе отчет в том, где и с кем играю. В Америке я выступал в дуэте с магаданским пианистом, нас приглашали туда на протяжении нескольких лет. Кроме того, был в Корее, Сингапуре. Может, потому что я много ездил, сильного желания уехать из Хабаровска не возникало. Хотя когда покинули город в поисках лучшей доли Александр Фишер, Вадим Горовец, я очень жалел, что распался наш коллектив.

– Насколько, на ваш взгляд, интенсивна в Хабаровске музыкальная жизнь?

– О музыкальной жизни в городе можно говорить тогда, когда есть человек, который не только генерирует идеи, но и воплощает их в жизнь. Раньше я всех теребил, хотел все успеть, торопился, бежал, не давал почивать на лаврах. Мы много репетировали – это рождало здоровую конкуренцию среди музыкантов… Сейчас всем этим занимается Валерий Хусаинов, наш продюсер. Сегодня джаз стал сложнее, в нем много различных направлений, он требует большой виртуозности от исполнителей.

– Вы преподаете в колледже искусств основы джазовой импровизации. Что можете сказать о своих учениках?

– Поколению сегодняшних музыкантов сложно приходится, ибо необходимо переварить массу современной литературы и в то же время не забывать основы, которые были заложены прошлым поколением, нашими предшественниками. Что касается учеников, то поскольку вкладываешь в это дело душу, хочется, чтобы были результаты…

– Что кроме преподавания составляет вашу жизнь сегодня?

– Я солист штаба Дальневосточного военного оркестра, это один из главных оркестров города, который выступает на всех городских мероприятиях, праздниках, концертах. Оркестр исполняет не только духовую или танцевальную, но и симфоническую музыку… Но джаз по-прежнему играет в моей жизни важную роль. Уже стало традицией ежегодно проводить в городе «Рождественский бал», участником которого я неизменно являюсь. Ну и, наконец, наш весенний фестиваль «Джаз над Амуром», он продолжается…

Из жизни «Общества любителей Фотографии»

Макс ШАРГОРОДСКИЙ
Хабаровск
Фото Сергея ПЛОТНИКОВА

У человека, занимающегося фотографией, всегда особенный взгляд на окружающий мир и населяющих его людей. И абсолютно неважно, профессионал он или любитель. Важны только его снимки, в которых он выражает свои чувства и делает особые акценты в общей палитре нашей жизни. Конечно же, для любого фотографа важно показать свое творчество, и такую возможность дают выставки.

В феврале 2007 года в краевом Доме творческой интеллигенции, а немного позднее в галерее современного искусства «Метаморфоза» (Комсомольск-на-Амуре) осуществлен выставочный проект Хабаровского фотографического общества. Современный штрих к большому историческому полотну одной из старейших общественных организаций дальневосточной столицы.

Согласно архивным документам первые попытки создать «Общество любителей Фотографии» были предприняты еще в 1894 году. Эту идею озвучил капитан генерального штаба М.А. Соковнин на заседании отдела Приамурского географического общества, членом которого он являлся. Он предложил организовать «Общество любителей Фотографии», которое объединит всех фотографов в рамках Приамурского округа. Идею Соковнина поддержали, и уже 15 мая 1894 года при Географическом обществе Приамурского округа была официально создана эта общественная организация. Возглавил ее все тот же М.А. Соковнин, его заместителем стал чиновник И.Е. Торнани. Избрали правление, куда вошли государственные чиновники и представители купечества – А.В. Плюснин, Ф.А. Монковский, Н.В. Ашехматов и П.П. Шинкевич.

Первыми шагами «Общества любителей Фотографии» стала передача фотографий, имеющих историческую ценность, в краеведческий музей. Так, известнейший фотограф Э.Ф. Нино презентовал музею 250 фотографий (многие из них сегодня составляют уникальный фонд и в качестве иллюстраций входят в печатные издания по истории Дальнего Востока). Примеру Нино последовал Ф.П. Сенкевич и многие другие фотографы Приамурья.

В конце 1894 года генерал-губернатору С.М. Духовскому был присвоен титул «Почетный член «Общества любителей фотографии Приамурья». В это же время в журналах «Нева», «Всемирная иллюстрация» и «Живописное обозрение» первые появились публикации приамурских фотографов. В 1895 году «Общество любителей Фотографии» открыло собственную библиотеку по фотографии, проводились также выставки и вернисажи. А в 1897 году генерал-губернатор Духовской откомандировал одного из членов Общества с экспедицией на полуостров Камчатский, что говорит о понимании государственными чиновниками важности фотографии не только с точки зрения географии и геологии, но ее исторического и культурного значения.

Во время Первой мировой войны и в последующие годы интервенции и масштабных политических событий следы «Общества любителей Фотографии» теряются. Однако работы фотографов той поры дошли до нас, что в полной мере раскрывает поистине неоценимое значение фотографии в истории и культуре Дальнего Востока.

«Общество любителей Фотографии» возродили уже в XXI веке. В общественную организацию, которую возглавил Александр Храмцов, входят фотохудожники, профессиональные и непрофессиональные фотографы.

Всех этих людей объединяет одно – любовь к фотографии. Общество активно пропагандирует искусство фотографии, участвует в городских, краевых и международных выставках. В ближайших планах – организация и проведение открытых мастер-классов и семинаров, а также создание в рамках Общества собственной фотографической школы. Достаточно серьезным шагом видится создание на базе «Общества любителей Фотографии» Дальневосточного фотографического союза, который бы объединил для совместных проектов всех фотографов Дальнего Востока.

Своя правда. Автор Макс Шаргородский

Автор Урал Гареев

Голуби. Автор Анна Сорокина

Автор Вячеслав Банков

Туманы и стихи

Живопись медом. Портрет художника Юрия Ефименкова

ДАНИЛОВ Иван Анатольевич, архитектор, преподаватель кафедры «Архитектура и урбанистика» Института архитектуры и строительства Тихоокеанского государственного университета.

Профессиональное образование получил в Свердловском архитектурном институте, работал в проектных организациях г. Амурска, участвовал в создании и деятельности регионального экологического объединения «Болонь – чистая вода», занимался выявлением зданий и сооружений, претендующих на статус памятников деревянного зодчества в г. Благовещенске, и другими проектами.

Фотография – одно из главных увлечений. Персональные фотовыставки «В память о будущем лете…» проходили в Доме творческой интеллигенции (Хабаровск, 2003 г.), Институте архитектуры и строительства ТОГУ (2004 г.). В 2004 г. осуществлен авторский проект «Русская зима» (ТОГУ).

В 2004 и 2005 гг. участвовал в городских фотовыставках, посвященных дню рождения Хабаровска, а также в международной фотовыставке, состоявшейся в 2005 г. в Ниигате (Япония).

Автор поэтического сборника «Приземленность».

Четвертое измерение

Время – как деньги, упавшие в воду.
Время – как травы, растущие в небо.
Время – как жизнь, как о вечном мечта.

Припадая к траве –
обнимая всю землю;
Зажимая монету в ладони –
грезя свободой;
Жизнь, продвигая к мечте, –
совершаешь поступки.

6 августа 2004 г.

Цветы и звезды

Цветы – это звезды,
Упавшие наземь.
Кувшин – это космос,
Рождающий звезды.

Сошедшие наземь
Небесные звезды,
Цветы собирая в букет,
Вспоминают о доме…

6 августа 2004 г.

Осеннее

Пусть дней листва
печалью опадает наземь.
Пусть в вереницу лет
клин журавлиный нанизает память.

Но крепнет жизни ствол
кольчугой годовых колец,
И вешнего цветенья
предвкушаю радость!

24 октября 2004 г.

Надежда ХРУСТОВА – живописец, член Союза художников России. Работает в технике батик, сформировав со временем собственную технологию росписи по шелку. Главная тема, к которой всякий раз обращается Надежда Хрустова, – красота и гармония природы, созданной Творцом. Среди живописных циклов, написанных художником в разные годы, – «Полевые травы», «Восточный ветер», «Рассвет», «Вербное воскресенье», «В предчувствии праздника», «Пасхальные мотивы». На бархатистой поверхности шелковых полотен, в окружении неба и трав, в каком-то особенном мире живут женщины, дети, ангелы, райские птицы, и все это для автора является единым целым.

Надежда Хрустова родилась в Якутске, окончила художественно-графический факультет ХГПИ. С 1986 года участвует в городских, краевых, зональных и международных выставках. Персональные выставочные проекты осуществлены в Хабаровске, Находке, Владивостоке, Комсомольске-на-Амуре, Чите, Портленде (США). Работы художника находятся в музейных собраниях Комсомольска-на-Амуре и Читы, а также в коллекциях галерей Хабаровска, Владивостока, Находки. В 2001 году Надежда Хрустова стала лауреатом городской премии за лучшее произведение в области декоративно-прикладного искусства.

Прыжок кузнечика. Батик. 2005

Тихий день. Батик. 2003

Две морковки. Батик. 2006